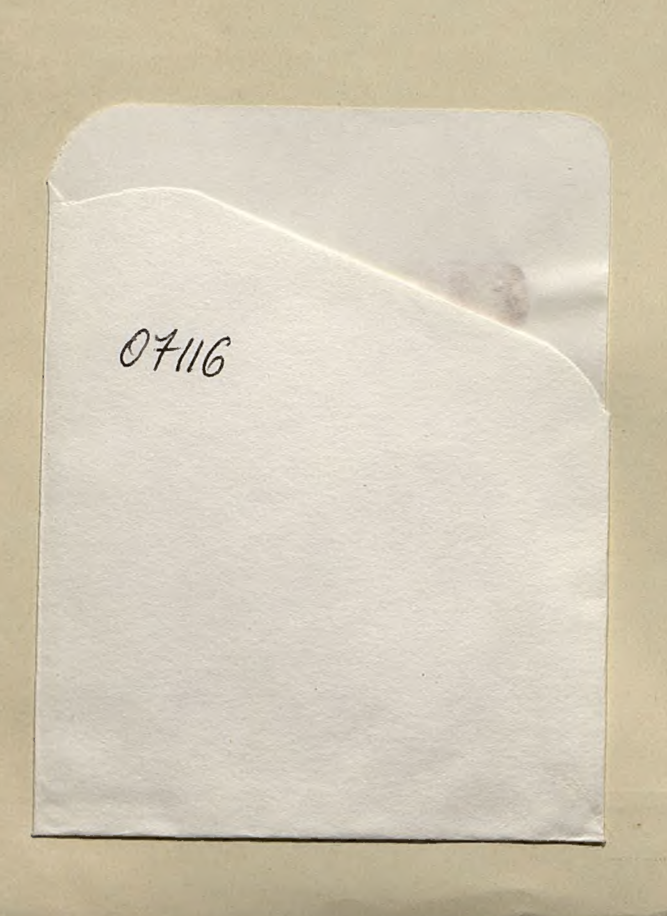
Л. М. СУХОТИНЪ

КЪ ПЕРЕСМОТРУ ВОПРОСА ОБЪ ОПРИЧНИНѢ

VII – VIII

—

БѢЛГРАДЪ
1940

07116

Глубокочтимому о. Георгію Флоровскому отъ автора.

Л. М. Сухотинъ.

КЪ ПЕРЕСМОТРУ ВОПРОСА ОБЪ ОПРИЧНИНѢ. (VII—VIII).

VII.

Историческій ходъ опричнины.

Согласно повѣствованію, включенному въ оффиціальную лѣтопись[1]), 3 декабря 1564 года царь Иванъ Васильевичъ Грозный покинулъ Москву вмѣстѣ съ царицей и двумя сыновьями. Выѣздъ его не походилъ на обычные выѣзды на богомолье: онъ увозилъ съ собою много драгоцѣнныхъ иконъ и крестовъ, золотой и серебряной посуды, платья и всю свою казну государеву. Тѣ немногіе бояре, ближніе дворяне и приказные люди, которые его сопровождали, должны были забирать съ собой свои семьи, а прочіе служилые люди — ѣхать „съ людьми и съ коньми, со всѣмъ служебнымъ нарядомъ". Двѣ недѣли царь прожилъ въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ, задержанный непогодой, а затѣмъ, послѣ остановки у Троицы, проѣхалъ въ Александровскую слободу (100 верстъ отъ Москвы). По словамъ лѣтописи, высшее духовенство, бояре и приказные люди, оставшіеся въ Москвѣ, „о томъ въ недоумѣніи и во уныніи быша, такому государскому необычному подъему и путнаго его шествія не вѣдомо куда бяше".

По другому разсказу объ этомъ событіи, принадлежащему иностранцамъ Таубе и Крузе[2]), бывшимъ въ то время въ Москвѣ, выходитъ, что отъѣздъ государя не былъ обставленъ подобной таинственностью; что за двѣ недѣли до того, какъ покинуть Москву, царь собралъ совѣтъ изъ духовенства и свѣтскихъ чиновъ, выступилъ передъ ними съ обвинительной рѣчью, говоря, что онъ знаетъ, что бояре ему измѣняютъ и даже покушаются на его жизнь, и гро-

[1]) Полное собр. русск. лѣтоп., т. XIII, 2 полов., с. 391 и слѣд.
[2]) Русскій историч. журн., кн. 8 (Петрогр. 1922 г.), с. 31 и слѣд.

зилъ, что онъ откажется отъ престола. Таубе и Крузе описываютъ, какъ государь въ день отъѣзда слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи духовенства и свѣтскихъ чиновъ, какъ вышелъ изъ собора на площадь, и тутъ появилась царица съ царевичами, готовые въ путь, какъ царь простился съ провожавшими его духовенствомъ и свѣтскими чинами, сѣлъ въ сани, посадивъ по обѣ стороны отъ себя своихъ сыновей. Сопровождали его изъ бояръ А. Д. Басмановъ, И. Я. Чоботовъ и Салтыковъ (вѣроятно, Левъ Андр. [3]), а изъ ближнихъ дворянъ кн. Аѳан. Вяземскій. Разсказываютъ они объ этомъ отъѣздѣ съ подробностями и довольно картинно, какъ очевидцы.

По разсказу тѣхъ же Таубе и Крузе, царь нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда вернулъ въ Москву Чоботова и Салтыкова и нѣсколько дворянъ и приказныхъ людей раздѣтыми и пѣшкомъ и извѣстилъ митрополита, что онъ оставляетъ престолъ [4]).

По другому свидѣтельству — лѣтописи, мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда, 3 янв. 1565 г., въ Москвѣ были получены грамоты отъ государя изъ Александровской слободы. Одна грамота была на имя митрополита съ увѣдомленіемъ объ опалѣ, которую государь положилъ на бояръ, дворянъ и приказныхъ людей — за ихъ многія вины, а также на высшее духовенство — за то, что оно, сложась съ ними, ихъ покрывало; и государь „отъ великія жалости сердца, не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ вселитися, идѣже его, государя, Богъ наставитъ". Къ этой грамотѣ былъ приложенъ списокъ, въ которомъ перечислялись всѣ измѣны и убытки боярскіе, воеводскіе и всякихъ приказныхъ людей, начиная съ періода малолѣтія государя. Другая грамота была адресована и прочитана на Москвѣ купечеству и всѣмъ гражданамъ города, „чтобы они себѣ никотораго сумнѣнія не держали, гнѣву на нихъ и опалы никоторые нѣтъ". Этотъ разсчетъ на разъединеніе сословій, на возбужденіе большинства противъ меньшинства, оказался вѣренъ. Населеніе Москвы пришло въ волненіе. Про государевыхъ лиходѣевъ, которые дѣлали измѣнныя дѣла, говорилось, что ихъ „вѣдаетъ Богъ да онъ, государь, и въ (ихъ) животѣ и въ казни его государская воля". Люди обратились къ митрополиту, чтобы онъ ѣхалъ

---

[3]) Такъ называетъ Салтыкова Павелъ Одерборнъ (De Russorum religione et ritibus narratio, въ изд. Старчевскаго: Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, vol. I). Таубе и Крузе называютъ его Михаиломъ. У Л. А. Салтыкова былъ сынъ Михаилъ; но онъ былъ въ то время еще въ молодыхъ годахъ и не могъ быть „главнымъ маршаломъ". Былъ еще у Л. А. Салтыкова двоюродный братъ Михаилъ Игнатьевичъ.

[4]) Таубе и Крузе, с. 32.

бить челомъ государю, дабы онъ милость свою показалъ надъ своими людьми, государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не давалъ, „наипаче же отъ рукъ сильныхъ избавлялъ; а хто будетъ государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, и они за тѣхъ не стоятъ и сами тѣхъ потребятъ“. Всѣ московскіе приказы опустѣли, всѣ дѣла на Москвѣ стали. Митрополитъ въ тотъ же день послалъ отъ себя къ государю въ Александровскую слободу новгородскаго архіепископа, случившагося въ Москвѣ, и любезнаго государю чудовского архимандрита Левкія[5]) съ грамотою, въ которой умолялъ государя, чтобы онъ гнѣвъ свой и опалу сложилъ, государства не оставлялъ и „правилъ какъ ему, государю, годно, и хто будетъ ему государю и его государству измѣнники и лиходѣи, и надъ тѣми въ животѣ и въ казни его государская воля[6]). Въ сущности, грамотой этой митрополитъ признавалъ за царемъ неограниченное право казнить своихъ подданныхъ безъ боярскаго суда и отказывался отъ древняго права печалованія, которое, очевидно, наряду съ боярскимъ судомъ очень стѣсняло царя, и на которое царь въ своей грамотѣ жаловался[7]). Таубе и Крузе, излагая это посланіе митрополита, пишутъ приблизительно то же:

„Если онъ дѣйствительно знаетъ, что есть измѣнники, пусть объявитъ ихъ, назоветъ ихъ имена; и они должны быть готовы отвѣчать за свою вину; ибо онъ, государь, имѣетъ право и силу строжайше наказывать и казнить. И если великій князь согласится съ этимъ, они были бы счастливы передать себя въ его полное распоряженіе“[8]).

Къ этому посольству, продолжаетъ свое повѣствованіе лѣтописецъ, присоединились многіе представители высшаго духовенства — епископы и архимандриты, и многіе бояре, окольничіе, дворяне, приказные, купцы и черные люди. Государь прочелъ грамоту митрополита, принялъ представителей высшаго духовенства, а по ихъ челобитью допустилъ къ себѣ и кое кого изъ бояръ[9]). Всему „освященному собо-

---

[5]) Курбскій, Исторія о вел. кн. московскомъ (Изд. Имп. Археогр. Комм. 1913 г.), с. 109: „А за совѣтомъ любимыхъ твоихъ ласкателей и за молитвами чудовского Левки и прочихъ вселукавыхъ мниховъ, что̀ добраго и полезнаго и похвальнаго и Богу угоднаго пріобрѣлъ еси?“.

[6]) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 392—3.

[7]) Шлихтингъ (Новое известие о России времени Ивана Грозного, 2 изд. Академии Наук СССР.) разсказываетъ, какъ по поводу убійства кн. Д. Ф. Овчинина-Оболенскаго, незадолго передъ тѣмъ случившагося, митрополитъ счелъ своимъ долгомъ вразумить государя, и государь былъ смущенъ, „подалъ надежду на исправленіе жизни и въ продолженіи почти шести мѣсяцевъ оставался въ спокойствіи“. Стр. 17—18.

[8]) Таубе и Крузе, с. 32.

[9]) По свидѣтельству Таубе и Крузе, царь согласился при-

ру" [10]), который передъ его лицомъ оказался (однако, безъ митрополита) онъ перечислилъ обвиненія противъ бояръ (что они вступаютъ въ переговоры не только съ польскимъ королемъ, но и съ крымскими татарами и стремятся лишить его жизни [11]), но въ концѣ заявилъ, что снисходитъ на моленіе митрополита и соглашается на престолѣ остаться, однако съ тѣмъ, чтобы устроить опричнину (которую онъ задумалъ [12]), на условіяхъ, которыя онъ сообщитъ дополнительно. Духовенство и бояре благодарили царя и „такимъ образомъ сами изготовили себѣ кнутъ и розгу", замѣчаютъ Таубе и Крузе [13]).

Затѣмъ царь отпустилъ обратно въ Москву представителей высшаго духовенства и бояръ, во главѣ съ княземъ Мстиславскимъ и кн. Ив. Ив. Пронскимъ (Турунтаемъ), а часть бояръ, во главѣ съ кн. Бѣльскимъ и съ кн. Щенятевымъ, задержалъ временно при себѣ — для выработки этихъ условій [14]).

По поводу всего этого Таубе и Крузе въ своемъ Посланіи пишутъ:

„Планы и мнѣнія великаго князя были противоестественны, ибо положеніе вещей не вынуждало его оставить государство, и тѣмъ менѣе подозрѣвать своихъ подданныхъ въ измѣнѣ. Причиной всему этому было лишь то, что онъ хотѣлъ удовлетворить своимъ тиранскимъ наклонностямъ, уничтожить благочестивые княжескіе и боярскіе роды и забрать себѣ все, принадлежащее богатымъ монастырямъ, городамъ и купцамъ" [15]).

15 февраля царь прибылъ въ Москву изъ Александровской слободы. Внѣшне онъ очень измѣнился за два съ поло-

---

нять, кромѣ представителей духовенства, кн. Бѣльскаго, кн. Мстиславскаго, печатника (канцлера) Ивана М. Висковатаго и посольскаго думнаго дьяка Андрея Васильева.

[10]) Освященнымъ соборомъ называетъ это собраніе оффиціальная лѣтопись.

[11]) Обвиненія вздорныя, что и изъ дальнѣйшаго ясно: царь, учредивъ опричнину, получилъ возможность покарать боярское правительство за такія крупныя дѣла измѣны, а вмѣсто этого ограничился казнью нѣсколькихъ лицъ ему неугодныхъ.

[12]) П. С. Р. Л., 2, с. 393—4. У насъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій о томъ, самъ ли Грозный задумалъ опричнину, или ее завести посовѣтовалъ кто-нибудь другой изъ его приближенныхъ. Въ „Сокращенномъ Временникѣ до 1691 г.", который цитируетъ Соловьевъ (Исторія Россіи въ изд. Обществ. Пользы, кн. II, с. 167), содержится извѣстіе, что царь учредилъ опричнину „по злыхъ людей совѣту Василія Юрьева да Алексѣя Басманова и иныхъ такихъ же". Вас. Юрьевъ — бояринъ Вас. Мих. Юрьевъ, двоюродный братъ царицы Анаст. Ром. Его дочь Грозный выдалъ за своего шурина кн. М. Т. Черкасскаго. По словамъ Штадена завести опричнину посовѣтовала царю его вторая супруга царица Марія (Черкасская), Генрихъ Штаден О Москве Ивана Грозного, русск. изд. 1925 г., с. 85.

[13]) Стр. 34.

[14]) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 394.

[15]) Стр. 34.

виною мѣсяца, что провелъ внѣ Москвы: и изъ головы и изъ бороды у него вылѣзли волосы, — вѣроятно, отъ пережитыхъ волненій; а между тѣмъ ему шелъ всего 35-тый годъ. На слѣдующій день послѣ прибытія онъ собралъ боярскую думу и освященный соборъ и еще разъ, на этотъ разъ оффиціально и въ торжественной обстановкѣ, разсказалъ имъ о причинахъ, вызвавшихъ его отреченіе, и объ условіяхъ, на которыхъ онъ согласился остаться на царствѣ. Опричнину онъ учредилъ для своей безопасности. Послѣ своей смерти онъ завѣщаетъ этотъ у д ѣ л ъ своему младшему сыну, а земщину — старшему. Это раздѣленіе государства на земщину и опричнину многимъ показалось опаснымъ, но всѣ благодарили его [16]).

Въ 1565 году Грозный вторично въ своей жизни обращался къ своимъ подданнымъ какъ бы съ торжественнымъ манифестомъ. Въ первый разъ онъ обращался въ 1549 году, когда объявилъ о своемъ примиреніи съ боярами („опалы на васъ ни на кого не положу") и вступилъ тѣмъ самымъ въ новый, миролюбивый періодъ своего государствованія. Этотъ періодъ продолжался отъ 1549 г. до конца 1564 г. Теперь, въ началѣ 1565 г., онъ, въ сущности, заявлялъ о прекращеніи мира и о началѣ гоненія на бояръ и полагалъ этимъ самымъ начало новаго періода.

Указъ объ учрежденіи опричнины („указъ, какъ государь пріѣхалъ изъ Слободы, о опришнинѣ" [17]), какъ извѣстно, не сохранился, но въ лѣтописи имѣется довольно обстоятельный отчетъ о томъ, что было тогда установлено.

„Челобитье же государь царь и великій князь архіепископовъ и епископовъ принялъ н а т о м ъ, ч т о е м у с в о и х ъ и з м ѣ н н и к о в ъ, к о т о р ы е и з м ѣ н ы е м у, г о с у д а р ю, д ѣ л а л и и в ъ ч е м ъ е м у, г о с у д а р ю, б ы л и н е п о с л у ш н ы, н а т ѣ х ъ о п а л а с в о я к л а с т и, а и н ы х ъ к а з н и т и и ж и в о т ы и х ъ и с т а т к и и м а т и; а учинити ему на своемъ государствѣ себѣ опришнину, дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной, а бояръ и окольничихъ и дворецкаго и казначѣевъ и дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей, да и дворянъ и дѣтей боярскихъ и стольниковъ и стряпчихъ и жильцовъ учинити себѣ особно, и на дворцѣхъ, на Сытномъ и на Кормовомъ и на Хлѣбенномъ, учинити клюшниковъ и подклюшниковъ и сытниковъ и поваровъ и хлѣбниковъ, да и всякихъ мастеровъ и конюховъ и псарей и всякихъ дворовыхъ людей на всякой обиходъ, да и стрѣльцовъ приговорилъ учинити себѣ особно. А на свой обиходъ повелѣлъ государь царь и великій князь, да и на дѣтей своихъ царевичевъ Ивановъ и царевичевъ Ѳеодоровъ обиходъ, городы и волости: городъ Можаескъ, городъ Вязьму" и т. д. (идетъ перечисленіе городовъ и волостей). „И иные волости государь поималъ кормленымъ окупомъ, съ которыхъ волостей имати всякіе доходы на его государской обиходъ, жаловати бояръ и дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей, которые будутъ у него въ опришнинѣ; а съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на

---

[16]) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 396. Т а у б е и К р у з е, с. 34—5.

[17]) Акты Археогр. Эксп., I, с. 349.

его государской обиходъ, и иные городы и волости имати. А учинити государю у себя въ опришнинѣ князей и дв рянъ и дѣтей боярскихъ дворовыхъ и городовыхъ 1.000 головъ; и помѣстья имъ подавалъ въ тѣхъ городѣхъ съ одново, которые городы поималъ въ опришнину; а вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опришнинѣ, велѣлъ ис тѣхъ городовъ вывести и подавати земли велѣлъ въ то мѣсто в ыныхъ городѣхъ, понеже опришнину повелѣ учинити себѣ особно. На дворъ же свой и своей царицѣ великой княгинѣ повелѣ мѣсто чистити (на Москвѣ)... Повелѣ же и на посадѣ улицы взяти въ опришнину (перечислены нѣкоторыя московскія улицы)... а слободамъ быти въ опришнинѣ (перечислены нѣкоторыя московскія слободы). И которые улицы и слободы поималъ государь въ опришнину, и въ тѣхъ улицахъ велѣлъ быти бояромъ и дворяномъ и всякимъ приказнымъ людямъ, которыхъ государь поималъ въ опришнину, а которымъ въ опришнинѣ быти не велѣлъ, и тѣхъ ис всѣхъ улицъ велѣлъ перевести в ыные улицы на посадъ. Государство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякіе дѣла земскіе, приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ которымъ велѣлъ быти въ земскихъ: князю Ивану Дмитреевичю Бѣльскому, князю Ивану Өедоровичю Мстиславскому и всѣмъ бояромъ; а конюшему и дворетцскому и казначѣемъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о болшихъ дѣлехъ приходити къ бояромъ; а ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлехъ приходити ко государю, и государь з бояры тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити. За подъемъ же свой приговорилъ царь и великій князь взяти изъ земского сто тысячъ рублевъ *). А которые бояре и воеводы и приказные люди дошли до государскіе великіе измѣны до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тѣхъ животы и статки взяти государю на себя. Архіепископы же и епископы и архимандриты и игумены и весь освященный соборъ да и бояре и приказные люди то все положили на государской волѣ" [18]).

Сообщеніе это начинается съ того, что государь воленъ впредь класть опалу на тѣхъ, кто ему измѣняетъ, казнить ихъ и имущество ихъ брать на себя, и этимъ же сообщеніе завершается. Изъ предыдущаго изложенія было ясно, что эта тема: о чрезвычайной карательной власти, помимо обычнаго суда бояръ — лейтмотивъ всего лѣтописнаго повѣствованія [19]), и что Таубе и Крузе въ этомъ же видятъ смыслъ затѣи царя.

*) По тому времени огромныя деньги! Не даромъ историкъ Иловайскій замѣтилъ: „Странныя распоряженія сіи Іоаннъ завершилъ ограбленіемъ земской казны". Исторія Россіи, III, 1, с. 261.

[18]) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 394—5.

[19]) Мнѣ пріятно отмѣтить, что это мое наблюденіе совпало съ сужденіемъ Г. Г. Тельберга, которое мнѣ стало извѣстно послѣ написанія этой статьи. „Этотъ царскій приговоръ... есть, въ сущности, прокламація о той чрезвычайной карательной власти, которую царь намѣренъ впредь примѣнять въ борьбѣ съ окружающей его измѣной: своихъ измѣнниковъ и непослушниковъ онъ будетъ казнить и опалы на нихъ класть безъ вмѣшательства духовенства и бояръ, которые раньше, «сложась другъ съ другомъ, государю по нихъ покрывали»; это значитъ, что дума боярская устраняется отъ участія въ политической расправѣ царя, а у духовенства отнимается древнее право печалованія за политическихъ осужденныхъ. Все это вмѣстѣ должно

На третій день послѣ пріѣзда царь объявилъ списокъ опальныхъ. Тогда и въ дальнѣйшемъ „царь Иванъ Васильевичъ широко использовалъ свою чрезвычайную карательную власть, которую онъ посредствомъ ловкаго политическаго маневра обезпечилъ какъ бы всенароднымъ согласіемъ“ [20]). Смертной казни подверглись старый бояринъ кн. А. Б. Горбатый Шуйскій (тесть Мстиславскаго) съ единственнымъ его 17-ти лѣтнимъ сыномъ, окольничій П. П. Головинъ [21]) (шуринъ кн. Горбатаго), воевода кн. И. И. Кашинъ и родственникъ его кн. Д. А. Шевыревъ; послѣдній посоженъ на колъ и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Тогда же бояре кн. И. А. Куракинъ-Булгаковъ и кн. Д. И. Нѣмой-Оболенскій были насильно пострижены въ монахи [22]), а многіе дворяне и дѣти боярскія сосланы въ Казань на житье со своими семействами [23]). Имущество сосланныхъ, постриженныхъ и казненныхъ царь бралъ отнынѣ себѣ [24]). Таубе и Крузе называютъ еще среди казненныхъ тогда же (но, повидимому, не раньше лѣта 1565 года): кравчаго кн. П. И. Горенскаго-Оболенскаго, его троюродныхъ братьевъ молодыхъ кн. Никиту и Андрея [25]) Федор. Оболенскихъ (сыновей боярина кн. Ф. М. Чернаго-Оболенскаго) и „незамѣнимаго воеводу, который столько времени такъ вѣрно служилъ великому князю въ борьбѣ съ татарами, Андрея Resensaw (фамилія искажена [26]). Однако казнь Горенскаго (и Оболенскихъ?) стояла, повидимому, внѣ дѣла объ общей опалѣ, а была вызвана попыткой его бѣгства въ Литву [27]).

было обезпечить царю полную безконтрольность въ преслѣдованіи людей, заподозрѣнныхъ въ политическомъ преступленіи“. (Г. Г. Тельбергъ. Очерки полит. суда и полит. преступленій, Ученыя Зап. Моск. Унив., отд. юрид., вып. 39, с. 18—19).

[20]) Телбергъ, op. cit., c. 19.

[21]) У Курбскаго П. Головинъ называется Ховринымъ. Наши изслѣдователи, не зная, что это одна и та же фамилія, считаютъ, что были убиты и Ховринъ и Головинъ.

[22]) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 395—6; Курбскій, op. cit., с. 119—120 и 121—2; Таубе и Крузе, с. 35.

[23]) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 396. Прот. Плат. Заринскій, Очерки древней Казани, passim.

[24]) Конфискація имущества стала неизмѣннымъ спутникомъ осужденія за политическую вину только съ этого времени (Г. Г. Тельбергъ, op. cit., с. 20).

[25]) У Таубе и Крузе: Никита и Василій — ошибочно?

[26]) Таубе и Крузе, с. 35.

[27]) Дѣла Польскія — Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 71, с. 322 и 468. Можетъ быть, въ связи съ этой виной кн. Горенскаго Курбскій не приводитъ его имени среди „убіенныхъ безъ правды“, „новыхъ мучениковъ, неповинныхъ сущихъ“ (хотя зналъ его хорошо и въ прошломъ былъ связанъ совмѣстною службою съ нимъ), а ограничивается фразой: „И тогда же и другихъ княжатъ немало того же роду (Оболенскихъ) побито“, стр. 120. Казнь кн. П. Горенскаго и кн. Н. и А. Оболенскихъ засвидѣтельствована синодикомъ, гдѣ они

Затѣмъ нѣкоторые изъ бояръ навлекли на себя подозрѣніе государя, и въ первую голову Ив. Петр. Яковля, троюродный братъ царицы Анастасіи. Онъ былъ прощенъ, но далъ на себя государю (28 марта) укрѣпленную грамоту, что ему не отъѣзжать заграницу и не ссылаться съ иноземными государями; и еще онъ обѣщалъ, что ему „не приставать ко князю Владимиру Андреевичу ни въ каковѣ дѣлѣ никоторою хитростью и съ нимъ не думать ни о чемъ, и съ его бояры и съ его приказными и съ служилыми людьми не дружитися и не ссылатися съ ними ни о каковѣ дѣлѣ". Онъ долженъ былъ цѣловать въ этомъ крестъ у гроба чудотворца Петра [28]). Около того же времени взяты царемъ поручныя грамоты по бояринѣ Л. А. Салтыковѣ и его двухъ сыновьяхъ и по бояринѣ кн. В. С. Серебряномъ и его сынѣ Борисѣ [29]).

Сразу послѣ пріѣзда въ Москву царь приступилъ къ организаціи опричнины. По свидѣтельству Таубе и Крузе [30]) онъ приказалъ явиться въ Москву всѣмъ вотчинникамъ и помѣщикамъ Суздаля, Можайска и Вязьмы и приступилъ со своими ближайшими сотрудниками, бояриномъ А. Д. Басмановымъ, кн. Аѳ. Вяземскимъ и Петромъ Зайцевымъ, къ ихъ разбору. Окладчики тѣхъ городовъ должны были свидѣтельствовать о происхожденіи вотчинниковъ и помѣщиковъ и ихъ женъ „и указывать также, съ какими боярами или князьями они вели дружбу". Тѣхъ, кто казались пригодными для службы въ опричнинѣ и были внѣ подозрѣній въ смыслѣ связей со знатью, отбирали въ опричнину. Они должны были давать особую клятву, которая гласила приблизительно такъ:

„Я клянусь быть вѣрнымъ государю, царицѣ и царевичамъ и не молчать о всемъ дурномъ, что замышляется противъ нихъ, и о чемъ я услышу. Съ земскими я клянусь не ѣсть и не пить и не вступать ни въ какія сношенія. На этомъ цѣлую я крестъ" [31]).

Согласно этой присягѣ опричникъ долженъ былъ разрывать сношенія даже съ родителями, остававшимися въ земщинѣ [32]).

записаны вмѣстѣ (Кирилло-бѣлозерскій синодикъ въ Сказаніяхъ кн. Курбскаго, изд. 3-е Устрялова, с. 391).

[28]) Собр. Гос. Грам. и Догов., I, с. 503 и слѣд. За И. П. Яковля ручались бояре кн. И. Д. Бѣльскій въ 1000 р., кн. И. И. Турунтай Пронскій въ 800 р., И. П. Федоровъ въ 800 р., окольничій Аѳ. Андр. Бутурлинъ въ 400 р. и многіе дворяне и дѣти боярскія. Ib. с. 508 и слѣд.

[29]) Ib. с. 514 и 518.

[30]) Стр. 35.

[31]) Таубе и Крузе, с. 35. Г. Штаденъ (русск. изд.), с. 86, 93, 132 („Часто бывало, что ежели найдутъ опричника въ разговорѣ съ земскимъ, убивали обоихъ"...).

[32]) Курбскій, с. 161—2, 162 („Кто слыхалъ отъ вѣка таковые, иже... клятись клятвами странными на томъ, да любовь естественная,

Всѣхъ принятыхъ въ опричнину оставляли на ихъ помѣстьяхъ и давали имъ придачи, а всѣхъ остальныхъ лишали ихъ помѣстій и вотчинъ. Имъ предлагалось пріискивать себѣ новыя земли въ уѣздахъ, которые оставались въ земщинѣ, и не дозволялось даже вернуться домой со смотра, чтобы забрать свои семьи и движимое имущество. Ихъ семьямъ предписывалось тотчасъ покинуть насиженныя мѣста и выбираться. Лучшія изъ отобранныхъ имѣній царь оставлялъ за собой, а остальныя поступали въ раздачу опричникамъ, которыхъ прибирали, по преимуществу, изъ состава помѣщиковъ другихъ городовъ [33]).

За пересмотромъ землевладѣнія въ указанныхъ трехъ городахъ послѣдовалъ пересмотръ вотчинниковъ и помѣщиковъ другихъ городовъ, тогда же взятыхъ въ опричнину: Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Малоярославецъ, Медынь, Юрьевъ Польскій, Вологда, Старая Руса и нѣсколько отдѣльныхъ волостей изъ разныхъ уѣздовъ. Въ дальнѣйшемъ, въ послѣдующіе годы, царь забралъ еще нѣкоторые города въ опричнину (въ слѣдующемъ году — Кострому, Ярославль, Переяславль, Галичъ [34]) при чемъ, по свидѣтельству Таубе и Крузе, изъ 12.000 помѣщиковъ въ опричнину было взято всего 570 человѣкъ) и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше церемонился съ земскими. Многіе изъ нихъ оказались совсѣмъ разоренными.

Кромѣ уѣздовъ, въ которыхъ было вотчинное и помѣстное землевладѣніе, въ опричнину было взято нѣсколько городовъ изъ сѣвернаго Поморья (Устюгъ, Двина, Каргополь, Вага), имѣвшихъ важное промышленное или торговое значеніе.

Всякій разъ, какъ царь бралъ въ опричнину какой-нибудь городъ (съ уѣздомъ), онъ отписывалъ въ опричнину и новую улицу на Москвѣ [35]). Жители выселялись оттуда „безъ всякаго снисхожденія", а тѣ кто попадали въ опричнину, а имѣли дворы въ другихъ частяхъ города, могли свои дворы продать или, разобравъ, увезти съ собою въ опричнину [36]).

отъ Сотворителя нашего въ насъ всажденная, къ родителемъ и ближнимъ и другомъ, расторгнетца?"), 163 и 189; Штаденъ, с. 93.

[33]) Кромѣ Таубе и Крузе, с. 36, Штаденъ, с. 86 и 93—4.

[34]) Всѣ эти города, которые брались въ опричнину, я перечисляю на основаніи лѣтописи и Посланія Таубе и Крузе. Перечень этотъ согласуется болѣе или менѣе съ данными, приведенными С. Ф. Платоновымъ во второй главѣ его Очерковъ по исторіи Смуты. П. А. Садиковъ, помѣстившій двѣ главы „К истории опричнины" во второй книгѣ историческаго журнала „Дела и дни" (Петерб. 1921 г.), обѣщалъ третью главу „К истории опричной территории", но она не появилась въ печати.

[35]) Штаденъ, с. 93.

[36]) Штаденъ, с. 105—6.

Штаденъ свидѣтельствуетъ, что царь, учредивъ опричнину, послалъ приказъ въ земщину: „Судите праведно, наши виноваты не были бы!" Изъ за этого приказа земскіе пали духомъ.

„Любой изъ опричныхъ могъ, напримѣръ, обвинить любого изъ земскихъ въ томъ, что этотъ долженъ ему будто-бы нѣкую сумму денегъ. И хотя бы до того опричникъ совсѣмъ не зналъ и не видалъ обвиняемаго имъ земскаго, земскій все же долженъ былъ уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутомъ или батогами до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ. И тутъ никому не было пощады: ни духовному, ни мірянину. Опричники устраивали съ земскими такія штуки, что и описать невозможно" [37]).

Штаденъ говоритъ прямо: „Своимъ опричникамъ великій князь далъ волю всячески обижать земскихъ" [38]).

Совсѣмъ независимо отъ показаній Штадена, пишутъ объ этомъ Таубе и Крузе, и еще болѣе обстоятельно [39]). Изъ ихъ свидѣтельства видно еще яснѣе, что опричнина дѣйствовала не только противъ знати, но вообще противъ земщины, которую царь предоставилъ опричнинѣ для грабежа:

„Если кто-либо изъ опричниковъ зналъ богатаго князя или боярина или горожанина или крестьянина, совершалъ онъ надъ ними злодѣяніе различными способами";

и нѣсколько ниже:

„Опричники не дѣлаютъ никакого различія между высокопоставленными и подлыми, духовными и свѣтскими чинами, горожанами и крестьянами"... [39]).

Таубе и Крузе описываютъ подробно пріемы, къ которымъ прибѣгали опричники, чтобы выколотить деньги изъ земскихъ. Изъ-за денегъ, зажиточныхъ людей изъ земщины оговаривали передъ властями не только слуги опричниковъ, по приказу своихъ господъ, но и собственные слуги этихъ людей изъ земщины [40]). Штаденъ еще пишетъ о томъ, какъ опричники вывозили крестьянъ у помѣщиковъ земщины „насильствомъ и не въ срокъ", назначенный для перехода крестьянъ (Юрьевъ осенній день [41]), а вернуть вывезенныхъ опричниками крестьянъ земскія мѣстныя власти

---

[37]) Штаденъ, с. 86. „Я хорошо зналъ, что пока я въ земщинѣ, я проиграю всякое дѣло" (с. 132); ему пришлось смириться передъ произволомъ иноземца-опричника (с. 131—3). А затѣмъ Штаденъ разсказываетъ о своихъ продѣлкахъ съ земскими, когда онъ самъ сталъ опричникомъ (см. напр. с. 147).

[38]) Стр. 94. Объ этомъ же свидѣтельствовалъ и Флетчеръ (изд. Суворина, с. 31): „Если кто-нб. изъ земскихъ былъ ограбленъ или убитъ кѣмъ-нб. изъ опричниковъ, то нельзя уже было получить никакого удовлетворенія ни судомъ, ни жалобою царю".

[39]) Стр. 37—8.

[40]) Штаденъ, с. 96.

[41]) Штаденъ, с. 95. Ср. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, II, с. 31, 44, 51, 55, 305, 320, 440, 443, 444 и 474.

оказывались безсильными [42]). Челобитныя, подписанныя въ опричныхъ приказахъ, отсылались въ земщину, и то, „что было въ опричнинѣ подписано, то было уже справедливо и въ силу указа въ земщинѣ тому не перечили“ [43]). Вслѣдствіе такого безправнаго положенія многіе богатые люди изъ земщины закладывались со всѣмъ своимъ имуществомъ за опричниковъ, которыхъ они знали.

„Но опричники, пограбивъ ихъ, говорили имъ: «Мы не можемъ держать васъ дольше; вы же знаете, что мы не можемъ общаться съ земскими, что это противно нашей присягѣ. Уходите, откуда пришли!» [44]).

Выше уже было отмѣчено, какъ предусмотрительно подбирались опричники, — изъ состава служилыхъ людей, не имѣвшихъ связей съ заподозрѣнной знатью. Набирали ихъ главнымъ образомъ изъ военно-служилыхъ людей [45]). Попадали туда и знатные люди, если они царю внушали довѣріе. Начало породы при назначеніи полковыхъ воеводъ играло въ опричнинѣ ту же роль, что и въ земщинѣ [46]). Царь, котораго нѣкоторые наши историки считаютъ большимъ реформаторомъ, боровшимся со старымъ порядкомъ, не сумѣлъ и въ созданной имъ опричнинѣ отрѣшиться отъ предразсудковъ этого стараго порядка и построить опричнину на новыхъ началахъ, безъ мѣстничества, стѣснявшаго государя. Между тѣмъ, оно, какъ извѣстно, продолжало и въ опричнинѣ дѣйствовать [47]). Хотя и принято было считать, что опричнина выдвинула „новодѣльныхъ господъ, которые должны бы быть холопами прежнимъ [48]), но это могло быть справедливымъ лишь въ отношеніи рядовыхъ опричниковъ, въ составъ которыхъ могли попадать и люди безъ роду и племени. Всѣ же опричники видные, занимавшіе командныя

---

[42]) Самоквасовъ, op. cit., II, № 22, с. 48—50.

[43]) Штаденъ, с. 108.

[44]) Штаденъ, с. 95.

[45]) И иноземцы принимались въ опричнину: Штаденъ называетъ пять нѣмцевъ въ составѣ опричнины — Штаденъ, с. 131 и 140.

[46]) Штаденъ, с. 86: „Князья и бояре, взятые въ опричнину, распредѣлялись по степенямъ не по богатству, а по породѣ“. Иноземецъ Штаденъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ вступленія въ опричнину былъ награжденъ — получилъ право писаться съ -ичемъ „Отнынѣ ты будешь называться — Андрей Володимировичъ“, сказалъ ему государь. „Частица «вич» означаетъ благородный титулъ. Съ этихъ поръ я былъ уравненъ съ князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великій князь далъ мнѣ понять, что это — рыцарство“ (стр. 145).

[47]) Случаи мѣстничества видныхъ опричниковъ см. въ Разрядной Книгѣ въ Синбирскомъ Сборникѣ: въ 1568 г. кн. О. Ф. Гвоздевъ-Ростовскій и Р. В. Алферьевъ (с. 22), въ 1569 г. Н. И. Очинъ-Плещѣевъ и В. И. Умный-Колычевъ (с. 23), а также кн. А. П. Телятевскій и Ф. А. Басмановъ (с. 24).

[48]) Штаденъ, с. 102.

должности, были изъ знатныхъ фамилій. О томъ, что родословное начало продолжало и въ опричнинѣ играть важную роль, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1567 г. въ походъ съ государемъ, въ государевой свитѣ, были расписаны головы (офицеры) по тремъ категоріямъ. Неродословнымъ фаворитамъ царя, Малютѣ Скуратову и Василію Грязному, пришлось удовольствоваться третьимъ разрядомъ, въ то врмя какъ въ первомъ и второмъ разрядахъ значились болѣе родословные люди [49]). Значитъ, и здѣсь, въ опричнинѣ, государевъ фаворъ и заслуги не возобладали надъ родословнымъ началомъ.

Но если не происхожденіе, то нравственныя качества принимались во вниманіе при поступленіи въ опричнину: подбирались сплошь люди удалые, дерзкіе, безъ стыда и безъ совѣсти, къ преступленіямъ склонные [50]). Это даетъ право Горсею утверждать, что болѣе знатнымъ и тѣмъ, которые были болѣе любимы его подданными, царь „противопоставлялъ величайшихъ негодяевъ изъ своихъ воеводъ и воиновъ".

Штаденъ своимъ свидѣтельствомъ подтвердилъ то, что было извѣстно и раньше — о самыхъ главныхъ сотрудникахъ царя по опричнинѣ: „При великомъ князѣ въ опричнинѣ, говоря кратко, были: князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Алексѣй Басмановъ и его сынъ Федоръ [51]). Бояринъ А. Д. Басмановъ-Плещѣевъ, принадлежавшій къ старой московской знати, былъ, повидимому, человѣкомъ негоднымъ (Курбскій отзывается о немъ очень плохо [52]); а его сына считали предметомъ противоестественныхъ склонностей Грознаго [53]). Малюта Скуратовъ (Григорій Лукьяновичъ Бѣльскій) — главный государевъ палачъ. Изо всѣхъ этихъ лицъ кн. Аѳ. Ив. Вяземскій былъ можетъ быть наименѣе отрицательнымъ типомъ. У царя онъ, на ряду съ Малютой Скуратовымъ, пользовался наибольшимъ довѣрі-

---

[49]) Древн. Росс. Вивл., XIII, с. 393; на это распредѣленіе головъ по тремъ категоріямъ дѣлались впослѣдствіи ссылки при мѣстническихъ счетахъ (Русск. Ист. Сборн., V, с. 90—1 и 135—6).

[50]) Курбскій, с. 157—8, 161 и 189; Т. и К., с. 39; Шлихт., с. 19: „Если тиранъ примѣчалъ гдѣ-нибудь человѣка особенно дерзкаго и преступнаго, то скоро привлекалъ его къ сообществу и дѣлалъ слугою своего тиранства и жестокости".

[51]) Стр. 88.

[52]) Стр. 145.

[53]) Курбскій, с. 145; Шлихт., с. 17. Guagninus (Ad. Starczewski, Historiae Ruthenicae scriptores exteri, I, p. 28): „cum quo sodomiam contra opus naturae (dictu nefandam) explebat", и далѣе: „tu sodomia turpi Principi inservis"... Штад., с. 96 и 148. F. Epstein, Heinrich von Staden, s. 49, Anm. 5: „Die Mitteilungen Stadens über Feodor Basmanov stimmen mit anderen Zeugnissen von Ivans Homosexualität überein" (и далѣе приводится библіографія).

емъ[54]). Кромѣ этихъ четырехъ человѣкъ, съ самаго начала опричнины важнымъ сотрудникомъ царя былъ Петръ Вас. Зайцевъ[55]), а затѣмъ, мало по малу, вошелъ въ приближеніе къ царю Вас. Григ. Грязной[56]).

Ради своей безопасности, Грозный пожелалъ (въ 1566 г.) выстроить себѣ новый дворецъ въ Москвѣ на опричной территоріи за рѣчкой Неглинною[57]). Но жилъ по большей части не въ Москвѣ, а въ Александровской слободѣ[58]), окруженный опричниками. Здѣсь, какъ повѣствуютъ Таубе и Крузе и Шлихтингъ[59]), Грозный устроилъ изъ состава опричниковъ особое братство или монашескій орденъ. Въ этомъ подобіи монастыря онъ самъ былъ игуменомъ, кн. Аѳ. Вяземскій келаремъ, а Малюта Скуратовъ экклесіархомъ. Все свое время онъ проводилъ между долгими стояніями въ церкви, пребываніемъ за общею трапезой и отдохновеніемъ дома. А иногда между церковными службами царь шелъ въ застѣнокъ, гдѣ съ особымъ удовольствіемъ присутствовалъ при пыткахъ и мученіяхъ многочисленныхъ жертвъ своей ярости[60]). При такомъ времяпровожденіи Грозному не оставалось времени для дѣлъ государственныхъ. Всѣ приказанія, въ томъ числѣ подробныя распоряженія о томъ, какъ кого мучить, отдавались имъ въ церкви[61]).

[54]) Что касается родовитости, онъ уступалъ въ этомъ Басмановымъ. Любопытно привести отзывъ о Вяземскихъ изъ мѣстническаго дѣла 30-тыхъ годовъ XVII вѣка: „Вяземскіе князья — люди городовые, а объявились только въ опришные годы, въ кою пору князь Ѳеонасей Вяземской посягалъ на крестьянскую кровь“ (челобитная М. Вельяминова, Русск. Ист. Сб., т. V, с. 66).

[55]) Впервые П. В. Зайцевъ (Петрокъ Ярцевъ сынъ Зайцевъ, изъ старой фамиліи Бирдюкиныхъ-Зайцевыхъ) отличился, когда въ 1542 году былъ посланъ боярской партіей Шуйскихъ на Бѣлоозеро убить сосланнаго туда боярина кн. Ив. Фед. Бѣльскаго, что и исполнилъ. Грозный приблизилъ его къ себѣ съ назначеніемъ ясельничимъ въ тѣ годы, когда началъ выходить изъ-подъ вліянія Сильвестра-Адашева. Повидимому, около 1563 года Зайцевъ былъ назначенъ думнымъ дворяниномъ, а съ учрежденіемъ опричнины сталъ думнымъ дворяниномъ опричнымъ. Въ 70-тыхъ годахъ былъ государемъ повѣшенъ.

[56]) Ему посвящена П. А. Садиковымъ статья „Царь и опричникъ“ въ ист. сборн. „Века“, I, Петрогр. 1924.

[57]) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 401 и 406; Шлихт., с. 18; Штад., с. 94. Описаніе опричнаго дворца у Штадена, с. 107—9.

[58]) Морозовскій лѣтописецъ, цитиров. Карамзинымъ, IX, прим. 138.

[59]) Таубе и Крузе, с. 39—40; Шлихтингъ, с. 27.

[60]) „И быша у него мучительныя орудія, пещи, бичеванія жестокая, ногти острые, клещи ражженные, терзанія ради тѣлесъ человѣческихъ, иголъ за ногти вонзенія, рѣзанія по составомъ, претренія верви на-полы... и иные безчисленные и неслыханные виды мукъ на невинныя, умышленные отъ него“ — цитир. изъ рукоп. Синод. Библ. Карамзинъ, т. IX, прим. 321.

[61]) „Главное наслажденіе царя... заключалось въ томъ, чтобы

„Эта строгая упорядоченность церковно-застѣночнаго быта“, пишетъ одинъ современный изслѣдователь [62]), „разрушаетъ обычное пониманіе религіозности Грознаго, какъ состоянія рѣзкихъ колебаній между грѣхомъ и раскаяніемъ. Не отрицая покаянныхъ настроеній царя, нельзя не видѣть, что онъ умѣлъ въ налаженныхъ бытовыхъ формахъ совмѣщать звѣрство съ церковной набожностью, оскверняя самую идею православнаго царства“.

Никогда, по свидѣтельству Таубе и Крузе, Грозный не бывалъ такъ веселъ и оживленъ, какъ тогда, когда присутствовалъ при пыткахъ и казняхъ [63]). И Шлихтингъ пишетъ, что

„У тирана въ обычаѣ самому собственными глазами смотрѣть на тѣхъ, кого терзаютъ пытками и подвергаютъ казни. При этомъ случается, что кровь нерѣдко брызжетъ ему въ лицо, но онъ все же не волнуется, а наоборотъ радуется и громко кричитъ, какъ человѣкъ ликующій и радующійся: Гайда, гайда! И всѣ опричники, подражая ему, также кричатъ: Гайда, гайда!“ [64]).

Опричники, когда они выѣзжали, должны были отличаться внѣшнимъ видомъ своимъ: всѣ въ черномъ, они при себѣ имѣли эмблемы — собачьи головы и что то въ родѣ кисти или метлы, что означало, что они, какъ собаки, кусаютъ, а затѣмъ выметаютъ весь соръ изъ страны [65]).

„Какъ только царь почувствовалъ свою достаточную крѣпость отъ такой охраны, онъ сталъ подумывать... объ истребленіи знаменитыхъ мужей и особенно славныхъ родовитостью своего рода [66]).

Шлихтингъ (Гваньини) разсказываетъ, какъ царь посылаетъ опричниковъ къ городовымъ воеводамъ, чтобы они подъ предлогомъ дружбы живя съ воеводами, улучали время убить ихъ; затѣмъ имъ поручалось уничтожить ихъ семьи [67]). Далѣе идетъ у обоихъ разсказъ объ убійствѣ нижегородскаго воеводы боярина кн. Ростовскаго [68]).

„Такъ какъ этотъ князь обычно обращался съ плѣнными слишкомъ милостиво и не слылъ въ отношеніи къ нимъ свирѣпымъ и жестокимъ, то въ силу этого онъ былъ заподозрѣнъ въ желаніи якобы переѣзжать къ польскому королю“....

Опричники схватили кн. Ростовскаго въ церкви, увезли за городъ, отрубили ему голову, тѣло спустили подъ ледъ, а голову доставили Грозному. Затѣмъ было убито много родственниковъ и свойственниковъ кн. Ростовскаго, гдѣ

выдумывать новыя мученія, пытки и смертныя казни“... Горсей, изд. Суворина, с. 34.

62) Федотовъ, op. cit., с. 136.

63) Стр. 39.

64) Стр. 25.

65) Таубе и Крузе, с. 38. Штаденъ, с. 86.

66) Шлихтингъ, с. 19 20.

67) Шлихтингъ, с. 20.

68) Шлихтингъ, с. 20—1. Не ясно, былъ ли это кн. Сем. Вас. Ростовскій или кн. Андрей Ив. Катыревъ-Ростовскій. Гваньини называетъ его Петромъ, очевидно, ошибочно.

только можно было ихъ выловить [69]). У Шлихтинга имѣется извѣстіе, что въ 1566 году московская знать обращалась къ царю съ прошеніемъ смилостивиться и прекратить свои казни, но Грозный сурово расправился съ тѣми, кто къ нему обратился [70]).

Взявъ опредѣленную территорію въ личное свое управленіе, Грозный управлялъ ею „первоначально государевыми дворецким и казначеем с подчиненными им дьяками, а затем с осложнением дел и с увеличением территории — и особыми опричными приказами, параллельными земским" [71]). П. А. Садиковъ, посвятившій особую статью разсмотрѣнію этого вопроса, говоритъ объ органахъ хозяйственнаго управленія, которыми вѣдалъ дворецкій, объ особомъ опричномъ Разрядѣ, Ямскомъ приказѣ, Дворцѣ государевѣ, Казнѣ, Четвертяхъ [72]). Въ опричнинѣ начала дѣйствовать и особая боярская дума.

Составъ этой думы пополнялся въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ, пока опричнина дѣйствовала. Въ первые три года (1565—7), кромѣ кн. М. Т. Черкасскаго, шурина государева (который, какъ сынъ князя владѣтельнаго, не носилъ боярскаго титула, но засѣдалъ въ думѣ), дума состояла изъ бояръ А. Д. Басманова, З. И. Очина-Плещѣева, Ф. И. Умнаго Колычева (съ 1567 г.?), В. П. Яковля и кн. В. А. Сицкаго (послѣдніе двое пожалованы въ бояре въ первые годы опричнины изъ земскихъ окольничихъ) и изъ окольничихъ: Д. А. Бутурлина, В. И. Умнаго Колычева и кн. В. И. Вяземскаго (брата государева любимца Аѳанасія Вяземскаго). Кромѣ этихъ девяти членовъ боярской думы, въ думѣ долженъ былъ участвовать кравчій Ф. А. Басмановъ и, вѣроятно, оружничій кн. Аѳ. Ив. Вяземскій, а также нѣсколько думныхъ дворянъ [73]). Въ послѣдующіе два года (1568—9) составъ опричныхъ бояръ пополнился кн. В. И. Темкинымъ-Ростовскимъ и переведенными изъ земщины боярами И. Я. Чоботовымъ и Л. А. Салтыковымъ, а составъ окольничихъ кн. Д. И. Хворостининымъ. Въ послѣдующіе два съ полови-

---

[69]) У Курбскаго, op. cit., с. 123: „Княжата Ростовскіе Семенъ, Андрей и Василій и друзіи съ ними". У Карамзина IX, прим. 184 напечатанъ царскій приказъ объ арестѣ кн. Ив. Бахтеярова-Ростовскаго, воеводы въ Васильгородѣ. Въ кирилло-бѣлозерскомъ синодикѣ перечислены слѣдующіе кн. Ростовскіе: Василій, Андрей (Бычковъ) съ матерью, женою, сыномъ и дочерью, Андрей (Катыревъ), Василій и Иванъ (Темкины); Фед. Ив. Хохолковъ, жена Никиты (и самъ Никита?) — Сказанія Курбскаго, по указателю.

[70]) Стр. 38—9. Одерборнъ говоритъ, что во главѣ этихъ лицъ, обращавшихся къ государю, находился бояринъ кн. Телятевскій (Старчевскій, Scriptores exteri, t. II, p. 233—4.

[71]) П. А. Садиков, К истории опричнины, с. 20.

[72]) Ibid., стр. 7—18.

[73]) Списокъ ихъ для этихъ годовъ намъ неизвѣстенъ.

ною года и послѣдніе годы опричнины (1570 –72) опричная дума пополнилась довольно значительно: въ нее вошли два знатныхъ татарина — царевичъ Михаилъ Кайбулинъ и кн. П. Т. Шейдяковъ, бояре кн. П. Д. и С. Д. Пронскіе, кн. Ф. М. Трубецкой, кн. Н. Р. Одоевскій, Б. Ю. и В. Б. Сабуровы, В. б. С. Собакинъ и (повидимому, въ 1572 г.) кн. И. А. Шуйскій, окольничіе Н. В. Борисовъ-Бороздинъ, кн. О. М. Щербатовъ, Г. С. и В. м. С. Собакины. Для этихъ послѣднихъ лѣтъ мы имѣемъ и списокъ думныхъ дворянъ (1570 г.): кн. Сем. Черкасскій, И. Ф. Воронцовъ, П. В. Зайцевъ, В. Г. Грязной, Малюта Скуратовъ, И. С. Черемисиновъ, В. Ф. Ошанинъ, В. М. Пивовъ. Всего 35 именъ членовъ опричной боярской думы. Любопытно, что среди опричныхъ бояръ и окольничихъ не было ни одного неродословнаго человѣка, въ родѣ Федора Григ. Адашева, пожалованнаго въ бояре въ 50-тыхъ годахъ, или Ф. И. Сукина — начала 60-тыхъ годовъ.

Нельзя не отмѣтить, что въ 1566 году подъ подозрѣніе Грознаго попали двое видныхъ опричниковъ: опричный бояринъ Зах. Ив. Очинъ-Плещѣевъ и опричный воевода кн. Ив. Петр. Охлябининъ. Въ томъ, что имъ не отъѣхать въ Литву или въ удѣлъ (къ кн. Владимиру Андреевичу), и что имъ не постричься, — царь взялъ поручныя записи съ опричныхъ дворянъ [74]).

Опричники, которыхъ съ самаго начала было не менѣе тысячи, — а въ послѣдующіе годы ихъ число увеличилось, повидимому, до 6000 чел. — вмѣстѣ со своими слугами и вмѣстѣ съ опричными стрѣльцами составили особые военные отряды, которые съ самаго начала стали принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Осенью 1565 года, когда крымскіе татары приходили къ Болхову, туда, кромѣ земскихъ полковъ, были направлены изъ Москвы три опричныхъ полка во главѣ съ опричными воеводами кн. А. П. Телятевскимъ, кн. Д. И. и А. И. Хворостиниными [75]). И весной 1567 г. опричная армія состоитъ всего лишь изъ трехъ полковъ, а не пяти, какъ земская армія, но во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ, какъ и въ земской арміи, по два воеводы (большимъ полкомъ командуютъ кн. М. Т. Черкасскій и кн. А. П. Телятевскій, передовымъ — кравчій Ф. А. Басмановъ

[74]) Продолж. Древней Росс. Вивл., ч. VII, с. 47 и 51; С. Г. Г. и Д., I, с. 558 и 560. За Очина-Плещѣева ручались въ суммѣ 4000 р., Охлябинина — 2000 р. (тогда какъ за кн. Мстиславскаго 20.000 р., кн. А. И. Воротынскаго 15.000 р., Шереметева 10.000 р., Салтыкова 5.000 р.). За Охлябинина въ первую голову ручались четыре брата князей Хворостининыхъ.

[75]) Древнѣйшая разр. кн. (Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1902 г., кн. I—II), с. 268; Д. Р.В., XIII, с. 383; Синб. Сб., с. 17.

и кн. Д. И. Хворостининъ, сторожевымъ — бояринъ З. И. Очинъ-Плещѣевъ и окольничій В. И. Умный Колычевъ [76]).

Управляя опричниной, Грозный сохранилъ за собою главное руководство обще-государственными дѣлами, особенно внѣшней политикой и обороной страны: принималъ пословъ и гонцовъ иноземныхъ и ихъ отпускалъ, посылалъ посольства въ иныя земли и принималъ ихъ по ихъ возвращеніи, получалъ донесенія съ фронта и слалъ ратнымъ воеводамъ распоряженія. Посольское дѣло велъ съ земскою боярскою думою, какъ до опричнины [77]). Но въ общемъ, какъ вѣрно въ свое время отмѣтилъ Ключевскій, земская боярская дума стала въ эпоху опричнины какъ будто самостоятельнѣй прежняго.

„И прежде бояре иногда сидѣли въ думѣ о дѣлахъ безъ государя; но это было отступленіемъ отъ заведеннаго порядка, которое допускалось въ особыхъ случаяхъ. Теперь, когда царь, живя внѣ Москвы, пріѣзжалъ въ столицу «не на великое время», по выраженію лѣтописи, такія засѣданія становились обычными, и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами: слѣдовательно боярскіе приговоры по текущимъ дѣламъ управленія получали силу закона и безъ этого доклада"... [78]).

Лѣтомъ 1566 г. царь собиралъ земскій соборъ для рѣшенія вопроса о томъ, мириться ли съ Польско-Литовскимъ государствомъ или продолжать съ нимъ войну. Соборъ высказался за продолженіе войны [79]). Въ этомъ земскомъ соборѣ участвовали лишь представители земщины: кромѣ освященнаго собора члены земской боярской думы, приказные люди, княжья и дѣти боярскія, гости, купцы и торговые люди — всѣ только изъ земщины [80]).

Еще въ маѣ 1566 г. оставилъ митрополію митрополитъ Аѳанасій. Его преемникомъ царь намѣтилъ соловецкаго игумена Филиппа изъ знатнаго рода Колычевыхъ [81]). На пред-

76) Д. Р. В., XIII, с. 393—4.

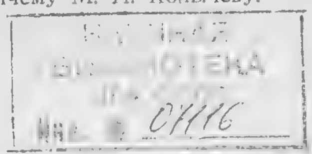
77) „Изъ посольскихъ книгъ не видно, чтобы опричнина умалила роль боярской думы въ посольскомъ дѣлѣ", В. И. Савва О Посольскомъ приказѣ въ XVI в., вып. 1, с. 190. Бывали однако случаи, когда царь принималъ иноземныхъ пословъ въ Александровской слободѣ вмѣстѣ со своими опричными боярами. Такъ, наприм., въ февралѣ 1567 г. для пріема шведскихъ пословъ изъ Москвы были вызваны печатникъ И. М. Висковатый, казначей Н. А. Фуниковъ и думный дьякъ Посольскаго приказа Андрей Васильевъ, но во главѣ комиссіи, ведшей переговоры съ послами, были поставлены опричные думные люди: А. Д. Басмановъ, кн. А. И. Вяземскій и П. В. Зайцевъ (En svensk beskickning till Ryssland under Erik XIV -s regering, оттискъ изъ шведскаго Historisk Tidskrift 1887).

78) Боярская дума, изд. 4, с. 340—1.

79) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 402—3.

80) С. Г. Г. и Д., I, № 192.

81) Игуменъ Филиппъ приходился двоюроднымъ братомъ опричнымъ совѣтникамъ царя Умнымъ Колычевымъ и троюроднымъ братомъ земскому окольничему М. И. Колычеву.

южение, которое царь сдѣлалъ игумену Филиппу передъ соборомъ, Филиппъ

„говорилъ, чтобы царь и великій князь оставилъ опришнину; а не оставитъ царь и вел. кн. опришнины, и ему въ митрополитахъ быти невозможно; и хотя его и поставятъ въ митрополиты, и ему затѣмъ митрополію оставити; а соединилъ бы воедино, какъ прежe того было". Но царь настоялъ, „чтобы игуменъ Филиппъ то отложилъ, а въ опришнину и въ царскій домовой обиходъ не вступался; а на митрополью бы ставился".

При этомъ царь допускалъ, въ видѣ уступки, чтобы будущій митрополитъ „совѣтовалъ съ царемъ и великимъ князем, какъ прежніи митрополиты совѣтовали съ отцемъ его... и съ дѣдомъ" [82]). Этимъ, повидимому, возстанавливалось право печалованія, уничтоженное при введеніи опричнины [83]). Филиппъ принялъ избраніе, состоявшееся 24 іюля 1566 года.

Около полутора лѣтъ сохранялись мирныя отношенія между царемъ и митрополитомъ. Это было время, когда опричнина сравнительно мало свирѣпствовала. Опалы и казни съ новою силою возобновились въ 1568 г. Въ житіи св. Филиппа разсказывается, что кое кто изъ вельможъ и простонародья обращались къ митрополиту съ мольбой о заступничествѣ. Митрополитъ воспользовался своимъ правомъ печалованія и сталъ увѣщевать государя.

„Слышно ли когда-либо, чтобы благочестивые цари сами возмущали свою державу?.. Есть людіе, говорящіе тебѣ лукавое; пріемли благіе совѣты, а не ласкательства... Не раздѣляй свою державу... устрой воедино народъ свой... Не обманывай себя напраснымъ страхомъ... — мы всѣ заодно съ тобой" [84]).

Но эти бесѣды не имѣли успѣха. Тогда митрополитъ дерзнулъ приступить къ обличеніямъ въ церкви. Это событіе было отмѣчено новгородскимъ лѣтописцемъ подъ 22 марта 1568 г.: „училъ митрополитъ Филиппъ съ государемъ на Москвѣ враждовати о опришнинѣ" [85]). Грозный отвѣтилъ на это страшнымъ гнѣвомъ и новыми казнями. Опаламъ подверглись родственники митрополита и служащіе его двора. Затѣмъ царь для суда надъ митрополитомъ созвалъ соборъ. Въ деморализующей обстановкѣ террора высшіе іерархи русской церкви поступили такъ, какъ желательно было царю, — осудили митрополита Филиппа. Таубе и Крузе свидѣтельствуютъ, что царь хотѣлъ осудить его на сожженіе, но духовенство упросило царя даровать ему жизнь и заключить въ монастырь [86]). 8 ноября въ Успенскомъ соборѣ пе-

---

[82]) С. Г. Г. и Д., I, № 193.
[83]) Г. П. Федотовъ, Св. Филиппъ, с. 104—6.
[84]) Ibid., с. 143—4.
[85]) П. С. Р. Л., III, Новгор. II лѣтоп., с. 162.
[86]) Таубе и Крузе, с. 44.

редъ обѣдней бояринъ А. Д. Басмановъ прочелъ соборное опредѣленіе, лишающее Филиппа сана митрополита. Опричники сорвали съ него ризы и отвезли въ заточеніе. Изъ своей московской темницы онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Отрочь монастырь въ Твери, гдѣ годъ спустя (23 дек. 1569 г.) былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ. Любопытно, что иностранцы — опричники, люди съ очень низкимъ моральнымъ устоемъ, какъ Таубе и Крузе и Штаденъ, отзываются о митрополитѣ съ большой похвалой [87]).

Въ первой половинѣ 1567 года четыре знатнѣйшихъ земскихъ бoярина (кн. Бѣльскій, кн. Мстиславскій, кн. Воротынскій [88]) и И. П. Федоровъ-Челяднинъ) получили по письму отъ польско-литовскаго короля и по письму отъ Г. Ходкѣвича, литовскаго гетмана, съ приглашеніемъ перейти на службу къ польско-литовскому королю. Текстъ этихъ писемъ до насъ не дошелъ, а сохранились въ польскихъ дѣлахъ Посольскаго приказа копіи восьми отвѣтныхъ писемъ [89]). Изъ сличенія этихъ писемъ между собою ясно, что они написаны цѣликомъ или въ значительной части однимъ лицомъ [90]). Помимо неоднократныхъ повтореній, часто дословныхъ, не только отдѣльныхъ выраженій, но и сряду по нѣсколько фразъ, — одного автора обличаетъ одинаковый стиль. Бросается также въ глаза оффиціальный характеръ всѣхъ писемъ [91]). Ясно, что они вышли изъ государевой канцеляріи. Мало того. Нѣкоторыя мысли — излюбленныя мысли самого государя [92]), обиліе цитатъ изъ священнаго пи-

---

[87]) У Т. и К. (с. 42) читаемъ: „И хвала и честь ему передъ всѣми за то, что онъ, безстрашная, храбрая душа, во всемъ держалъ сторону справедливости, не жалѣя своей собственной жизни“. И Штаденъ (с. 89) пишетъ о немъ: „Митроп. Филиппъ не могъ долѣе молчать... Онъ добромъ увѣщевалъ вел. князя жить и править подобно своимъ предкамъ. И вслѣдствіе этихъ рѣчей добрый митрополитъ попалъ въ опалу“...

[88]) Всѣ трое происходили изъ родовъ выѣзжихъ изъ Литвы.

[89]) Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 71, № 19, с. 497 и слѣд.

[90]) Это явствуетъ отчасти и изъ ихъ датировки: сначала было составлено письмо отъ Бѣльскаго къ королю — 2 іюля, затѣмъ отъ Мстиславскаго, очень близкое по содержанію къ первому, — 5 іюля, затѣмъ отъ Воротынскаго, съ дополненіями — 15 іюля, затѣмъ отъ нихъ трехъ къ Ходкѣвичу — 20, 28 и 31 іюля, а письма отъ Федорова, которыя посылались къ нему на подпись въ Полоцкъ (гдѣ онъ воеводствовалъ) помѣчены 6 августа.

[91])Между прочимъ см. пышный титулъ царя. Оффиціозное объясненіе опричнины: „хто годенъ, тотъ у его царского порога приближенъ есть, а хто негоденъ, тотъ отдалѣй слугуетъ“.

[92]) „Государь нашъ всѣхъ жалуетъ по достоинству... а виноватыхъ и израдецъ вездѣ казнятъ“. Мысль о томъ, что человѣкъ ограниченъ въ свободѣ своей, „а въ государской волѣ подданнымъ взгоже быти, а гдѣ государской воли надъ собою не имѣютъ, тутъ яко пьяны шатаютца“. Мысль о томъ, что п.-л. король не коренной государь. „Государь нашъ самодержецъ есть.., а не якъже государь вашъ яко-

санія [93]) и ссылокъ на священную исторію — его манера писанія, и наконецъ самый тонъ — выспренній, а вмѣстѣ съ тѣмъ издѣвательскій и ругательный — его собственный тонъ [94]).

Очевидно, бояре, получивъ письма отъ короля и Ходкѣвича, въ страхѣ и трепетѣ, что это станетъ извѣстно царю, явились къ нему и показали ему письма, которыя они получили. Царь взялся самъ отвѣтить на нихъ [95]).

Къ той же первой половинѣ 1567 г. относится попытка Грознаго заполучить изъ Швеціи сестру Сигизмунда-Августа Екатерину, бывшую тамъ замужемъ за братомъ шведскаго короля, чтобы жениться на ней. И это несмотря на наличіе царицы Маріи, урожденной княжны Черкасской [96]). Послы шведскаго короля, стремившагося къ миру и даже союзу съ Москвой, согласились на это, тѣмъ болѣе, что Грозный дѣлалъ шведамъ въ виду этого очень большія уступки, и царь отправилъ боярина И. М. Воронцова въ Швецію за Екатериной (въ іюлѣ 1567 г.). Извѣстно, что во время пребыванія русскаго посольства въ Швеціи тамъ пре-

---

же подданныи вашъ васъ послушенствуетъ". „Сами вы [illegible] государя своего, и за то его святымъ зовете и милостив[illegible] [illegible]ложъ его милость, коли онъ ничимъ не воленъ". „Нашихъ великихъ государей самодержавство не какъ ваше убогое королевство... они на государствѣ никѣмъ не посажены, но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государьствахъ самодержствуютъ". „Наши великіе государи, почевъ отъ Августа кесаря, обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великаго государя Рюрика и отъ Рюрика до нынѣшняго государя его царьского самодержьства, вси государи самодержьцы, и нихто же имъ ничѣмъ не можетъ указ[illegible] и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити, а ты по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженои государь, а не вотчинной".

[93]) Одна изъ цитатъ („да ся пѣнитъ море и бѣситъ, но Иисусова корабля не можетъ потопити, на камени бо стоитъ"...) приведена была Грознымъ въ письмѣ его къ Курбскому въ 1564 г. (Сказанія кн. Курбскаго, с. 145).

[94]) Уже послѣ того, какъ это было мною написано, мнѣ удалось достать и перечесть отличную статью А. Н. Ясинскаго „Сочиненія кн. Курбскаго, какъ историческій матеріалъ". Въ ней онъ между прочимъ тоже доказываетъ, что авторомъ отвѣтныхъ грамотъ былъ самъ царь. (Кіев. Унив. Изв. 1890 г., № 1, с. 231—3).

[95]) Кстати здѣсь будетъ припомнить такой же приблизительно случай, произошедшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 156[illegible] г. И. П. Федоровъ, бывшій тогда воеводой въ Юрьевѣ Ливонскомъ, получилъ отъ того же Ходкѣвича письмо изъ Литвы съ предложеніемъ стараться у своего государя о примиреніи между двумя государствами. Федоровъ отправилъ любезный отвѣтъ, а копію письма и отвѣта сообщилъ государю. Того, повидимому, не удовлетворилъ этотъ отвѣтъ, и онъ прислалъ Федорову другой текстъ отвѣта, каковой тотъ послалъ отъ себя дополнительно. Царь предписалъ Федорову въ дальнѣйшемъ не отвѣчать самому, а запрашивать его каждый разъ (Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 71, с. 68—88).

[96]) Штаденъ упоминаетъ, что Грозный безчестно съ ней обошелся (с. 62). Она умерла 1 сент. 1569 г.

изошелъ переворотъ: король былъ свергнутъ съ престола своимъ братомъ, супругомъ Екатерины, и русское посольство вернулось съ пустыми руками (въ 1569 г.).

Къ лѣту 1567 г. относятся переговоры Грознаго съ англійскимъ посланникомъ Дженкинсономъ, когда Грозный настаивалъ, чтобы тайной статьей договора было предоставлено государямъ договаривающихся странъ находить себѣ пріютъ во владѣніяхъ союзника въ случаѣ надобности; очевидно, отношенія съ земщиной были у царя настолько натянутыми, что онъ опасался возстанія подданныхъ. Дженкинсонъ обѣщалъ доложить королевѣ объ этомъ желаніи московскаго государя, но англійское правительство затянуло отвѣтъ. Осенью 1568 г. прибылъ въ Россію англійскій посланникъ Рандольфъ (любопытно, что обоихъ пословъ, бывшихъ въ Россіи и раньше, поразила перемѣнившаяся тамъ обстановка — со времени учрежденія опричнины). Послѣ оффиціальныхъ аудіенцій царь принялъ Рандольфа въ концѣ февраля 1569 г. тайно, ночью, въ своемъ опричномъ дворцѣ въ Москвѣ, и около трехъ часовъ велъ бесѣду на эту тему. Съ Рандольфомъ, возвращавшимся въ Англію осенью 1569 г., Грозный отправилъ своего посланника Совина, который, возвращаясь изъ Англіи, привезъ грамоту королевы Елизаветы (отъ 27 мая 1570 г.) съ согласіемъ предоставить убѣжище Грозному въ случаѣ надобности. Весной 1572 г. Дженкинсонъ былъ снова въ Москвѣ, и царь говорилъ Дженкинсону, что тайные переговоры онъ на время откладываетъ, такъ какъ намѣренія его измѣнились — это было незадолго до отмѣны опричнины.

Въ сентябрѣ 1567 г. царь собрался въ походъ въ Ливонію. Опричные полки составляли, повидимому, дворъ государевъ и были подъ командованіемъ кн. М. Т. Черкасскаго, двороваго воеводы. Главные опричные совѣтники государя находились въ походѣ при немъ: „съ царемъ" названъ въ разрядахъ кн. М. Т. Черкасскій, „съ царевичемъ" — бояре В. П. Яковля и кн. В. А. Сицкій, оружейничимъ — кн. Аѳ. Ив. Вяземскій и П. В. Зайцевъ, ловчимъ Г. Д. Ловчиковъ (рекомендованный царю кн. Вяземскимъ, одинъ изъ главныхъ палачей или „отдѣлывальщиковъ"), а воеводами для посылокъ — кравчій Ф. А. Басмановъ, бояринъ З. И. Очинъ-Плещѣевъ, кн. А. П. Телятевскій и околничіе кн. В. И. Вяземскій и В. И. Умный Колычевъ. Земскихъ бояръ и вообще никого изъ земщины не было въ окруженіи государя. Когда же, на слѣдующій день послѣ пріема государемъ польско-литовскаго посланника Юрія Быковскаго, царь пожелалъ (6 окт.) обсудить съ земской боярской думой вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли Быковскаго задержать и слѣдуетъ ли походъ продолжать, онъ эту земскую думу составилъ изъ бояръ, со-

стоявшихъ воеводами земскихъ полковъ (семь бояръ во главѣ съ кн. Влад. Андр. [97]). Быковскаго рѣшено задержать, походъ продолжать, но, какъ извѣстно, царь не пошелъ дальше Новгорода и черезъ мѣсяцъ походъ отложилъ — послѣ совѣщанія съ земской боярской думой того же состава — и вернулся въ Москву.

Къ этому времени относится раскрытіе заговора о которомъ имѣются свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ нашихъ источникахъ. Наиболѣе цѣнно свидѣтельство Шлихтинга. Въ своей первоначальной краткой запискѣ Шлихтингъ о заговорѣ выражается такъ:

„Когда, три года тому назадъ[98]), Ваше Королевское Величество[99]) были въ походѣ, то много знатныхъ лицъ, приблизительно 30 человѣкъ, съ княземъ Иваномъ Петровичемъ во главѣ [100]), вмѣстѣ со своими слугами и подвластными, письменно обязались, что передали бы великаго князя вмѣстѣ съ его опричниками въ руки В. К. В-ву, если бы только В. К. В. двинулись на страну. Но лишь только въ Москвѣ узнали, что В. К. В. только отступали, то многіе пали духомъ, одинъ остерегался другого, и всѣ боялись, что кто-нибудь ихъ предастъ. Такъ и случилось. Три князя, а именно: князь Владимиръ, двоюродный братъ великаго князя,... князь Бѣльскій и князь Мстиславскій отправились къ Ивану Петровичу и взяли у него списокъ заговорщиковъ подъ тѣмъ предлогомъ, якобы имѣлись еще другіе, которые хотятъ записаться. Какъ только они получили этотъ списокъ, они послали его великому князю съ наказомъ, что если онъ не хочетъ быть преданъ и попасть въ руки своихъ враговъ, то долженъ немедленно вернуться въ городъ Москву. Туда онъ прибылъ изъ лагеря, путешествуя днемъ и ночью. Тамъ ему показали перечень всѣхъ записавшихся"... [101]).

Въ своемъ послѣдующемъ „Сказаніи" Шлихтингъ посвятилъ много мѣста описанію казни Ив. Петр. Федорова-Челяднина, начиная это описаніе со слѣдующихъ словъ:

„При возвращеніи своемъ въ Москву, въ то время, когда польскій король, разбивъ лагерь у Радошковицъ, желалъ преслѣдовать его съ войскомъ, тиранъ счелъ подозрительными для себя нѣкоторыхъ изъ воиновъ, и среди другихъ князя Іоанна Петровича, воеводу московскаго"...

И далѣе идетъ рѣчь объ опалѣ и казни боярина И. П. Федорова-Челяднина [102]). Другое упоминаніе объ этомъ заговорѣ имѣется въ запискѣ нѣмца Даніила Принца изъ Бухова, бывшаго въ Россіи посломъ императора въ 70-тыхъ годахъ. Но онъ утверждаетъ, будто заговорщики хотѣли отнять власть у своего государя съ тѣмъ, чтобы передать Россію крымскому хану.

---

97) Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 71.
98) Записка составлена зимой 1570 —1 г.
99) Шлихтингъ обращается къ королю Сигизмунду-Августу.
100) Ив. Петр. Федоровъ-Челяднинъ.
101) Шлихтингъ, с. 61—2.
102) Стр. 21.

„Открывши это злоумышленіе, московскій князь не только съ большою жестокостью поступаетъ относительно виновниковъ злодѣянія, но даже ихъ служителей"...[103]).

О томъ же заговорѣ упоминаютъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели, какъ польскій хронистъ Мартинъ Бѣльскій, Геннингъ и Кельхъ, авторъ исторіи Ливоніи, изданной въ концѣ XVII в. Этотъ послѣдній пишетъ подъ 1567 г.:

„Въ то время составили заговоръ противъ царя московскаго нѣкоторые изъ его ближайшихъ родственниковъ и знатнѣйшихъ бояръ, и въ числѣ ихъ двоюродный братъ царя, князь Владиміръ Андреевичъ, князь Михаилъ Темрюковичъ и другіе. Они намѣревались поддаться Польшѣ съ значительной частью Россіи. Чтобы ободрить этихъ заговорщиковъ, король Сигизмундъ-Августъ собралъ въ Бѣлоруссіи войско изъ 60 тысячъ всадниковъ и значительнаго количества пѣхоты и самъ отправился къ войску. Но одинъ изъ заговорщиковъ открылъ все царю, надѣясь избѣжать этимъ наказанія, и затѣмъ послѣдовали казни всѣхъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ" [104]).

Кельхъ далѣе пишетъ объ ужасныхъ казняхъ, которымъ подвергъ царь виновныхъ — съ женами, дѣтьми, слугами — и велѣлъ даже въ имѣніяхъ ихъ умертвить скотъ, собакъ, кошекъ и рыбу; и далѣе, ссылаясь на Геннинга, разсказываетъ о двухъ младенцахъ, которыхъ опричники пожалѣли и доставили государю, а онъ ихъ собственноручно выбросилъ изъ окна [105]).

Авторъ введенія къ академическому изданію Шлихтинга г. А. Малеинъ касается вопроса о заговорѣ и между прочимъ сообщаетъ, что свѣдѣнія объ этомъ заговорѣ разработаны въ статьѣ г. Рейжевскаго, къ сожалѣнію, не напечатанной. Г. Малеинъ, вѣроятно въ согласіи съ выводами, къ которымъ пришелъ г. Рейжевскій, ставитъ этотъ заговоръ 1567 г. въ связь съ расправой Грознаго съ Новгородомъ въ началѣ 1570 г. и съ послѣдующими московскими казнями. Мнѣ эта связь не представляется вѣроятной: Грозный былъ очень скоръ, слишкомъ скоръ на расправу, и трудно себѣ представить, чтобы онъ медлилъ съ нею два съ лишнимъ года, и чтобы такъ долго тянулось разслѣдованіе заговора 1567 г. Да и неправдоподобна связь этого боярскаго заговора, руководимаго Федоровымъ-Челяднинымъ, съ воображаемой

---

[103]) Чтенія въ Общ. И. и Д. Р. 1876, III, с. 22.

[104]) Chr. Kelch. Liefländische Historia. Reval. 1695. S. 280.

[105]) Карамзинъ, IX, прим. 183. Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этимъ рядомъ извѣстій стоитъ извѣстіе Штадена, который говоритъ сперва о казни Федорова, а послѣ о заговорѣ: „У земскихъ лопнуло терпѣніе. Они начали совѣщаться, чтобы избрать великимъ княземъ Владиміра Андреевича... а великаго князя съ его опричниками убить или извести. Договоръ былъ уже подписанъ"... (Штаденъ, с. 87). Но я полагаю, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе Шлихтингу, т. к. у Штадена во всемъ его изложеніи замѣчается мало послѣдовательности.

новгородской измѣной, къ которой были притянуты люди совершенно другого круга, болѣе близкаго къ Грозному.

Казнь боярина Ив. Петр. Федорова-Челяднина отмѣчаютъ всѣ наши источники [106]). Это былъ старѣйшій (по времени назначенія) московскій бояринъ, въ возрастѣ около 60 лѣтъ, бывшій прежде, въ эпоху „избранной рады" конюшимъ (1549—53), изъ знатнаго стариннаго московскаго рода. Онъ былъ въ земщинѣ однимъ изъ первыхъ бояръ. Царь во время своихъ отлучекъ изъ Москвы оставлялъ его иногда на Москвѣ первымъ бояриномъ [107]). Бывалъ онъ и на отвѣтственныхъ воеводствахъ: въ Юрьевѣ Ливонскомъ (1562) и Полоцкѣ (1565—7). Штаденъ зналъ его лично и очень хвалитъ — и за праведный судъ („онъ одинъ имѣлъ обыкновеніе судить праведно, почему простой людъ былъ къ нему расположенъ" и „охотно помогалъ бѣдному люду") и за гуманное отношеніе къ ливонскому населенію, въ бытность юрьевскимъ воеводой [108]). И въ Литвѣ знали о его добродѣтели [109]).

О казни Федорова Курбскій пишетъ довольно кратко:

„Убилъ мужа, въ родѣ свѣтла, Іоанна Петровича, уже въ совершеннѣмъ вѣку бывша; и жену его Марью, воистину святую, погубилъ... И такъ на того Іоанна разгнѣвался, иже не токмо слугъ его шляхетныхъ мужей всеродне погубилъ и различными муками помучилъ, но и мѣста и села — бѣ зело много отчины имѣлъ — все пожегъ, самъ ѣздя съ кромѣшники своими, елико гдѣ обрѣлись, со женами и дѣтками ихъ, сущихъ отъ сосцовъ матернихъ, не пощадилъ; наконецъ, глаголютъ, а ни скота единого живити повелѣлъ".

Таубе и Крузе сообщаютъ, что царь самъ закололъ Федорова въ большой палатѣ дворца, а опричные стрѣльцы разрубили его тѣло на части и выбросили на площадь. Штаденъ свидѣтельствуетъ, что Федоровъ былъ вызванъ въ Москву и убитъ, а тѣло его было выброшено у рѣчки Неглинной.

„А великій князь вмѣстѣ со своими опричниками поѣхалъ и пожегъ по всей странѣ всѣ вотчины, принадлежавшія упомянутому Ивану Петровичу. Села вмѣстѣ съ церквами и всѣмъ, что въ нихъ было, съ иконами и церковными украшеніями — были спалены. Женщинъ и дѣвушекъ раздѣвали до нага и въ такомъ видѣ заставляли ловить по полю куръ. Великое горе сотворили они по всей землѣ!"

Подробнѣе всего казнь Ивана Петровича описана у Шлихтинга. Согласно его разсказу, вызванный къ государю Федоровъ простился съ женой и дѣтьми, не разсчитывая ихъ больше увидѣть. Когда Федоровъ явился къ царю, царь приказалъ облечь его въ царскія одѣянія и посадить на

---

[106]) Д. Р. В., XX, с. 48; Курбскій, op. cit., с. 134—5; Т. и К., с. 40. Штад., с. 86—7. Шлихт., с. 21—3 и 37.

[107]) Штад., с. 86; Шлихт., с. 21; Др. Р. В. XIII, с. 380.

[108]) Штад., с. 86—7, 79 и 137.

[109]) Сб. Имп. Р. Ист. Об. т. 71, с. 69—70.

тронъ, кланялся ему, какъ царю, и издѣвался надъ нимъ, а затѣмъ вонзилъ ножъ ему въ грудь и заставилъ присутствующихъ дѣлать то же самое, „такъ что грудныя кости и прочія внутренности выпали изъ него на глазахъ тирана“, послѣ чего его тѣло выбросили на площадь. Затѣмъ царь казнилъ его семейныхъ и слугъ и множество иностранцевъ, жившихъ въ Коломнѣ, послѣднемъ мѣстопребываніи Федорова,

„считая ихъ участниками замысла воеводы Іоанна, между тѣмъ какъ тотъ не повиненъ былъ даже въ дурномъ подозрѣніи, а явилъ себя и вѣрнымъ гражданиномъ отечеству, и слугою тирану [110]). Умертвивъ такимъ образомъ воеводу Іоанна, его семейство и всѣхъ гражданъ, тиранъ, сѣвъ на коня, почти годъ объѣзжалъ съ толпой убійцъ его помѣстья, деревни и замки, производя повсюду истребленія, опустошенія и убійства [111]). Захвативъ въ плѣнъ нѣкоторыхъ воиновъ и данниковъ (а этотъ воевода Іоаннъ былъ очень богатый человѣкъ), тиранъ велѣлъ обнажить ихъ, запереть въ клѣтку или маленькій домикъ и, насыпавъ туда сѣры и пороху, зажечь, такъ что трупы несчастныхъ, поднятые силой пороха, казались летающими въ воздухѣ. Тиранъ очень забавлялся этимъ обстоятельствомъ и воображалъ, что такимъ убійствомъ людей онъ устроилъ себѣ подобіе трофея и тріумфа. Весь крупный и мелкій скотъ и лошадей, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, тиранъ приказалъ разсѣчь на куски, а нѣкоторыхъ и пронзить стрѣлами, такъ что онъ не пожелалъ оставить живымъ въ какомъ-либо мѣстѣ даже и маленькаго звѣрька. Помѣстья и кучи хлѣба онъ зажигалъ и обращалъ въ пепелъ. Онъ приказывалъ убійцамъ насиловать у него на глазахъ женъ и дѣтей тѣхъ, кого онъ убивалъ, и обращаться съ ними по своему произволу, а затѣмъ умерщвлять. Что же касается женъ поселянъ, то онъ приказалъ обнажать ихъ и угонять въ лѣса, какъ скотъ, причемъ тайно были расположены засады изъ убійцъ, чтобы мучить, убивать и разсѣкать этихъ женщинъ, бродившихъ и бѣгавшихъ по лѣсамъ. Такого рода жестокость проявилъ тиранъ при опустошеніи деревень и помѣстій Іоанна, воеводы московскаго, а жену его приказалъ постричь и удалить въ монастырь, гдѣ она и умерла [112]). Такимъ образомъ уничтожилъ онъ родъ и все семейство столь великаго мужа, не оставляя въ живыхъ совершенно ни одного его свойственника или родственника“.

О томъ же времени Шлихтингъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ:

„Когда онъ опустошалъ владѣнія Ивана Петровича, то въ ла-

---

[110]) Шлихтингъ здѣсь (въ „Сказаніи“) противорѣчитъ собственному свидѣтельству (въ „Запискѣ“) о томъ, что Федоровъ стоялъ во главѣ заговора.

[111]) Въ синодикахъ встрѣчаются такія записи: „В коломенских селѣх скончавшихся православных христіанъ Ивановых людей 20 челов., а имена их Бог вѣсть“ или: „Въ Бѣжецком Верху Ивановых людей 65 челов., да 12 челов. скончавшихся ручным усѣченіем“ (Синодикъ вологодскаго Спасоприлуцкаго мон-ря, Чтенія О. И. и Д. Р., 1859, кн. III, смѣсь с. 91 и слѣд.). Въ синодикѣ Кирилло-Бѣлозерскаго м-ря этой записи предшествуютъ записи 17 чел., 14 ч., 7 ч., 3 ч., 2 ч. и 17 ч., побитыхъ, повидимому, въ другихъ имѣніяхъ Федорова (Сказанія кн. Курбскаго, с. 377).

[112]) Курбскій, вѣроятно, неправильно былъ информированъ объ убійствѣ жены боярина Федорова.

герѣ у него были отборнѣйшія женщины выдающейся красоты, приблизительно въ количествѣ 50, которыя передвигались на носилкахъ. Для охраны ихъ онъ приставилъ 500 всадниковъ. Этими женщинами онъ злоупотреблялъ для своей похоти. Которая ему нравилась, ту онъ удерживалъ, а которая переставала нравиться, ту приказывалъ бросить въ рѣку".

Съ этими разсказами Шлихтинга слѣдуетъ сопоставить повѣствованіе Таубе и Крузе:

„19 іюля 1568 года въ полночь послалъ онъ своихъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ, князя Афанасія Вяземскаго, Малюту Скуратова, Василія Грязнова, вмѣстѣ съ другими и нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ. Они должны были неожиданно явиться въ дома князей, бояръ, воеводъ, государственныхъ людей, купцовъ и писцовъ и забрать у нихъ ихъ женъ; онѣ были тотчасъ же брошены въ находившіяся подъ рукой телѣги, отвезены во дворъ великаго князя и въ ту же ночь высланы изъ Москвы. Рано утромъ великій князь выступилъ со своими избранными словно въ военный походъ, сопровождаемый нѣсколькими тысячами людей. Переночевавъ въ лагерѣ, приказалъ онъ вывести всѣхъ этихъ благородныхъ женщинъ и выбралъ изъ нихъ нѣсколько для своей постыдной похоти, остальныхъ раздѣлилъ между своей дворцовой челядью и рыскалъ въ теченіе шести недѣль кругомъ Москвы по имѣніямъ благородныхъ бояръ и князей. Онъ сжигалъ и убивалъ все, что имѣло жизнь и могло горѣть, скотъ, собакъ и кошекъ, лишалъ рыбъ воды въ прудахъ, и все, что имѣло дыханіе, должно было умереть и перестать существовать. Бѣдный ни въ чемъ неповинный деревенскій людъ, дѣтишки на груди у матери и даже во чревѣ были задушены. Женщины, дѣвушки и служанки были выведены нагими въ присутствіи множества людей и должны были бѣгать взадъ и впередъ и ловить куръ. Все это для любострастнаго зрѣлища, и когда это было выполнено, приказалъ онъ застрѣлить ихъ изъ лука. И послѣ того, какъ онъ достаточно имѣлъ для себя женъ указанныхъ бояръ и князей, передалъ онъ ихъ на нѣсколько дней своимъ стрѣльцамъ, а затѣмъ онѣ были посажены въ телѣги и ночью отвезены въ Москву, гдѣ каждая сохранившая жизнь была оставлена передъ ея домомъ. Но многія изъ нихъ покончили съ собой или умерли отъ сердечнаго горя во время этой постыдной содомской поѣздки" [113]).

Съ извѣстіемъ Шлихтинга о взорваніи порохомъ одного дома съ людьми надо поставить въ связь разсказъ Курбскаго, переданный имъ со словъ очевидца о томъ, какъ пострадалъ Ив. Борис. Колычевъ, родной племянникъ митрополита Филиппа, „егда... ѣздя палилъ мѣста и веси и дворы оного Іоанна Петровича со живущими въ нихъ". Курбскій разсказываетъ, какъ Колычева вмѣстѣ съ другими заперли въ нѣсколькихъ избахъ и эти избы взорвали посредствомъ пороха. Царь со своими опричниками, всѣ на коняхъ, наблюдалъ издалека. Когда произошелъ взрывъ, они съ побѣднымъ крикомъ („яко на брани супостатовъ, и аки пресвѣтлое одолѣніе получиша") поскакали къ мѣсту взрыва. Колычевъ оказался невредимымъ, взрывомъ отброшенный въ сторону; и тогда одинъ изъ опричниковъ саблей отсѣкъ ему голову [114]).

---

113) Стр. 41—2.
114) Стр. 140—1.

Я нарочно привелъ эти нѣсколько свидѣтельствъ для того, чтобы показать ихъ согласіе, иногда даже въ подробностяхъ. Между тѣмъ всѣ четыре свидѣтельства писаны независимо одинъ отъ другого.

Наши источники не говорятъ, кто былъ Грознымъ казненъ по тому же дѣлу о заговорѣ. Вообще наши авторы не указываютъ времени казни, и у насъ не имѣется вовсе или почти не имѣется данныхъ для ихъ пріуроченія. Намъ остается догадываться.

Курбскій разсказываетъ о казни престарѣлаго боярина кн. Ив. Ив. Пронскаго-Турунтая, принявшаго передъ тѣмъ постриженіе; а затѣмъ добавляетъ: „Въ той же день и иныхъ не мало благородныхъ мужей нарочитыхъ воинъ, аки двѣсти, избіенно; а нѣцыи глаголютъ и вящеи" [115]). Возможно, что рѣчь здѣсь идетъ о казненныхъ по заговору 1567 года. Изъ другихъ бояръ и окольничихъ, по тому же дѣлу могли быть казнены: бояринъ кн. П. М. Щенятевъ и окольничіе М. И. Колычевъ [116]), М. П. Головинъ, Ив. Ив. Чулковъ, и только. Я называю тѣхъ членовъ боярской думы, которые могли быть казнены въ 1568 г., и может ъ быть, по одному дѣлу съ Федоровымъ. Нельзя не признать, что участниковъ заговора что то мало оказывается среди думныхъ людей, если даже допустить, что всѣ эти пять человѣкъ были участники заговора. Невольно закрадывается сомнѣніе въ томъ, существовалъ ли вообще этотъ заговоръ. Но кромѣ этихъ бояръ и окольничихъ, въ заговорѣ могли участвовать и другіе представители знати. Возможно, что среди нихъ былъ казначей Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ. О его жестокой казни самъ-сёмъ, съ женой и дѣтьми, говорятъ и Курбскій, и Шлихтингъ, и Таубе и Крузе [117]) довольно согласно, и подтверждаетъ синодикъ [118]).

Далеко не о всѣхъ казняхъ мы имѣемъ такія согласныя свидѣтельства. Изъ авторовъ современниковъ, описавшихъ опричнину, Курбскій сообщаетъ около 70 именъ казненныхъ, Таубе и Крузе около 30, Шлихтингъ около 30, Штаденъ 15, при чемъ изъ этихъ 145 именъ нѣкоторыя не совпадаютъ, и всего наши авторы сообщаютъ о ста (приблизительно) казняхъ. Въ общемъ, это очень мало по сравненію съ большимъ числомъ жертвъ, записанныхъ въ синодикахъ Грознаго (въ одномъ изъ нихъ — 3750). Къ сожалѣнію, въ синодикахъ имена записаны безъ фамилій, и фамиліи надписаны далеко

---

115) Стр. 125.

116) Въ послѣдній разъ упоминается въ іюнѣ 1568 г.

117) Курбскій, с. 137; Шлихтъ, с. 23; Т. и К., с. 40.

118) „Хозяя з женою и с пятью сыновъ его да брата его", Кирилло-бѣлозерскій синодикъ, Сказанія Курбскаго, с. 376.

не надъ всѣми именами[119]), и потому не всѣ казни, упомянутыя нашими авторами, удается провѣрить въ синодикахъ. Но заподозрѣвать нашихъ авторовъ въ сообщеніи данныхъ, не отвѣчающихъ истинѣ, нѣтъ никакихъ основаній: Таубе и Крузе, Шлихтингъ, а также Штаденъ упоминаютъ о казняхъ, которыя совершались на ихъ глазахъ или о казняхъ, о которыхъ они слышали отъ очевидцевъ, а Курбскій собиралъ свои свѣдѣнія въ Литвѣ — отъ русскихъ эмигрантовъ, прибывавшихъ въ Литву изъ Руси, отъ тѣхъ русскихъ, которые попадали въ Литву въ качествѣ плѣнныхъ, и отъ подданныхъ Польско-Литовскаго государства, бывавшихъ въ Москвѣ въ составѣ посольствъ. Среди его сообщеній возможны ошибки, но въ общемъ онъ весьма добросовѣстенъ[120]).

Одинъ изъ нашихъ авторовъ, Шлихтингъ, разсказываетъ о тиранствѣ царя надъ женщинами. По его словамъ, женщинами, которыхъ опричники арестовывали по какимъ-нибудь обвиненіямъ многочисленныхъ тайныхъ доносчиковъ, царь пользовался для удовлетворенія своей похоти или предоставлялъ опричникамъ насиловать ихъ у него на глазахъ, а затѣмъ, смотря по винѣ, или возвращалъ живыми домой или приказывалъ предъ дверью мужа повѣсить[121]). Обо всѣхъ способахъ поруганія женщинъ, которые Шлихтингъ приводитъ, повторять неудобно[122]).

Тотъ же Шлихтингъ разсказываетъ, какъ забавляется царь, когда изъ оконъ двора наблюдаетъ, какъ опричники на потѣху ему выпускаютъ медвѣдей на площадь, гдѣ толпится народъ, хотя бы нѣкоторымъ изъ этой толпы потѣха стоила жизни. Иногда для царской потѣхи зашивали опальныхъ въ медвѣжьи шкуры и травили собаками[123]).

Нѣкоторые случаи, которые Шлихтингъ приводитъ, весьма характерны. Напримѣръ, онъ разсказываетъ о томъ, какъ царь принималъ въ Александровской слободѣ боярина Ф. И. Умнаго-Колычева, котораго онъ посылалъ посломъ въ Польско-Литовское государство. Колычевъ ѣхалъ на этотъ пріемъ въ тревогѣ, не зная, вернется ли онъ оттуда живымъ. Однако тиранъ принялъ его весьма милостиво, одарилъ весьма щедро „мѣхами и платьями огромной цѣнности“, напоилъ до опьянѣнія и затѣмъ отпустилъ; опричники же,

---

[119]) Напр.: „Помяни, Господи, души Симеона, Никиты, князя Даніила, Протасія, Василія“...

[120]) Курбскій, напримѣръ, сообщаетъ, что Грозный казнилъ бояръ Морозовыхъ и боярина Льва Салтыкова съ четырьмя или пятью сыновьями; а послѣ приписываетъ: „Ныне, последи, слышахъ о Петрѣ Морозовѣ, аки живъ есть; также и Львовы дѣти не всѣ погублены: нѣцыи остави живы, глаголютъ“, стр. 143.

[121]) Стр. 37.

[122]) Стр. 50—1.

[123]) Стр. 39.

по распоряженію Грознаго, напали изъ засады на Колычева, ѣхавшаго обратно въ Москву, и совершенно ограбили. Опричники доставили добычу тирану, и онъ велѣлъ ее положить въ казну“ [124]).

Одинъ конкретный случай, который Шлихтингъ приводитъ, показываетъ, какъ ложный доносъ бывалъ причиною казни. Одинъ дворянинъ въ разговорѣ съ другимъ поносилъ государя. Боясь, что тотъ на него донесетъ, онъ самъ донесъ царю на своего собесѣдника, утверждая, что тотъ плохо говорилъ о царѣ. И тотъ, кто былъ невиновенъ, былъ по этому доносу казненъ [125]).

Шлихтингъ разсказываетъ, какъ у русскихъ

„вошло въ обычай взаимно обвинять и клеветать другъ на друга передъ тираномъ... А тирану все это любо, и онъ никого не слушаетъ охотнѣе, какъ доносчиковъ и клеветниковъ, не заботясь, лживы они, или правдивы, лишь бы только имѣть удобный случай для погибели людей, хотя бы многимъ и въ голову не приходило о возведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ“ [126]).

‚Если царь прикажетъ притти къ себѣ какому-либо знатному сенатору или воину, тотъ, собираясь пойти къ тирану, прощается съ женой, дѣтьми, друзьями, какъ бы не разсчитывая ихъ никогда видѣть. Онъ питаетъ увѣренность, что ему придется погибнуть или отъ палокъ, или отъ сѣкиры, хотя бы онъ и сознавалъ, что за нимъ нѣтъ никакой вины“ [127]).

Далѣе Шлихтингъ пишетъ:

„При дворѣ тирана не безопасно заговорить съ кѣмъ-нибудь. Скажетъ ли кто-нибудь громко или тихо, буркнетъ что-нибудь, посмѣется или поморщится, станетъ веселымъ или печальнымъ, сейчасъ же возникаетъ обвиненіе, что ты за одно съ его врагами или замышляешь противъ него что-либо преступное. Но оправдать своего поступка никто не можетъ: тиранъ немедленно зоветъ убійцъ, своихъ опричниковъ, чтобы они взяли такого то и вслѣдъ затѣмъ на глазахъ у владыки либо разсѣкли на куски, либо отрубили голову, либо утопили“... [128]).

Штаденъ учелъ опасность находиться постоянно вблизи государя („кто былъ близокъ къ великому князю, тотъ легко ожигался“), ибо и опричники подвергались опасности быть лишенными жизни, и отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія состоять безотлучно при государѣ [129]).

Съ теченіемъ времени опричнина разрастается. Въ опричнину берутся новыя земли, на нихъ испомѣщаются новые кадры опричниковъ. Опричное войско растетъ. Въ 1568 г.

---

[124]) Стр. 26—7.
[125]) Стр. 50.
[126]) Стр. 19.
[127]) Стр. 19.
[128]) Стр. 19. Ср. Даніилъ Принцъ изъ Бухова, op. cit., с. 30. Онъ же (с. 28), говоря, что бояр. Н. Р. Юрьевъ играетъ при царѣ важную роль (послѣ отмѣны опричнины), добавляетъ: „однако такъ, что часто подвергается величайшей опасности за свою жизнь“.
[129]) Стр. 134.

оно состоитъ обычно изъ трехъ корпусовъ, въ 1569 г. опричныя силы разбиты на пять корпусовъ (большой полкъ, передовой, правая и лѣвая рука, сторожевой) подъ начальствомъ десяти воеводъ [130]), и онѣ находятся почти постоянно на фронтѣ.

Казнь кн. Владимира Андреевича, государева двоюроднаго брата, едва ли находилась въ связи съ заговоромъ 1567 г., казнью Федорова-Челяднина и другихъ заговорщиковъ. Гораздо вѣроятнѣе ея связь съ дѣломъ о пресловутой измѣнѣ Великаго Новгорода. Такъ понимали дѣло и польско-литовскіе послы, бывшіе въ Москвѣ въ 1570 году [131]). Въ 1575 г. посѣтилъ Новгородъ датскій посланникъ Яковъ Ульфельдъ. Онъ пишетъ по разсказамъ „достовѣрныхъ людей", какъ царь за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ заподозрѣлъ своего брата (Влад. Андр.) въ какомъ-то коварствѣ, почему, пригласивши его къ себѣ, далъ ему ядъ. Потомъ со своими опричниками разорялъ дорогу отъ Москвы до Пскова и погубилъ много тысячъ людей въ Новгородѣ „будто бы они согласники были брата его". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о разореніи царемъ „почти всѣхъ деревень" по дорогѣ изъ Новгорода до Вышняго Волочка, „такъ какъ онъ думалъ, будто жители оныхъ съ убитымъ его братомъ согласились и о погубленіи его умышляли" [132]). Того же мнѣнія держался и другой современникъ Р. Гейденштейнъ, польскій авторъ Записокъ о Московской войнѣ 1578—82 г. Онъ написалъ, что Грозный „почти совершенно истребилъ новгородское дворянство, которое онъ подозрѣвалъ въ расположеніи къ брату. Гдѣ попадались, онъ не щадилъ также простолюдиновъ, избивая ихъ массами"... [133]). Еще документальнѣе связь между новгородской измѣной и виною князя Владимира Андреевича устанавливается изъ описи сохранявшагося въ 1626 г. въ Посольскомъ приказѣ столпа, въ которомъ содержался статейный списокъ изъ сыскного измѣннаго дѣла 1570 г. — объ измѣнѣ новгородскаго архіепископа и новгородцевъ и о ихъ ссылкѣ съ Москвою о сдачѣ Новгорода и Пскова литовскому королю; „а царя и вел. кн. Ив. Вас. всея Русіи хотѣли злымъ умышленіемъ извести, а на государство посадить кн. Володимира Ондреевича" [134]).

Еще въ 1563 году царь положилъ свой гнѣвъ на кн. Владимира Андреевича и его мать. Послѣ этого княгиня Ефросинья постриглась, а у кн. Влад. Андр. были перемѣнены его

---

[130]) Д. Р. В., XIII, с. 396—7.
[131]) Россія и Италія, т. II, вып. 2 с. 245.
[132]) Чтенія 1883 г., I и II кн.
[133]) Гейденштейнъ, Записки о Московской войнѣ, с. 26.
[134]) Карамзинъ, IX, прим. 299.

бояре и слуги. Въ 1566 году царь вымѣнялъ у него его наслѣдственный удѣлъ (г. Старицу съ уѣздомъ и Верею) и далъ ему другія владѣнія [135]).

По вопросу о времени казни кн.Влад. Андр. въ источникахъ согласія нѣтъ. Въ одномъ лѣтописцѣ казнь эта датирована 7078 годомъ (т. е. между 1 сент. 1569 и 1 сент. 1570 г. [136]). Таубе и Крузе разсказываютъ, что кн. Влад. Андр. былъ вызванъ царемъ для его отравленія изъ Нижняго Новгорода, „гдѣ онъ пробылъ нѣкоторое время и узналъ, что турокъ вернулся" [137]): въ Нижнемъ Новгородѣ въ виду турецкаго похода подъ Астрахань онъ былъ согласно разрядамъ [138]) въ 1569 г., и едва ли могъ быть оттуда отозванъ ранѣе отступленія турокъ отъ Астрахани (26 сент.), т. е. ранѣе октября. Въ обиходникѣ Кирилловскаго монастыря день смерти кн. Влад. Андр. записанъ 9 октября [139]) — довольно вѣроятная дата. Наряду съ этими показаніями, на основаніи которыхъ можно датировать казнь Влад. Андр. осенью 1569 г., имѣется два показанія неправдоподобныхъ: новгородскій лѣтописецъ относитъ ее къ 6 янв. 1569 г. [140]), а Штаденъ — къ февралю—іюню 1570 г [141]).

Что касается самой казни, то короче всего о ней говоритъ Штаденъ: князя Влад. Андр. великій князь опоилъ отравой, а женщинъ велѣлъ раздѣть до нага и позорно разстрѣлять стрѣльцамъ; изъ бояръ Вл. Андр. никто не былъ оставленъ въ живыхъ [142]). Кн. Курбскій пишетъ, что кромѣ самого Вл. Андр., погибли тогда его мать („во святомъ вдовствѣ и во мнишествѣ провосіявшая"), жена („зѣло кроткая, и священныхъ писаній искусная, и пѣнія божественнаго всего навыкшая") и двое дѣтей. „И иные мнози слузи ихъ вѣрные избіенны, не токмо мужи и юноши благородные, но и жены и дѣвицы свѣтлыхъ родовъ и благородныхъ шляхецкихъ [143]). Это свидѣтельство подтверждается приблизительно записями въ синодикѣ: „Благовѣрнаго князя Владимира Андреевича съ княгинею и со дщерію" — „Благовѣрные княгини монахини Евѳросиніи, княжъ Владимировы Андреевича матери Евдокіи, да съ нею старицъ, которыя съ нею были, да двунадесяти человѣкъ [144]). Довольно обстоятельно

---

135) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 368 и 400. С. Г. Г. и Д., I, с. 526 и 529.
136) Карамзинъ, IX, прим. 277.
137) Стр. 45.
138) Д. Р. В. XIII, с. 397.
139) Сказанія кн. Курбскаго, примѣчанія — с. 324.
140) П. С. Р. Л. III, Новг. III лѣт., с. 253.
141) Штаденъ, с. 91.
142) Стр. 91.
143) Стр. 125—6.
144) Спасоприлуцкій синодикъ, с. 94 и 95; ср. кирилло-бѣлоз. синод., с. 373, 376 и 382.

описалъ эту казнь дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ (по его мнѣнію кн. Влад. Андр. отравленъ съ женою и сыномъ) [145]). Но всего подробнѣе описана эта казнь у Таубе и Крузе. Въ краткихъ словахъ ихъ разсказъ сводится къ слѣдующему. Повара, ѣздившаго изъ Александровской слободы въ Нижній Новгородъ за рыбой для государя, подговорили довѣренныя лица царя донести по возвращеніи изъ Нижняго Новгорода, будто кн. Влад. Андр. далъ ему 50 р. и ядъ для того, чтобы отравить государя, и сами вручили ему порошокъ съ отравой. Тотъ это исполнилъ. Порошокъ у него отобрали, изслѣдовали и нашли, что это дѣйствительно ядъ; повара пытали для видимости, допросили ложныхъ свидѣтелей и признали князя виновнымъ въ покушеніи на жизнь государя. Царь вызвалъ его яко бы для переговоровъ по военнымъ дѣламъ, назначивъ ему для стоянки сосѣднее съ Александровской слободой село („на Боганѣ"[146]). Князь, ничего не подозрѣвая, прибылъ съ женой, дѣтьми и своими слугами. Когда царь узналъ о прибытіи князя, онъ отправился къ нему съ большимъ отрядомъ опричниковъ. Малюта Скуратовъ и Василій Грязной были посланы впередъ сказать князю, что государь не считаетъ его болѣе братомъ, но врагомъ.

„Тотчасъ же былъ вызванъ поваръ, котораго добрый князь никогда, быть можетъ, и въ глаза не видѣлъ, и хотя все дѣло было совершенно чуждо доброму князю, онъ скоро замѣтилъ, что все это было подстроено. Тѣмъ не менѣе сталъ онъ доказывать женѣ и плачущимъ дѣтямъ свою невиновность... Супруга и дѣти бросились передъ великимъ княземъ на колѣни и стали просить пощады... и обѣщали сдѣлаться монахами и отшельниками до конца ихъ дней"...

Но ничто не отклонило великаго князя отъ принятаго имъ рѣшенія. Владимиру Андреевичу было предложено выпить кубокъ съ тѣмъ самымъ ядомъ, который онъ будто бы готовилъ для государя, и онъ вскорѣ скончался. Далѣе было покончено съ его женой, дѣтьми и боярынями и служанками, состоявшими при княгинѣ и дѣтяхъ [147]). Вѣроятно, тогда же распорядился царь о потопленіи матери князя Влад. Андр., бывшей инокиней Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, въ рѣкѣ Шекснѣ близъ Бѣлоозера. Неизвѣстно, одновременно ли по его распоряженію была утоплена въ Шекснѣ другая инокиня — Александра, вдова его брата родного Юрія [148]).

---

[145]) Онъ также, какъ и Курбскій, указываетъ, что были различными муками мучены слуги его, „женску же полу всяко наругаяся срамнѣ... дерзнути бо не смѣю нагло глаголаніемъ еже обнажити весь студъ вѣнца главы его, но вмалѣ рѣхъ въ прикровеніи словесъ" (Русск. Ист. Библ., XIII, вып. I (изд. 3-е), с. 286).

[146]) Кирилло-бѣлоз. синод., с. 382.

[147]) Т. и К., с. 45—7.

[148]) Кирилло-бѣлоз. синод., с. 373 и 376. Если „кормъ съ поставца" давался въ К.-Б. монастырѣ въ годовщину смерти матери кн. Влад. Андр., то это — 25 сент.

Осенью 1567 г. царь провелъ въ Новгородѣ недѣлю, и ничто не предвѣщало будущей расправы. По свидѣтельству новгородскаго лѣтописца, передъ отъѣздомъ царя архіепископъ Пименъ „пѣлъ молебны въ Софѣи премудрости Божіи и святилъ воду съ мощей", а государь послѣ молебновъ наказывалъ архіепископу и всѣмъ новгородцамъ молить Бога о его здравіи и о царевичѣ [149]). Весной 1569 г. появились симптомы царской немилости: 150 семей новгородцевъ и 500 семей псковичей было взято по государеву указу къ Москвѣ [150]). Затѣмъ лѣтописецъ разсказываетъ, что царь получилъ ложный доносъ на новгородскаго архіепископа и новгородцевъ, будто они собираются передаться польско-литовскому королю [151]). Между тѣмъ для суда надъ митрополитомъ Филиппомъ новгородскій архіепископъ былъ вызванъ въ Москву. Онъ выѣхалъ изъ Новгорода 31 августа и около 15 недѣль пробылъ въ Москвѣ. 4 ноября, какъ мы знаемъ, свергли митрополита Филиппа, и Пименъ въ этомъ дѣлѣ, по словамъ Курбскаго, „похлѣбовалъ мучителю и гонитель былъ вкупѣ на Филиппа митрополита" [152]). Свой гнѣвъ на архіепископа Грозный въ то время таилъ. Послѣ отъѣзда архіепископа царь созвалъ въ Александровской слободѣ всѣхъ боеспособныхъ опричниковъ и объявилъ имъ, что все новгородское духовенство и населеніе рѣшили передаться польско-литовскому королю [153]). „Къ этому безумному сообщенію", добавляютъ Таубе и Крузе, „побудили его скорѣе перстъ Божій въ наказаніе за его грѣхи или его тиранское сердце, чѣмъ какія либо обоснованныя истинныя причины [154]).

По вопросу о томъ, чѣмъ былъ вызванъ новгородскій разгромъ, проф. Платоновъ призналъ:

„Въ теченіе столѣтія, прошедшаго со времени присоединенія Новгорода къ Москвѣ, московскіе порядки въ Новгородѣ стали крѣпки настолько, что никому и никогда не приходило въ голову оправдывать разгромъ Новгорода Іоанномъ Грознымъ, какъ дѣйствительную политическую необходимость" [155]).

Если даже подозрѣвать въ „шатости" руководящіе круги новгородскіе, если даже допустить, что Грозный „въ своей злобѣ повѣрилъ" сношеніямъ новгородцевъ съ Литвою (какъ полагалъ англичанинъ Горсей, бывшій въ

---

149) П. С. Р. Л., т. III, Новг. II лѣт., с. 162.
150) Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г. , с. 129.
151) П. С. Р. Л., т. III, Новг. III лѣт., с. 254 и 255; П. С. Р. Л., т. IV, псковской лѣтописецъ, с. 343. Разсказъ о доносѣ Петра Волынца см. отрывокъ изъ лѣтописнаго сборника, Новгор. лѣтописи изд. 1879, с. 468—9.
152) Курбскій, с. 159.
153) Таубе и Крузе, с. 47.
154) Стр. 47—8.
155) Очерки по исторіи Смуты (изд. 2-е), с. 45.

Москвѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разгрома), — все же разводишь руками передъ всѣми неистовствами, учиненными Грознымъ не только въ самомъ г. Новгородѣ, и не только надъ руководящими кругами новгородскаго общества, но и надъ населеніемъ новгородскихъ пятинъ и по всей дорогѣ отъ Москвы до Великаго Новгорода. Точно также, какъ участіе въ заговорѣ противъ царя боярина Федорова-Челяднина, казненнаго за это участіе, не можетъ намъ объяснить разгрома его имѣній, съ избіеніемъ ихъ населенія, уничтоженіемъ скота и имущества.

Карательная экспедиція Грознаго, длившаяся отъ декабря 1569 г. до февраля 1570 г., довольно согласно описана новгородскою лѣтописью, Таубе и Крузе, Штаденомъ, Шлихтингомъ и кратко ея касается псковской лѣтописецъ и Курбскій [156]).

По указанію Таубе и Крузе царя сопровождало 15-ти тысячное опричное войско (цифра правдоподобная) и, по указанію лѣтописи, 1500 опричныхъ стрѣльцовъ [157]). Во главѣ войска стояли, повидимому, бояринъ Л. А. Салтыковъ (поступившій въ опричнину) и окольничій В. И. Умный Колычевъ [158]). Разгромъ начался съ первой стоянки послѣ Москвы на новгородской дорогѣ. „Гдѣ великій князь оставался на ночь, по утру тамъ все поджигалось и спаливалось“ [159]), сообщаетъ участникъ экспедиціи Штаденъ. „При всякой остановкѣ, или въ городѣ, или въ помѣстьѣ, онъ обычно выходилъ и избивалъ всѣхъ людей и скотъ, сожигалъ помѣстья и избы“ [160]), сообщаетъ Шлихтингъ. Всѣ мѣста и дороги до самаго Новгорода были заняты опричными заставами. Имъ было приказано никого не пропускать въ Новгородъ, „чтобы молва объ его прибытіи не опередила его, и онъ могъ тѣмъ легче застичь новгородцевъ не ожидавшихъ его“ [161]).

Изъ городовъ первымъ пострадалъ Клинъ. Затѣмъ очередь дошла до Твери. По свидѣтельству Таубе и Крузе, царь приказалъ „своему высшему боярину или палачу Малютѣ Скуратову“ задушить митрополита Филиппа (23 декабря), а „вслѣдъ затѣмъ приказалъ онъ ограбить до гола тверского

---

[156]) П. С. Р. Л., новг. III лѣт. с. 254—261; Т. и К., с. 48—51; Штад., с. 89—91; Шлихт., с. 27—32 и 33—34. П. С. Р. Л., IV, с. 343 и Курбскій, с. 159—160. Въ Псковскомъ лѣтописцѣ (П. С. Р. Л., IV, с. 318) содержится между прочимъ такое свидѣтельство: „Въ лѣто 7078 пріиде царь и великій князь Иванъ Васильевичъ съ опалою, опритчиною, въ Великій Новгородъ и многія люди погубилъ различными смертьми и муками, въ Твери и въ Торжку и во Псковѣ и по селомъ грабленіемъ имѣнія и пожженіемъ животовъ христіанскихъ“.

[157]) П. С. Р. Л., III, новг. III лѣт., с. 256 и 257.

[158]) Русск. Ист. Сборн., т. V, с. 297.

[159]) Стр. 89.

[160]) Стр. 28.

[161]) Ibid.

епископа, монаховъ и всѣхъ духовныхъ. Граждане и купцы, ремесленники и другіе стали надѣяться, что грабежи не распространятся дальше. Они были вполнѣ увѣрены въ этомъ въ теченіе двухъ дней, когда онъ прекратилъ убійства и грабежи, но по прошествіи этого срока приказалъ великій князь врываться въ дома и рубить на куски всю домашнюю утварь, сосуды, бочки, дорогіе товары, ленъ, сало, воскъ, шкуры, всю движимость, свезти все это въ кучу и сжечь, и ни одна дверь или окно не должны были остаться цѣлыми" [162]).

Множество жителей казнено, и перебиты всѣ плѣнные, которые въ Твери содержались (около 500 полочанъ). То же было въ крупномъ торгово-промышленномъ селѣ Мѣднѣ (Новоторжскаго уѣзда) и въ городѣ Торжкѣ. Въ первомъ, по даннымъ синодика, было погублено „псковичей съ женами и дѣтьми 190 челов., ихъ же имена Ты самъ Господи вѣси" [163]). „Въ Торжкѣ не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви" [164]). 19 знатныхъ татарскихъ плѣнниковъ было поручено перебить Малютѣ Скуратову, но они оказали сопротивленіе и ранили Малюту, послѣ чего всѣ перебиты. Затѣмъ въ Вышнемъ Волочкѣ за одинъ день остановки совершено нѣсколько казней. Весь путь отъ Москвы до Новгорода подвергся опустошенію [165]).

Одинъ изъ разсказовъ о новгородскомъ разгромѣ въ новгородской лѣтописи начинается такъ: „о приходѣ царя... како казнилъ Великій Новгородъ, еже оприщина и разгромъ именуется" [166]). 2 января передовое войско опричниковъ окружило городъ заставами, чтобы никто не выѣхалъ изъ города, и опричники приступили къ порученной имъ работѣ. Во всѣхъ монастыряхъ, расположенныхъ около Новгорода, они опечатали денежные ящики и забрали „игуменовъ и черныхъ попсвъ и діаконовъ и соборныхъ старцевъ", и всѣхъ ихъ, числомъ до 500, поставили на правежъ, до государева пріѣзда. Также они поступили съ бѣлымъ духовенствомъ новгородскихъ церквей. Кромѣ того они арестовали и многихъ именитыхъ новгородцевъ, гостей и приказныхъ людей, поручивъ приставамъ „держать ихъ крѣпко во оковахъ желѣзныхъ", а имущество ихъ опечатали „до государева пріѣзда и до указу" [167]). 6 января прибылъ царь и остановился на Городищѣ, въ 2 верстахъ отъ города. На слѣдующій день по пріѣздѣ царь приказалъ „избивати палицами на смерть" всѣхъ собранныхъ изъ монастырей, а „бивъ ихъ, повелѣ когождо во свой монастырь развозити и погребати" [168]). За-

[162]) Стр. 48.
[163]) Спасо-прилуцкій синодикъ, с. 95.
[164]) Штаденъ, с. 90.
[165]) Многочисленные слѣды опустошенія видѣлъ на этомъ пути датскій посланникъ Яковъ Ульфельдъ въ 1575 году.
[166]) П. С. Р. Л., III, Новг. III лѣт., с. 254.
[167]) Новг. III лѣт., с. 255—6.
[168]) Ibid. с. 256.

тѣмъ лѣтописецъ разсказываетъ, какъ царь отправился послѣ обѣдни обѣдать къ архіепископу[169]), какъ „сѣлъ за столъ и почалъ ѣсти и скорѣ ничтоже помедливъ возопилъ гласомъ великимъ яростію", самого владыку велѣлъ арестовать[170]), а казну его и весь домъ приказалъ своимъ опричникамъ грабить,

„а дворецкому своему Льву Андреевичу Салтыкову и протопопу Евстафію[171]) и прочимъ бояромъ своимъ повелѣ государь итти въ соборную церковь святыя Софіи и взяти ризную казну и прочія драгія освященныя вещи церковныя, и святыя корсунскія иконы[172]), ризы и колокола, и по всему Великому Новгороду и около Новгорода, по монастыремъ и по всѣмъ церквамъ, казну и иконы, и прочія драгія освященныя вещи, и колокола повелѣ такожде имати"[173]).

„Церкви и монастыри были такъ ограблены, пишутъ очевидцы Таубе и Крузе, что не осталось ни одной иконы цѣной въ полгульдена, ни колоколовъ, ни церковной утвари"[174]). При ограбленіи церквей, повидимому, царилъ безпорядокъ: ибо, какъ иначе объяснить, что опричники разломали гробъ преподобнаго Саввы, новгородскаго чудотворца?[175]).

Потомъ, пишетъ Штаденъ, начали грабить городъ[176]). Таубе и Крузе, Штаденъ и Шлихтингъ согласно свидѣтельствуютъ[177]), что при этомъ все сырье, какъ воскъ, ленъ, сало, мѣха, сжигалось или бросалось въ рѣку[178]), бархатъ, шелкъ и другіе товары отдавались опричникамъ, золото и серебро отбиралось въ казну[179]). У Штадена также читаемъ:

---

169) Ср. объ обѣдѣ у Шлихтинга, с. 29.

170) Таубе и Крузе и Шлихтингъ разсказываютъ объ издѣвательствѣ надъ архіепископомъ: Грозный велѣлъ посадить его на кобылу и дать ему гусли въ руки. Т. и К., с. 49; Шлихт., с. 30.

171) Духовникъ государевъ.

172) Въ Новг. II лѣтописи (стр. 172) имѣется извѣстіе о томъ, какъ два съ половиной года спустя царь вернулъ двѣ иконы въ соборную церковь Св. Софіи.

173) Новг. III лѣт., с. 257.

174) Стр. 49—50.

175) Новг. III лѣт., с. 262 о возобновленіи его раки и гроба въ 1571 г.; ср. Новг. II лѣт., с. 166.

176) Стр. 90.

177) Т. и К., с. 50; Штад., с. 90; Шлихт., с. 31.

178) О томъ же писалъ и Горсей (изд. Суворина, с. 25): „обдирали, грабили, расхищали все, что находили цѣннаго, . . . умерщвляли старыхъ и молодыхъ, сжигали весь ихъ домашній скарбъ, товары, кладовыя съ воскомъ, льномъ, кожами, солью, виномъ, полотнами; растопленный воскъ и сало текли ручьями по улицамъ".

179) Штаденъ между прочимъ разсказываетъ, что „было приставлено множество возчиковъ съ лошадьми и санями — свозить въ одинъ монастырь, расположенный за городомъ, все добро, всѣ сундуки и лари изъ Великаго Новгорода. Здѣсь все сваливалось въ кучу и охранялось, чтобы никто ничего не могъ унести. Все это должно было быть раздѣлено по справедливости, но этого не было". Стр. 143.

„Были снесены всѣ высокія постройки; было изсѣчено все красивое: ворота, лѣстницы, окна“ [180]).

Но кромѣ этого ограбленія и этого безсмысленнаго уничтоженія имущества и порчи всего того цѣннаго, что не могло быть совсѣмъ уничтожено, — производились ежедневно многочисленныя казни. Лѣтописецъ называетъ среди подвергавшихся казнямъ „владычнихъ бояръ и иныхъ многихъ служивыхъ дѣтей боярскихъ, и гостей и всякихъ градскихъ и приказныхъ людей, и изрядныхъ и именитыхъ торговыхъ людей, и женъ ихъ и дѣтей“ [181]). Всѣхъ ихъ доставляли на мѣсто судилища, гдѣ ихъ пытали и мучили (Грозный ежедневно при этомъ присутствовалъ), а затѣмъ убивали разными способами, чаще всего топили въ рѣкѣ [182]). Грозный пробылъ въ Новгородѣ около шести недѣль [183]). По свидѣтельству лѣтописи ежедневно топили до 1000, а то и до 1500, „а тотъ убо день благодаренъ, коего дни ввергнутъ въ воду 500 или 600 чел.“ [184]). Таубе и Крузе даютъ цифру убитыхъ — 27.000 чел. (12.000 купцовъ и служилыхъ людей и 15.000 черни), а Шлихтингъ „2770 изъ болѣе знатныхъ и богатыхъ, не считая лицъ низкопоставленныхъ и безпредѣльнаго количества черни“ [185]). Бывшій въ Россіи въ 1570 г. съ польско-литовскимъ посольствомъ итальянскій пріоръ Джеріо даетъ цифру 18.000 [186]), а псковской лѣтописецъ, повидимому, преувеличиваетъ: „глаголютъ, 60.000 мужей, женъ и дѣтей“ [187]). О большомъ числѣ погубленныхъ въ Новгородѣ можно судить и по слѣдующей записи, которая содержится въ лѣтописи: „24 сентября 1570 г. за городомъ у Рождества Христова на полѣ, всѣмъ Новымъ Городомъ, всѣми семи соборы, отпѣвали умершихъ надъ скудельницею и загребли скудельницу, а душъ въ той скудельницѣ 10 тысячъ“ [188]) — за исключеніемъ всѣхъ тѣхъ, которые были бросаемы въ рѣку, и которыхъ вода унесла. Что касается синодиковъ, тамъ нѣтъ подсчета всѣхъ погубленныхъ въ Новгородѣ, а имѣется одна только запись: „Малютинскіе ноугородскіе посылки отдѣлано скончавшихся православныхъ христіанъ тысяща четыреста девятдесятъ человѣкъ, да изъ пища-

---

[180]) Стр. 91. Въ лѣтописи: „Въ хоромахъ окна и ворота повелѣ высѣкати“, Новг. III лѣт., с. 259.

[181]) Новг. III лѣт., с. 260.

[182]) Ibid. с. 258.

[183]) Штад., 90. Лѣтописецъ пишетъ, что „неисповѣдимое колебаніе, великое паденіе и кровопролитіе“ длилось „безпрестани шесть недѣль“, Новг. III лѣт., с. 261.

[184]) Новг. III лѣт., с. 258.

[185]) Т. и К., с. 50; Шлихт., с. 29.

[186]) Цитируетъ Карамзинъ т. IX, прим. 329.

[187]) П. С. Р. Л., IV, с. 343.

[188]) Новг. II лѣт., с. 164.

лей пятнадцать человѣкъ"[189]), (а всего 1505), запись, относящаяся по всей вѣроятности, къ одному какому то эпизоду погрома[190]).

Государь изъ Новгорода разсылалъ отряды опричниковъ въ пятины, по станамъ и волостямъ и помѣстьямъ, верстъ за 200 и 250 отъ Новгорода, и они всюду грабили, уничтожали имущество и убивали[191]). Мы имѣемъ обыскъ или обслѣдованіе новгородскихъ пятинъ въ 1571 г. съ безчисленными записями о запустѣніи въ предыдущемъ 1570 г.; при этомъ, когда причина запустѣнія названа, то это обыкновенно — опричнина. Вотъ нѣсколько записей по Вотской пятинѣ (лежавшей на сѣверо-западъ отъ Новгорода, т. е. далеко въ сторонѣ отъ опустошенной московской дороги): „Иванко умеръ, дѣти безвѣстно збежали отъ опричины, опричина животъ пограбѣли, дворъ сожгли; Ѳомку опричные замучили, животъ пограбили, дѣти безвѣсно збѣжали"; „Ѳетька опричные замучили и дворъ сожгли, и зъ скотиною изъ животами"; „Михалка умеръ, дѣтей опричина замучила и животы пограбили, жена безвѣстно збежала"[192]). Эти краснорѣчивые документы сами за себя говорятъ.

---

[189]) Спасо-прилуцкій синодикъ, с. 94.

[190]) Впрочемъ, Валишевскій (Иванъ Грозный, русск. перев., с. 321) пишетъ, что, судя по Спасоприлуцкому синодику, это число — 1505 ч. — представляетъ подсчетъ однихъ именитыхъ людей. Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось провѣрить ссылокъ Валишевскаго на Толстого (Русскія Древности, СПБ. 1897, т. I и Сѣверная Пчела, 1847, № 50). Любопытно, что С. Ф. Платоновъ (вѣрившій прежде, что Грозный „совершенно опустошилъ Новгородъ, уничтоживъ въ немъ 90% жилыхъ дворовъ" — Очерки по исторіи Смуты, 2-е изд., с. 48), въ своей послѣдней книжкѣ о Грозномъ пишетъ: „В Новгороде провел он несколько недель, истязая и убивая людей сотнями, даже тысячами. Если не принимать баснословной цифры погибших 60.000, сообщаемой летописью, то неизбежно следует принять (?) показание царского синодика (поминанья), что в Новгороде было «отделано» (т. е. убито) 1505 человек" (Иван Грозный, изд. Обелиск, с. 114—5). Платоновъ почему то, игнорируя всѣ остальныя свидѣтельства, приводитъ двѣ цифры 60.000 и 1.505 и склоняется ко второй, совершенно неправдоподобной, хотя бы послѣ его собственныхъ словъ, что Грозный въ теченіе нѣсколькихъ недѣль убивалъ людей „сотнями, даже тысячами".

[191]) Новг. III лѣт., с. 259 и 261. Т. и К., с. 50: „опустошивъ городъ и близлежащія окрестности болѣе, чѣмъ на 150 нѣмецкихъ миль кругомъ".

[192]) Самоквасовъ. Архивный Матеріалъ, II, ч. II, с. 59 и слѣд. Или по Шелонской пятинѣ (на западъ отъ Новгорода): „А запустѣли въ 78 году (= 1570) отъ опричныхъ грабежу". (Самоквасовъ, op. cit., с. 338). Привожу изъ того же изданія еще нѣсколько записей по Вотской пятинѣ (цитирую по Сборнику документовъ „Феодальная деревня Московскаго государства", подготовленныхъ къ печати Б. Д. Грековымъ, с. 56—58): „В деревни в Кюлакши лук пуст Игнатка Лутьянова, Игнатко запустил 78-го от опритчины, опритчина живот пограбели, а скотину засекли, а сам умер, дети

Примѣчательно, что опричники не только грабятъ и убиваютъ, но и уничтожаютъ имущество, какъ будто дѣйствуютъ въ странѣ чужой, непріятельской (см. разрядку въ текстѣ и въ подстрочномъ примѣчаніи [193]).

Лѣтописецъ разсказываетъ, что Грозный передъ своимъ отъѣздомъ изъ Новгорода, 13 февраля, приказалъ поставить передъ собой оставшихся новгородскихъ жителей, „изо всякой улицы по лучшему человѣку".

„Они же сташа предъ царемъ съ трепетомъ, дряхлы и уныли, отчаявшеся живота своего, и стояху яко мертвы, видяще неукротимую ярость цареву". „И благочестивый и христолюбивый государь... воззрѣвъ на нихъ милостивымъ и кроткимъ окомъ" сказалъ имъ: Вы, оставшіеся въ живыхъ жители Новгорода, молите Бога „о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ", чтобы Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ нашихъ; не скорбите о произшедшемъ, но „живите въ градѣ семъ благодарно" [194]).

Однако ужасъ, обуявшій новгородцевъ, улегся не скоро. Одинъ случай, разсказанный лѣтописью, объ этомъ свидѣтельствуетъ. Въ маѣ 1571 г., болѣе года спустя, однажды послѣ обѣдни зазвонили на колокольнѣ. Это вызвало панику:

„побѣжали люди, весь народъ, мужи и жены, отъ церкви, по всѣмъ странамъ, и другъ на друга металися, невидимымъ страхомъ Божіимъ гонимы... въ то время купцы пометаху лавки своя не запирающе"... [195]).

Опустошивъ Новгородъ, Грозный послалъ отрядъ въ 500 конныхъ опричниковъ погромить Нарву.

„Онъ приказалъ, по словамъ Штадена, забирать у русскихъ и

безвестно збежали... В той же деревни лук пуст Еремка Офоносова, Еремко запустил 78-го от опритчины, опричники живот пограбили, а самого убели... В деревни в Пироли... лук пуст Матфика Пахомова, Матфика оприщные убели, а скотину присекли, живот пограбели, а дети его збежали безвесно; запустил 78-го. В той же деревни лук пуст Фетька Киредова, Фетька опричные замучили и двор сожгли и з скотиною и з животами; запустил 78-го; отроду не осталось... В деревни Тенголи... лук пуст Федотка Ускалева, Федотка оприщные в Горотки на правежи держали, там умер, животы и коне пограбели, запустил 78-го"... и т. д.

[193]) Подъ перомъ изслѣдователя, пишущаго въ Совѣтской Россіи, новгородскій погромъ превращается въ „правежъ казны по новгородскимъ монастырямъ и конфискацію церковныхъ имуществъ на военныя нужды, въ виду неудачъ на ревельскомъ фронтѣ". Поэтому для него это не дѣйствительный, а „такъ называемый новгородскій погромъ" (И. И. Полосинъ, вступительная статья къ русскому изданію Штадена, с. 46 и 39). При этомъ совершенно невѣрно, будто новгородскій погромъ происходилъ „во время ревельской осады", а тѣмъ менѣе „въ виду неудачъ на ревельскомъ фронтѣ": окончившаяся неудачей осада Ревеля началась полъ года спустя послѣ погрома.

[194]) Новг. III лѣт., с. 259—260 и 261—2. Новгородскій погромъ хорошо разсказанъ у Костомарова, Русск. ист. т. I, вып. 2, с. 486—9, также у Валишевскаго, op. cit. с. 319—322.

[195]) Новг. II лѣт.„ с. 166 и Новг. III лѣт., с. 262.

уничтожать все ихъ имущество; и многое было брошено въ воду, а многое сожжено" [196]).

Но Шлихтингъ пишетъ объ этомъ болѣе правдоподобно: Тиранъ послалъ 500 всадниковъ въ Нарву,

„такъ какъ туда новгородцы ранѣе отвезли свои товары, и приказалъ черезъ бирючей объявить повсюду, чтобы никто не смѣшивалъ своихъ товаровъ съ новгородскими. Лишь только это было исполнено, онъ повелѣлъ всѣ (товары новгородскіе) предать огню" [197]).

Самъ Грозный изъ Новгорода направился въ Псковъ. Дѣйствія Грознаго въ Псковѣ согласно разсказаны псковскимъ лѣтописцемъ и Шлихтингомъ. По словамъ лѣтописца, псковской воевода кн. Ю. Токмаковъ, для того, чтобы переложить сердце царево на милость отъ ярости, приказалъ гражданамъ ставить передъ своими домами столы съ хлѣбомъ и солью. И когда государь въѣхалъ въ городъ,

„удивися веледушію гражданъ и любви, еже къ нему показаша, стояще вси койждо предъ домомъ своимъ со женами и дѣтьми, изнесше хлѣбъ и соль предъ враты и падше поклонишася царю" [198]).

„Тиранъ, побѣжденный ихъ униженіемъ и покорностью, пощадилъ, правда, ихъ жизнь, но разграбилъ все же имущество ихъ, т. е. золото и серебро. Всю же ярость и жестокость онъ обратилъ противъ монаховъ, ... [199]) а храмы были опустошены и всѣ колокола уничтожены" [200]).

Лѣтописецъ, Штаденъ, Таубе и Крузе (а также Горсей и Флетчеръ) передаютъ извѣстный разсказъ о Николѣ юродивомъ, который своимъ дерзостнымъ словомъ („ужасными словесы") отвратилъ царя отъ дальнѣйшаго грабежа. Вернувшись въ Александровскую слободу, Грозный велѣлъ построить каменную церковь и наполнилъ ее всѣмъ награбленнымъ церковнымъ добромъ [201]).

Записки опричника Штадена, участника новгородской карательной экспедиціи, рисуютъ картину необычайной разнузданности въ рядахъ царскихъ опричниковъ. Занимаясь узаконеннымъ грабежомъ, они утратили дисциплину и превратились въ банды грабителей. Въ своей автобіографіи Штаденъ разсказываетъ, какъ онъ, недовольный дѣлежомъ

---

[196]) Стр. 91.

[197]) Стр. 31. О сожженіи награбленнаго въ Нарвѣ слышалъ и Курбскій, с. 161 (но онъ говоритъ объ Ивангородѣ).

[198]) П. С. Р. Л., IV, с. 343.

[199]) Къ этому времени, повидимому, относятся казни, упомянутыя въ синодикѣ (и у Курбскаго), игумена Печерскаго монастыря Корнилія, который „со всѣмъ освященнымъ соборомъ" встрѣчалъ царя при его въѣздѣ во Псковъ, и ученика его Васіана Муромцева, Синод. Спасоприл. м-ря, с. 97, Курбскій, с. 160—1; П. С. Р. Л., IV, с. 343—4. Одинъ изъ краткихъ лѣтописцевъ, цитированный Карамзинымъ (т. IX, прим. 485) датируетъ казнь Корнилія („земнымъ царемъ посланъ къ небесному царю") 20-мъ февраля 1570 г.

[200]) Шлихтингъ, с. 32.

[201]) Таубе и Крузе, с. 51; Штаденъ, с. 91 и 67.

добычи, собранной въ Новгородѣ, рѣшилъ больше за великимъ княземъ не ѣздить [202]).Онъ составилъ себѣ собственный отрядъ изъ „всякаго рода слугъ", разутыхъ и раздѣтыхъ, которыхъ онъ одѣлъ, — съ ними онъ началъ „ свои собственные походы", въ погонѣ за деньгами, добрыми лошадьми и всякимъ добромъ. Штаденъ очень картинно описываетъ свои похожденія. Видя, что земскіе начинаютъ организовывать оборону противъ опричниковъ, Штаденъ вернулся домой.

„Когда я выѣхалъ съ великимъ княземъ, у меня была одна лошадь, вернулся же я съ 49-ю, изъ нихъ 22 были запряжены въ сани, полные всякаго добра" [203]). „Опричники, пишетъ Штаденъ, обшарили всю страну, всѣ города и деревни въ земщинѣ, на что великій князь не давалъ имъ своего согласія. Они сами составляли себѣ наказы; (говорили) будто бы великій князь указалъ убить того или другого изъ знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, — убить вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, а деньги и добро забрать въ казну великаго князя. Тутъ начались многочисленныя душегубства и убійства въ земщинѣ. И описать того невозможно! Кто не хотѣлъ убивать, тѣ ночью приходили туда, гдѣ можно было предполагать деньги, хватали людей и мучили ихъ долго и жестоко, пока не получали всей ихъ наличности и всего, что приходилось имъ по вкусу" [204]).

Еще Штаденъ разсказываетъ, что

„многіе отправились изъ опричнины на остзейское поморье съ подложными наказами, принялись переписывать по посадамъ всѣхъ богатыхъ купцовъ и дочерей какъ богатыхъ купцовъ, такъ и крестьянъ, будто бы великій князь требовалъ ихъ на Москву. Если какой крестьянинъ или купецъ давалъ денегъ, дочь его выключалась изъ списка... Такъ заполучали они деньги" [205]).

Мы имѣемъ возможность привести еще одинъ примѣръ наступившей анархіи. Сохранилась грамота земскихъ бояръ (отъ конца января), которую они писали государю въ Новгородъ изъ Москвы, въ отвѣтъ на его письмо съ опалою, что не пишутъ ему о земскихъ дѣлахъ. Они объясняли, что писали ему донесеніе съ сыномъ боярскимъ Боланинымъ, но онъ вернулся съ дороги и разсказалъ, что за Тверью напали на него опричные люди, ограбили его, подорожную разодрали и подводы отняли, и что они 20 января отправили новаго посланца [206]). Именемъ всесильной опричнины, которой всѣ русскіе люди должны покоряться безпрекословно, началъ пользоваться и непріятель на фронтѣ. Отрядъ въ 800 поляковъ, переодѣтыхъ опричниками, въ

---

202) Стр. 143.
203) Стр. 145, ср. стр. 140.
204) Стр. 95—6.
205) Стр. 95.
206) Савва, О посольскомъ приказѣ, стр. 101 (со ссылкой на Польскія дѣла 1570 г. № 1, Арх. Мин. Ин. Д.).

сопровожденіи трехъ русскихъ служилыхъ людей, отъѣхавшихъ къ польско-литовскому королю, подошелъ къ русскому городу Изборску, и ворота передъ ними тотчасъ открылись. Такъ поляки заняли Изборскъ[207]). Выдавая себя за опричниковъ, многіе люди стали шайками рыскать по русской землѣ и грабить мирное населеніе[208]).

Гдѣ то здѣсь, около этого времени, происходитъ перемѣна въ настроеніи Грознаго[209]): онъ не такъ довѣряетъ, какъ раньше, опричникамъ, онъ не такъ, какъ раньше, преслѣдуетъ земскихъ[210]). Можетъ быть Грозный увидѣлъ, что опричнина вырождается въ банду разбойниковъ, что дисциплина утрачена, страна наканунѣ анархіи. Принципъ полнаго разобщенія между земщиной и опричниной понемногу начинаетъ стираться. Главные опричники перваго, такъ сказать, призыва, самые злостные, сходятъ понемногу со сцены („Потомъ всѣ князья и бояре, которые сидѣли въ опричныхъ дворахъ, были прогнаны“[211]), и верхи опричнаго двора пополняются новыми лицами — изъ первостепенной знати. Таковы кн. Ф. М. Трубецкой, братья кн. П. Д. и С. Д. Пронскіе, кн. Н. Р. Одоевскій, кн. И. А. Шуйскій, кн. А. П. Хованскій, кн. В. И. Барбашинъ (изъ рода Шуйскихъ князей), и тоже достаточно знатные Н. В. Борисовъ-Бороздинъ и кн. О. М. и Д. М. Щербатовы. Всѣ эти лица, кромѣ кн. И. А.Шуйскаго[212]), были приняты въ опричнину къ осени 1570 года[213]).

Первые признаки новаго курса я усматриваю послѣ пріѣзда царя въ Москву изъ Александровской слободы 4 мая 1570 г. Здѣсь его ожидало посольство шведское, посольство польско-литовское, а затѣмъ прибылъ датскій принцъ Магнусъ съ многочисленной свитой. 7 мая государь принималъ польско-литовскихъ пословъ въ кремлевскомъ дворцѣ. А послѣ пріема „у государя были бояре кн. Ив. Бѣльскій (земскій), а у кн. Ивана сидѣлъ кн. Михайло Темрюковичъ (Черкасскій, опричный), а у кн. М. Т. сидѣлъ кн. Мих. Ив. Воротынскій (земскій), а у кн. Мих. — Мих. Як. Морозовъ (зем-

---

207) Штад., 94. Это произошло въ янв. 1569 г. „Литва взяша Изборескъ оманомъ, впрошалися опритчиною“, П. С. Р. Р. Л., IV, с. 318.

208) Штад., 94.

209) О томъ, что реакція противъ опричнины началась въ 1570 г., я писалъ въ статьѣ „Къ пересмотру вопроса объ опричнинѣ, I“ (Зап. Р. Н. Инст., вып. 5).

210) Любопытно, что одинъ изъ нашихъ старинныхъ историковъ, Н. А. Полевой, почувствовалъ и отмѣтилъ переломъ въ настроеніи Грознаго въ 1570 г. (Исторія русскаго народа).

211) Штаденъ, с. 145.

212) Его принадлежность къ опричнымъ кругамъ вообще остается неясной.

213) Д. Р. В., XIII, с. 412—3.

скій), а у Михайла сидѣлъ П. В. Зайцовъ" (опричный)[214]). Такой совмѣстный обѣдъ земскихъ и опричныхъ бояръ, вперемежку сидящихъ, не былъ возможенъ въ предыдущіе годы опричнины. Далѣе съ послами пришлось вести переговоры о рубежахъ. „А приказалъ государь о тѣхъ рубежѣхъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины"[215]). У приговора были со стороны земщины: бояре кн. Бѣльскій, кн. Мстиславскій, И. В. Шереметевъ Большой, М. Я. Морозовъ, Никита Романовичъ, казначей Никита Фуниковъ, печатникъ И. М. Висковатый и дьяки Андрей да Василій Щелкаловы; а изъ опричнины: кн. М. Т. Черкасскій, бояре кн. В. И. Темкинъ-Ростовскій, Ив. Як. Чеботовъ, Ф. И. Умнаго-Колычевъ и окольничій В. И. Умнаго-Колычевъ, „да дворяне, которые живутъ у государя съ бояры: Ив. Фед. Воронцовъ, П. В. Зайцовъ, Иванъ Семеновичъ (Черемисиновъ), Вас. Григ. Грязной, Малюта Лукьян. Бѣльскій"[216]). Дальнѣйшіе переговоры съ польско-литовскими послами было поручено вести двумъ земскимъ боярамъ М. Я. Морозову и Н. Р. Юрьеву и двумъ земскимъ приказнымъ — печатнику И. М. Висковатому и дьяку Андрею Васильеву. Въ іюнѣ они ходили совѣтоваться по одному вопросу „ко всѣмъ боярамъ" (или „къ боярамъ обоимъ"). „И бояре кн. Бѣльскій, да кн. Мстиславскій, да кн. Воротынскій, да всѣ бояре, да изъ опришнины бояре, кн. В. И. Темкинъ съ товарищи, туго жъ были" и вынесли приговоръ.

Одновременно, въ маѣ, ждутъ прихода крымскихъ людей. Противъ нихъ посылаются и земскія и опричныя силы, и вотъ впервые имъ предписывается, въ случаѣ надобности, дѣйствовать вмѣстѣ. „А гдѣ случится воеводѣ кн. И. П. Шуйскому съ товарищи сойтися съ опричнинными воеводами, и сшедшися быти по полкомъ, большому полку въ большомъ полку, передовому полку въ передовомъ полку, сторожевому полку въ сторожевомъ полку, а люди съ ними по ихъ спискамъ"[217]). Точно также совмѣстно предлагалось дѣйствовать земскимъ и опричнымъ ратямъ въ сентябрѣ этого года, когда вновь ждутъ прихода крымскихъ людей:

„бояромъ (земскимъ) промышляти государевымъ дѣломъ у берега, а сниматись съ воеводами съ опришнинными, съ кн. Ф. М. Трубецкимъ съ товарищи, а быти по полкомъ по росписи, большому полку въ большомъ полку, правой рукѣ и передовому полку и сторожевому полку и лѣвой рукѣ потомужъ... А которому будетъ воеводѣ въ которомъ полку быти не вмѣститься, и тѣмъ воеводамъ быти для государева дѣла безмѣстно"[218]).

---

[214]) Сб. И. Р. И. О., т. 71, с. 638—9.
[215]) Ibid., с. 665.
[216]) Ibid., с. 666.
[217]) Д. Р. В., XIII, с. 400; ср. ibid. с. 401.
[218]) Д. Р. В., XIII, с. 403—4 и далѣе с. 415.

И еще одинъ случай совмѣстныхъ дѣйствій земскихъ и опричныхъ властей въ это же время. Царь послалъ войско для занятія Ревеля. Земскимъ корпусомъ командовалъ бояринъ Иванъ (Хиронъ) Петр. Яковля, опричнымъ — окольничій Вас. Ив. Умнаго-Колычевъ. Воеводы были въ сентябрѣ (1570) въ Новгородѣ проѣздомъ. Новгородская лѣтопись отмѣчаетъ, гдѣ остановился земскій и гдѣ „оприщной" бояринъ, и добавляетъ: „а Василей Умной всегда ѣздилъ изутра ко Ивану Петровичу" [219]).

Кстати, любопытенъ княжескій и высоко родословный составъ опричныхъ воеводъ этого времени (сент. 1570 г.); такой высоко квалифицированный составъ не всегда можно встрѣтить въ разрядахъ изъ времени до учрежденія опричнины. Вотъ этотъ составъ. Въ большомъ полку кн. М. Т. Черкасскій и кн. А. П. Хованскій; въ передовомъ полку кн. В. И. Барбашинъ и Н. В. Борисовъ-Бороздинъ; въ сторожевомъ полку кн. В. И. Телятевскій и кн. Д. М. Щербатовъ; въ Калугѣ кн. Ф. М.Трубецкой и кн. В. А. Сицкій; на Сенькиномъ мыту кн. С. Д. Пронскій и Д. А. Бутурлинъ. Изъ 14 воеводъ имѣется 12 родословныхъ князей и 2 представителя нетитулованной знати.

Начатые въ маѣ переговоры съ польско-литовскимъ посольствомъ затянулись до 24 іюня, и все это время въ переговорахъ самое дѣятельное участіе принималъ печатникъ И. М. Висковатый [220]), который будетъ казненъ въ іюлѣ по дѣлу о новгородской измѣнѣ. Обстановка, въ которой приходилось дѣйствовать польско-литовскимъ посламъ, была не очень пріятной. Королевскому дворянину и секретарю посольства Андрею Хоружему государевъ опричникъ Булатъ Д. Арцыбушевъ вырвалъ полъ бороды [221]). По разсказу монсиньора Джеріо, участвовавшаго въ посольствѣ, царь „взялъ соболью шапку одного изъ нашихъ дворянъ, надѣлъ ее на своего шута и сказалъ ему: кланяйся по польски! Шутъ отвѣчалъ, что не умѣетъ. Тогда царь сталъ учить его, самъ кланялся и смѣялся" [222]). Послы выѣхали изъ Москвы 3 іюля, а 12-го имъ въ догонку была послана грамота — отъ тѣхъ же Морозова, Юрьева, Висковатаго и Васильева (а казнь Висковатаго и Васильева состоялась 25 іюля).

Шведскихъ пословъ 11 іюня принимали земскіе бояре

---

[219]) Новг. II лѣт., с. 164.

[220]) Сборн. Имп. Р. Ист. Об. т. 71, passim.

[221]) Россія и Италія, т. II, вып. 2, с. 245. Московскіе послы, отправленные въ слѣдующемъ году въ Литву, должны были признать, что „царскаго величества приказный человѣкъ... хватилъ невѣжливо" А. Хоружаго. Сб. т. 71, с. 786.

[222]) Цитир. Карамзинъ, IX, прим. 329.

вмѣстѣ съ Висковатымъ и казначеемъ Никитой Аѳан. Фуниковымъ, тоже 25 іюля казненнымъ[223]).

Тогда же, въ іюнѣ, состоялся милостивый пріемъ принца датскаго Магнуса, которому царь предложилъ королевскую власть въ Ливоніи подъ его верховнымъ покровительствомъ. На прощаніе царь ему говорилъ о своемъ германскомъ происхожденіи и преклоненіи предъ всѣмъ нѣмецкимъ (и еще, будто бы, о своемъ желаніи видѣть его, Магнуса своимъ наслѣдникомъ?); говорилъ также о своихъ невѣрныхъ подданныхъ и о томъ, что онъ будетъ продолжать борьбу противъ нихъ до полнаго ихъ подавленія[224]).

Царь ждалъ отъѣзда посольства и Магнуса, чтобы расправиться съ нѣкоторыми жертвами по дѣлу о новгородской измѣнѣ. Владыку новгородскаго Пимена и нѣсколько опальныхъ новгородцевъ онъ привезъ съ собою изъ Новгорода; владыку сослалъ въ Веневъ въ монастырь[225]), а прочихъ держалъ въ заточеніи. По тому же дѣлу произведенъ былъ рядъ арестовъ въ Москвѣ, главнымъ образомъ среди московскихъ дѣльцовъ, дѣятелей московскихъ приказовъ. Висковатый и Фуниковъ (женатый на сестрѣ кн. Аѳ. Вяземскаго) были очень крупными дѣятелями (первый печатникомъ, т. е. государственнымъ канцлеромъ, второй казначеемъ, т. е. министромъ финансовъ), которыхъ царь до этого времени очень цѣнилъ[226]). Кромѣ нихъ арестованъ былъ бояринъ Сем. Вас. Яковля (троюродный братъ царицы Анастасіи Романовны) и дьяки Андрей Васильевъ, Василій Степановъ, Ив. Булгаковъ, Григорій Шапкинъ, Козьма Румянцевъ — все важные московскіе дьяки, сидѣвшіе по приказамъ[227]). Еще удивительнѣе, что по тому же дѣлу арестованы были главные сподвижники царя по опричнинѣ — кн. Аѳ. Вяземскій, бояринъ А. Д. Басмановъ и сынъ его крав-

---

[223]) Сборн. И. Р. И. О., т. 129, с. 189—190.

[224]) Ю. А. Щербачевъ. Копенгагенскіе акты, вып. II, № 182, с. 32. (Чтенія 1916 г., II) и F. Epstein, Heinrich von Staden, s. 180, Anm. 3.

[225]) Онъ тамъ скончался въ слѣдующемъ году (Новг. II лѣт., с. 167).

[226]) По словамъ Т. и К. (с. 51), Грозный особенно любилъ Висковатаго. Составитель ливонской хроники Рюссовъ пишетъ, что „его уму и искусству очень удивлялись иностранные послы" (цитир. Випперъ, Иванъ Грозный, с. 75).

[227]) Андрей Васильевъ (думный дьякъ) въ Посольскомъ приказѣ, Василій Степановъ въ Помѣстномъ приказѣ, Иванъ Булгаковъ въ Большомъ приходѣ, Григорій Шапкинъ въ Разбойномъ приказѣ. Андрей Васильевъ пользовался большимъ довѣріемъ у государя: ему (вмѣстѣ съ дьякомъ Путилой Михайловымъ) царь поручилъ прочесть свою грамоту къ народу послѣ своего отъѣзда изъ Москвы въ декабрѣ 1564 года (П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 392); его, наряду съ Бѣльскимъ, Мстиславскимъ и Висковатымъ, царь пожелалъ видѣть въ январѣ 1565 года изъ числа бояръ и приказныхъ людей (Т. и К., с. 32).

чій Федоръ Басмановъ. Этихъ послѣднихъ царь выдѣлилъ, чтобы не подвергать ихъ всенародной казни наряду съ остальными, а ликвидировать тайно. У Басмановыхъ (какъ, впрочемъ, и у всѣхъ остальныхъ обвиненныхъ) царь конфисковалъ имущество и сослалъ ихъ на Бѣлоозеро, гдѣ сынъ по приказу царя зарѣзалъ отца, а затѣмъ самъ былъ убитъ [228]). Кн. Аѳ. Вяземскаго царь подвергъ ужаснымъ преслѣдованіямъ и всячески у него выколачивалъ деньги [229]), послѣ чего сослалъ, и тотъ умеръ въ оковахъ [230]).

Кромѣ Басмановыхъ и Вяземскаго, всѣхъ обвиненныхъ по этому дѣлу, всего до 300 чел., было предположено казнить публично въ Москвѣ. Казнь состоялась 25 іюля 1570 г. Шлихтингъ при этой казни присутствовалъ и описалъ ее наиболѣе подробно [231]). Въ Китаѣ-городѣ на площади [232]) дѣлались приготовленія: ставили висѣлицы, развели костеръ, повѣсили надъ нимъ большой чанъ съ водою. Видя эти приготовленія, устрашенное населеніе начало прятаться. Когда все было готово, явился царь въ полномъ вооруженіи, въ сопровожденіи придворныхъ и отрядовъ опричниковъ. Опричники оцѣпили всю мѣстность. Видя пустую площадь, царь разослалъ опричниковъ сгонять попрятавшійся народъ. Затѣмъ привели около 300 осужденныхъ. Они имѣли измученный видъ; у нѣкоторыхъ во время пытокъ были переломаны ноги или руки. Царь, видя, что народъ оробѣлъ и отворачивается, — разъѣзжая верхомъ, увѣщеваетъ его не бояться и подойти ближе. Толпа приближается, кое кто залѣзаетъ на крыши домовъ. Царь обращается къ черни съ вопросомъ, правильно ли онъ дѣлаетъ, что караетъ измѣн-

---

[228]) Курбскій, с. 145 и 189. Штаденъ, с. 96. Карамзинъ, IX, прим. 307, ссылка на рукоп. Синод. Библ. Родичи Басмановыхъ впослѣдствіи признавали, что „Алексѣя Даниловича и сына его Ѳеодора не стало въ опалѣ на Бѣлоозерѣ" (Федотовъ-Чеховскій. Акты гражданской расправы т. I № 94, с. 266). П. А. Садиковъ не совсѣмъ правильно понялъ эти слова: будто родичи отрицали насильственную смерть Басмановыхъ. (Царь и опричник въ сборникѣ Века, I, с. 48). Грозный затѣмъ позаботился о судьбѣ двухъ сыновей Федора Басманова, велѣлъ ихъ отдать на воспитаніе боярину кн. А. В. Сицкому, который приходился вдовѣ Ф. Басманова братомъ (Федотовъ Чеховскій, loc. cit.). Ихъ впослѣдствіи выдвинулъ царь Борисъ Годуновъ.

[229]) Судя по обстоятельному описанію Шлихтинга, который лично хорошо зналъ кн. Вяземскаго.

[230]) Шлихт., с. 32—3; Штад., с. 96.

[231]) Шлихт., с. 45—9 и 41—2; Штад., с .91—2; Т. и К., 51. По Шлихтингу этой казни предшествовало убійство Третьяка Висковатаго (брата печатника) и его жены; въ кирилло-бѣлозерскомъ синодикѣ ихъ имена на с. 385.

[232]) „Идѣже нынѣ стоятъ храмы по рву, на костехъ казненныхъ и убіенныхъ и на крови поставлены" — изъ лѣтописца, который цитируетъ Карамзинъ въ 309 прим. IX тома.

никовъ. Народъ восклицаетъ: „Живи преблагій царь! Ты хорошо дѣлаешь, что наказуешь измѣнниковъ по дѣламъ ихъ". Обращаясь къ земскимъ боярамъ, стоявшимъ поодаль, царь заявляетъ, что 184 осужденнымъ даруетъ жизнь: изъ нихъ одни были назначены въ ссылку, другіе отданы на поруки, третьи освобождены отъ всякаго наказанія (среди послѣднихъ былъ бояринъ С. В. Яковля [233]) и дьякъ Андрей Васильевъ). Послѣ этого дьякъ Василій Щелкаловъ началъ вычитывать вины остальныхъ 116 чел. осужденныхъ, начиная съ печатника Висковатаго, котораго вывели къ висѣлицѣ. Онъ обвинялся въ тайныхъ сношеніяхъ съ королемъ польско-литовскимъ, султаномъ турецкимъ и ханомъ крымскимъ. Его увѣщевали сознаться въ измѣнѣ, но онъ, обращаясь къ царю, заявилъ, что не знаетъ никакой вины за собой, что онъ всегда вѣрно служилъ ему, и что Богъ ихъ разсудитъ въ будущемъ мірѣ. По знаку царя его привязываютъ къ столбу и приступаютъ къ казни. Малюта Скуратовъ соскакиваетъ съ коня, подбѣгаетъ къ нему и отрѣзаетъ ему носъ. По примѣру Малюты другіе отрѣзаютъ Висковатому ту или иную часть тѣла, пока онъ не умеръ [234]). Фуниковъ, котораго выводятъ вторымъ, тоже не признаетъ никакой вины за собой. Его обливаютъ поочередно холодной и кипящей водой до тѣхъ поръ ,пока онъ не умеръ [235]). Дьяка Г. Шапкина выводятъ съ женой и двумя сыновьями [236]). Опричный бояринъ кн. В. И. Темкинъ-Ростовскій соскакиваетъ съ коня, отрубаетъ имъ головы и тащитъ тѣла къ государю. И далѣе, въ теченіе 2—3 часовъ опричники-палачи вѣшали, рубили, кололи, обливали кипяткомъ осужденныхъ [237]). Одного изъ нихъ умертвилъ царь своею рукою, задавъ ему 16 ударовъ копьемъ. Для каждаго былъ назначенъ различный родъ смерти [238]).

Въ слѣдующіе дни были произведены казни 9 сыновей и около 80 женъ и дочерей тѣхъ, кого казнили 25 іюля.

Въ синодикъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря казненные въ Москвѣ въ эти дни записаны кряду. Я имѣю въ ви-

---

233) По указанію Курбскаго, онъ былъ однако казненъ (вмѣстѣ съ сыномъ) — очевидно, позднѣе (если только это указаніе Курбскаго вѣрно; въ послѣдній разъ С. В. Яковля упоминается, кажется, въ мартѣ 1571 г.).

234) Опускаю нѣкоторыя неудобныя для передачи подробности. Тотъ же родъ казни Висковатаго указываетъ Штаденъ.

235) По Штадену его тоже „сварили живьемъ".

236) Въ кир.-бѣлоз. синодикѣ: „Григорія („Шапкинъ") зженою и здочерью и здвема сыны" (с. 387).

237) Дьяка Ив. Булгакова съ женою обезглавилъ, по свидѣтельству Шлихтинга, бояринъ И. П. Яковля: И. П. Яковля былъ земскимъ бояриномъ, а опричнымъ бояриномъ былъ его братъ Вас. Петр. Можетъ быть Шлихтингъ ошибся?

238) Таубе и Крузе, с. 51.

ду запись именъ, начиная съ Никиты Фуникова, Ивана Висковатаго, (дьяка) Василія Стефанова съ женою и двумя сыновьями, (дьяка) Ивана (Булгакова) съ женою и дочерью, (дьяка) Григорія Шапкина съ женою, дочерью и двумя сыновьями, (дьяка) Козьмы Румянцева, какого то Богдана, кн. Андрея Тулупова (новгородца), Неудачи Цыплетева (новгородца [239]) и т. д., всего около 170 именъ, вплоть до имени Алексѣя Басманова.

Выше упоминалось, что въ XVII в. въ Посольскомъ приказѣ хранился „ статейный списокъ изъ сыскного измѣннаго дѣла 78 г.“ (1570) о томъ, какъ новгородцы, съ владыкой Пименомъ во главѣ, ссылались

„къ Москвѣ съ бояры, съ А. Басмановымъ и съ сыномъ его Ѳедоромъ, и съ казначеемъ съ Н. Фуниковымъ, и съ печатникомъ съ И. М. Висковатаго, и съ С. В. Яковля, да съ дьякомъ съ В. Степановымъ, да съ А. Васильевымъ, да со кн. Аѳ. Вяземскимъ о сдачѣ Великаго Новгорода и Пскова... литовскому королю; а царя и в. кн. Ив. Вас. всея Русіи хотѣли злымъ умышленіемъ извести, а на государство посадить кн. Володимера Андреевича“...

Самъ статейный списокъ до насъ не дошелъ и извѣстенъ только изъ описи 1626 г. [240]).

Въ обстоятельствахъ этой мнимой измѣны (какъ замѣтилъ еще Карамзинъ) много невѣроятнаго. Во первыхъ, Грозный не упоминалъ этого дѣла въ сношеніяхъ съ правительствомъ короля Сигизмунда, ни въ перепискѣ съ Курбскимъ. Во вторыхъ, если Пименъ, Фуниковъ, Висковатый, Басмановы, Вяземскій сажали на царскій престолъ Владимира Андреевича, для чего было имъ отдавать Новгородъ Сигизмунду? „И могъ ли бы царь оставить Псковъ безъ наказанія, если бы сей мнимый заговоръ былъ доказанъ?“ Вѣроятно, это дѣло о сношеніи чиновъ московскаго правительства съ новгородскими „измѣнниками“ выросло на почвѣ какихъ то доносовъ, и можетъ быть это были доносы о встрѣчахъ и разговорахъ между Висковатымъ и Фуниковымъ съ одной стороны, Вяземскимъ и Басмановыми съ другой и владыкой Пименомъ съ третьей (во время его долгаго пребыванія въ Москвѣ въ 1569 году). Самый фактъ свиданій между этими лицами долженъ былъ зародить сомнѣнія въ разстроенномъ воображеніи подозрительнаго царя.

---

[239]) Курбскій, говоря о новгородскомъ погромѣ, упоминаетъ объ убійствѣ Грознымъ въ связи съ этимъ погоромомъ кн. Андрея Тулупова, „мужа кротка и благонравна, въ довольныхъ лѣтѣхъ“, а также Цыплетева, нареченнаго Неудачи „со женою и со дѣтками погубленъ, такожъ былъ благонравенъ и искусенъ и богатъ зѣло; а были тые даны на послуженіе великія церкви Софіи“... (с. 159—160). Въ синодикѣ упомянуты: Марія, Неудачина жена Цыплетева, и рядомъ нѣсколько именъ, которыя могутъ быть именами ея дѣтей; также Никита Цыплетевъ.

[240]) Карамзинъ, IX, прим. 299.

Повидимому, тогда же, въ связи съ „измѣной" боярина А. Д. Басманова-Плещѣева и его сына кравчаго Федора, были казнены ихъ родственники, опричный бояринъ Зах. Ив. Очинъ-Плещѣевъ и его братъ Иванъ [241]).

Около того же времени, но внѣ связи съ дѣломъ о новгородской измѣнѣ, Грозный убилъ земскаго боярина, славнаго воеводу, кн. П. С. Серебрянаго-Оболенскаго, своего сподвижника изъ временъ „избранной рады". Тогда же было перебито много плѣнныхъ поляковъ въ Москвѣ [242]).

Затѣмъ, среди казненныхъ зимою 1570—1 г. стоитъ назвать знатнаго опричнаго думнаго дворянина [243]) Ив. Фед. Воронцова [244]) и боярина Ив. Петр. Яковля, увезеннаго въ оковахъ изъ-подъ Ревеля, гдѣ онъ командовалъ войскомъ [245]).

Начало реакціи противъ опричнины не ограничилось тѣмъ, что казни распространились на ея представителей. По свидѣтельству Штадена, царь приказалъ дать ходъ всѣмъ жалобамъ земскихъ на притѣсненія и вымогательства со стороны опричниковъ.

„Если бы Москва не выгорѣла со всѣмъ, что въ ней было (май 1571 г.), земскіе получили бы много денегъ и добра по неправильнымъ распискамъ, которыя они должны были получить обратно отъ опричниковъ" [246]).

Въ январѣ 1571 г. царь поручилъ земскому боярину кн. М. И. Воротынскому привести въ порядокъ станичную службу въ южныхъ предѣлахъ государства, и Воротынскій приступилъ къ организаціи этой службы [247]), но прежде, нежели было это дѣло устроено, произошло нашествіе крымскаго хана Девлетъ-Гирея на Москву въ маѣ 1571 г. [248]).

Земскія рати стояли на берегу, во главѣ съ князьями Бѣльскимъ, Мстиславскимъ, Воротынскимъ и двумя Шуйскими. Во главѣ опричнаго войска царь поставилъ было кн. М. Т. Черкасскаго, но затѣмъ послалъ въ догонку приказъ

---

[241]) Въ синодикѣ имена ихъ записаны послѣ имени А. Басманова.

[242]) Шлихт., 44—5 (Т. и К., 41). Кир.-бѣлоз. синодикъ, с. 386.

[243]) Не понятно, почему онъ былъ думнымъ дворяниномъ, а не былъ назначенъ окольничимъ или даже бояриномъ.

[244]) Сына того боярина Воронцова, котораго государь въ дѣтствѣ любилъ, а затѣмъ самъ казнилъ. Объ убійствѣ И. Ф. Воронцова Курбскій, 144.

[245]) Россія и Италія, II, 2, с. 251. Т. и К., 54.

[246]) Стр. 96 и 97.

[247]) Акты Моск. государства, т. I.

[248]) Синб. Сб., с. 29. Т. и К., с. 52—4. Штад., 106—7 и 109—110. Горсей, с. 27—8. Флетчеръ, с. 75—6.

схватить его и казнить [249]). Мѣсто его заступилъ кн. В. И. Темкинъ-Ростовскій. Имѣются свѣдѣнія о томъ, что ханъ на пути былъ встрѣченъ группой дѣтей боярскихъ, рѣшившихъ ему передаться. Эти дѣти боярскія повѣдали хану, что оборона Московскаго государства ослаблена — голодомъ, моровой язвой и тѣмъ, что царь въ своей опалѣ многихъ людей перебилъ; увѣряли его, что онъ можетъ свободно пройти до Москвы, и обѣщали его провести. Другой отрядъ перебѣжчиковъ — новокрещенныхъ татаръ изъ опричнины, тоже передъ ханомъ свидѣтельствовалъ, что царь „и въ земскихъ и въ опричнинѣ людей выбилъ" [250]). Дѣйствительно, крымскій ханъ обошелъ воеводъ и направился къ Серпухову, гдѣ находился царь со своими опричниками. Царь бѣжалъ мимо Москвы и Александровской слободы на сѣверъ, а ханъ пошелъ на Москву. Воеводы однако поспѣли къ Москвѣ раньше хана и собрались Москву защищать, но татары 24 мая подожгли московскія слободы, и пожаръ вслѣдствіе вѣтра охватилъ всю Москву. Въ этомъ страшномъ пожарѣ сгорѣла Москва, и великое множество народа погибло [251]). Ханъ съ огромнымъ количествомъ плѣнныхъ пошелъ во-свояси прочь отъ Москвы.

Послѣ сожженія крымскимъ ханомъ Москвы, когда опричная армія не оправдала надеждъ государя, а, напротивъ, навлекла на себя его гнѣвъ, реакція Грознаго противъ опричнины очень усиливается. Онъ уничтожаетъ отдѣльную опричную армію, и служилые люди въ опричныхъ уѣздахъ мобилизуются по распоряженіямъ Земскаго Разряда и распредѣляются по пяти корпусамъ единой московской арміи, наряду съ людьми служилыми земскими [252]). Командовать корпусами назначаются воеводы, какъ изъ состава земщины, такъ и опричнины; при чемъ иногда во главѣ корпуса сто-

---

249) Т. и К., с. 54; Штад., с. 62 и 97 („Стрѣльцами былъ на смерть зарубленъ топорами и аллебардами").

250) Дѣла крымскія, цитиров. Карамзинымъ, IX, прим. 352.

251) Среди остальныхъ задохся отъ дыма главный воевода земскаго ополченія бояринъ кн. И. Д. Бѣльскій и еще одинъ земскій бояринъ — М. И. Вороной-Волынскій.

252) Распредѣленіе служилыхъ людей изъ городовъ земскихъ и городовъ опричныхъ по пяти корпусамъ и десяти воеводамъ видно изъ росписи полкамъ отъ весны 1572 г. (походъ Воротынскаго на Оку противъ Крымскихъ татаръ). Служилые люди изъ 15-ти городовъ опричныхъ попадаются въ семи отрядахъ изъ 10-ти, независимо отъ того, какіе воеводы ими командуютъ, земскіе или опричные (въ отрядѣ кн. И. П. Шуйскаго, воеводы изъ земскихъ, имѣются отряды служилыхъ людей изъ опричныхъ городовъ, Ярославля, Перемышля и Лихвина, а въ отрядѣ кн. Хованскаго, воеводы опричнаго, нѣтъ вовсе служилыхъ людей изъ городовъ опричныхъ). Документъ напечатанъ С. М. Середонинымъ въ Трудахъ отд. русск. и слав. археол., кн. 1 (Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. т. VIII, 1—2, новая серія).

итъ одинъ воевода изъ земскихъ, другой изъ опричныхъ, иногда оба изъ земскихъ, иногда оба опричные, — очевидно, они назначаются не въ качествѣ земскихъ или опричныхъ, а независимо отъ ихъ принадлежности къ земщинѣ или опричнинѣ. Армія отнынѣ едина, и этимъ объединеніемъ арміи второй и очень важный шагъ къ примиренію между земщиной и опричниной сдѣланъ[253]). Любопытна фраза въ письмѣ Грознаго къ посламъ въ Крымъ, А. Нагому съ товарищи отъ іюня 1571 г.: „А нынѣ есте ни въ земскомъ ни въ опришнинѣ" [254]), которая тоже какъ будто свидѣтельствуетъ о томъ, что произошло какое то сліяніе опричнаго и земскаго вѣдомствъ (вѣроятно, Разряда).

Горсей говоритъ, что царь „распустивъ войско... пыталъ, терзалъ и мучилъ многихъ изъ воеводъ и главныхъ военачальниковъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ казнилъ смертью" [255]). Рѣчь, очевидно, идетъ объ опричныхъ воеводахъ, изъ коихъ, кромѣ Черкасскаго, царь казнилъ еще двухъ: бояръ кн. В. И. Темкина-Ростовскаго[256]) и В. П. Яковля, троюроднаго дядю и „гофмейстера" (бывшаго воспитателя) царевича Ивана[257]). Около этого времени (еще въ 1570 году) Грозный приблизилъ къ себѣ иностраннаго доктора — астролога Елисея Бомелія, который готовилъ яды для осужденныхъ на смерть[258]). Тогда же (или нѣсколько позднѣе) казни подверглись: сынъ опричнаго боярина кн. Темкина-Ростовскаго Иванъ, ближайшій спальникъ царя Григорій Грязной, который всегда одѣвалъ и раздѣвалъ государя, сынъ Г. Грязного Никита (сожженъ), „гофмаршалъ" кн. Ив. Ф. Гвоздевъ-Ростовскій „и еще многіе знатные люди, числомъ около ста" [259]). Тогда же подверглась опалѣ семья Салтыковыхъ: опричный бояринъ Л. А. Салтыковъ сосланъ былъ въ монастырь, а затѣмъ вскорѣ убитъ, его братъ (?) Федоръ, государевъ кравчій, избитъ кнутомъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ задавленъ, и еще убитъ Никита, сынъ Фе-

---

[253]) Моя статья въ 5 вып. Зап. Русск. Научн. Инст., с. 21.
[254]) Века, историч. сборн., I, с. 60.
[255]) Стр. 28.
[256]) Штаденъ, с. 97 („утопленъ"), Курбскій, с. 123.
[257]) Таубе и Крузе, с. 54.
[258]) Ibid. с. 54. Псковская лѣтопись говоритъ, что иностранцы „прислаша къ царю лютого волхва нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ, въ приближеніи. И положи на царя страхованіе... на русскихъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи". (П. С. Р. Л., IV, Псков. I лѣт., с. 318).
[259]) Т. и К., с. 54, Штад., с. 97. Григ. Бор. Грязной приходился двоюроднымъ братомъ извѣстному опричнику Василію Григ. По свидѣтельству Шлихтинга (с. 42), кн. Ив. Ф. Гвоздевъ, начальникъ двора, умеръ отъ моровой язвы.

дора [260]). У Штадена приведено также нѣсколько именъ убитыхъ опричниковъ; только неясно, убиты ли они тогда же, лѣтомъ 1571 г., или позднѣе. Это: извѣстный сподвижникъ царя съ начала 60-тыхъ годовъ П. В. Зайцевъ, дьякъ Осипъ Ильинъ, одинъ изъ главныхъ дьяковъ въ опричнинѣ, стрѣлецкій голова Курака Унковскій [261]) и неизвѣстные намъ Иванъ Зобатый и кн. Андрей Овцынъ [262]).

Странное впечатлѣніе производитъ такъ называемая „проклятая" грамота боярина кн. И. Ф. Мстиславскаго. Этотъ первѣйшій бояринъ (ставшій первымъ послѣ смерти кн. Бѣльскаго) навлекъ на себя подозрѣніе государя, который до тѣхъ поръ не позволялъ никому клеветать на Бѣльскаго и Мстиславскаго и обыкновенно говаривалъ: „Я и эти двое составляемъ три московскіе столпа; на насъ троихъ стоитъ вся держава" [263]). Эта „проклятая" грамота писана отъ имени Мстиславскаго, и онъ въ ней яко бы сознается, что не соблюлъ вѣры и измѣнилъ государю, навелъ вмѣстѣ со своими товарищами безбожнаго крымскаго хана на русскую землю. И государь положилъ на него опалу, но вслѣдствіе заступничества митрополита и всего освященнаго собора простилъ его. И онъ, Мстиславскій, обѣщается впредь не соблазняться въ вѣрѣ, съ крымскимъ ханомъ не ссылаться и варваръ не наводить, а также въ чужія земли не отъѣзжать [264]). Три члена боярской думы (одинъ земскій — М. Я. Морозовъ и двое опричныхъ — кн. Одоевскій и кн. Д. Хворостининъ) — опять таки результатъ примиренія! [265]) поручились правительству за Мстиславскаго въ 20.000 р., а 285 дѣтей боярскихъ ручались за этихъ трехъ членовъ боярской думы [266]). Мало правдоподобно, что Мстиславскій навелъ на Москву крымскаго хана, и еще менѣе вѣроятно, что Грозный не покаралъ за это ни Мстиславскаго, ни его товарищей [267]), яко бы дѣйствовавшихъ съ нимъ заодно, но

260) Т. и К., с. 54, Курбскій, с. 143; Кир.-бѣлоз. синодикъ, с. 390 и 391.

261) Убитъ зимою, т. к. „спущенъ подъ ледъ".

262) Штад., с. 97 (Осипъ Ильинъ упоминается у Штадена на с. 134 и 142). Упоминаемые Штаденомъ дьякъ Посникъ Суворовъ и Булатъ Арцыбушевъ казнены были позднѣе. Овцыны были въ опричнинѣ, но княжескій титулъ при имени Овцына поставленъ, очевидно, ошибочно.

263) Шлихтингъ, с. 23.

264) С. Г. Г. и Д., т. I и Прод. Д. Р. В., т. VII.

265) Прод. Д. Р. В., т. VII.

266) Въ предыдущіе годы за земскихъ бояръ ручались только земскіе служилые люди, за опричныхъ — только опричные.

267) Воротынскаго и двухъ Шуйскихъ или же Шереметева, который вмѣстѣ съ Мстиславскимъ командовалъ правой рукой. А годъ спустя главное командованіе противъ того же хана ввѣрено Воротынскому, а въ товарищахъ съ нимъ Шереметевъ.

всѣхъ ихъ великодушно простилъ. Годъ спустя Грозный говорилъ объ этомъ дѣлѣ посланнику изъ Польско-Литовскаго государства:

„Мои подданные подвели меня подъ Крымскаго, подъ татаръ. Тѣхъ было сорокъ тысячъ, а у меня только шесть. И я о томъ не вѣдалъ: шестеро воеводъ, что шли передо мной съ сильными отрядами, не дали мнѣ знать. Правда, они не могли выиграть дѣло противъ многочисленнаго врага, но я поблагодарилъ бы ихъ, если бы, погубивъ нѣсколько тысячъ своихъ, они принесли мнѣ хоть татарскій бичъ... И уже Москва была сожжена, а меня не увѣдомили о томъ. Пойми же, какова тутъ была измѣна мнѣ отъ людей моихъ!“ [268]).

Командовавшіе опричнымъ корпусомъ (кн. Темкинъ и Яковля) поплатились жизнью за свою оплошность (измѣны въ нашемъ смыслѣ здѣсь не было); изъ земскихъ же воеводъ царь счелъ возможнымъ предъявить обвиненіе (по какимъ то соображеніямъ, намъ неизвѣстнымъ) лишь Мстиславскому, который былъ первымъ воеводой правой руки. Чтобы ублажить государя, Мстиславскій счелъ наилучшимъ признаться въ „измѣнѣ“ послѣ переговоровъ высшаго духовенства съ царемъ, во время которыхъ по всей вѣроятности выяснилось, что царь на этомъ настаиваетъ и обѣщаетъ простить Мстиславскаго. Возможно, что сознаніе Мстиславскаго понадобилось царю для того, чтобы нанесенное ему татарами пораженіе представить иностраннымъ державамъ (главнымъ образомъ Польско-Литовскому государству) въ свѣтѣ выгодномъ для себя.

Таубе и Крузе разсказываютъ, что 26 іюня 1571 г. они были въ послѣдній разъ у царя въ Александровской слободѣ. Царь былъ занятъ въ то время выборомъ невѣсты себѣ и своему сыну Ивану. Себѣ онъ выбралъ невѣсту изъ новгородской семьи Собакиныхъ, сыну — изъ стариннаго рода Сабуровыхъ. Ихъ родные были пожалованы думными чинами (въ опричнину). Свадьба царя состоялась въ концѣ октября, а въ серединѣ ноября царица Марѳа скончалась. Для нашей темы интересно отмѣтить составъ участниковъ свадебнаго торжества. Среди этихъ участниковъ мы въ правѣ искать, кромѣ родныхъ невѣсты, кругъ приближенныхъ царя [269]). И вотъ, кромѣ Собакиныхъ и кромѣ Сабуровыхъ, мы здѣсь встрѣчаемъ изъ состава коренныхъ и главныхъ опричниковъ одного Малюту Скуратова, да еще окольничаго Дм. Андр. Бутурлина и думнаго дворянина Ив. Сем. Черемисинова. Изъ новой опричной знати встрѣчаемъ та-

---

[268]) Вмѣсто подлиннаго польскаго текста, слова Грознаго приводятся здѣсь въ переводѣ проф. Трачевскаго (Польское безкоролевье, с. 254—5).

[269]) См. Даніила Принца изъ Бухова (Чтенія 1876 г., III, с. 28): „Празднуя свадьбу, онъ приглашалъ только родственниковъ невѣсты и нѣкоторыхъ вѣрнѣйшихъ придворныхъ“.

тарскаго царевича Михаила Кайбулина, татарскаго князя П. Т. Шейдякова, боярина кн. Ф. М. Трубецкого (и еще кое кого изъ семьи Трубецкихъ — его мать, тетку и троюроднаго брата), Бориса Фед. Годунова [270]) съ супругой (дочерью Малюты Скуратова) и — на меньшихъ роляхъ — Богдана Бѣльскаго . И тутъ же, среди этихъ опричниковъ, старыхъ и новыхъ, на свадьбѣ присутствуетъ одинъ изъ земскихъ бояръ — Ив. Меньшой, Вас. Шереметевъ [271]). Въ общемъ, это совсѣмъ не тотъ составъ гостей, который пировалъ бы на свадьбѣ царя, будь она отпразднована въ первые годы опричнины. Прежній составъ опричныхъ верховъ здѣсь очень слабо представленъ.

Вскорѣ послѣ смерти третьей супруги царь собрался въ Новгородъ. Онъ не былъ въ немъ со времени разгрома, въ январѣ—февралѣ 1570 г. Главныя событія въ жизни Великаго Новгорода за эти почти два года были слѣдующія: осенью 1570 г. и въ началѣ зимы 70—71 г. посланцы изъ опричнины правили казну на новгородскихъ монастыряхъ и на новгородскихъ попахъ („которые на Москвѣ не откупились") [272]). Въ февралѣ 1571 г. торговая сторона города и двѣ пятины, Бѣжецкая и Обонежская, были взяты въ опричнину, и опричнымъ воеводой назначенъ былъ бояринъ кн. П. Д. Пронскій [273]). Въ октябрѣ вывели 40 семей новгородскихъ гостей изъ земской стороны и 60 семей изъ опричной. Тогда же, въ октябрѣ, читали въ Новгородѣ государеву грамоту, чтобы не боялись ничего отъ имѣющаго прибыть государя [274]). 23 декабря прибылъ въ Новгородъ ново-поставленный владыка Леонидъ, а 24 декабря прибылъ царь и царевичи „миромъ" [275]), въ сопровожденіи вельможъ и двора. При царѣ состоялъ царевичъ

[270]) Б. Ф. Годуновъ впервые упоминается въ осеннемъ походѣ 1570 г., „съ рогатиной" при царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ. Тогда же онъ билъ челомъ на молодого кн. Ф. В. Сицкаго, что ему невмѣстно быть ниже Сицкаго. Въ весеннемъ походѣ 1571 г. Годуновъ состоялъ въ свитѣ царя „съ другимъ саадакомъ". Д. Р. В., XIII, с. 418; Синб. Сб., с. 27 и 30.

[271]) Д. Р. В., XIII, с. 92.

[272]) Новг. II лѣт., с. 164.

[273]) Ib. с. 166. Подъ 18 сент. новгородская лѣтопись отмѣчаетъ случай, когда Субота Осетръ, присланный изъ опричнины для сбора на государя „веселыхъ людей" — скомороховъ и медвѣдей, билъ дьяка въ земщинѣ и „медвѣдемъ его дралъ". Подъячіе изъ избы сверху „метались вонъ изъ оконъ", а медвѣдь изодралъ на дьякѣ платье, „и въ одномъ кафтанѣ его понесли къ себѣ на подворье; а билъ Субота его до крови". Три дня спустя Субота Осетръ, не понеся никакого наказанія за подобное нападеніе въ присутственномъ мѣстѣ на должностное лицо, поѣхалъ къ Москвѣ, везя на подводахъ собранныхъ имъ медвѣдей и веселыхъ людей (Ib., с. 167).

[274]) Ib., с. 169.

[275]) Новг. II лѣт., с. 167.

Михаилъ Кайбулинъ, бояре опричные кн. П. Д. и С. Д. Пронскіе и кн. В. А. Сицкій и окольничій Н. В. Борисовъ и бояре изъ земскаго М. Я. и П. В. Морозовы [276]). Одновременно войска собирались въ Орѣшкѣ и въ Дерптѣ для войны противъ Швеціи. Здѣсь, въ этомъ походѣ, впервые не было раздѣленія на земскіе и опричные корпуса, и воеводы изъ земщины и изъ опричнины командовали одною общею арміей. Во главѣ передового полка стояли кн. П. Т. Шейдяковъ (опр.), кн. Воротынскій (зем.) и Н. Р. Юрьевъ (зем.), во главѣ сторожевого полка кн. Мстиславскій (зем.), кн. Одоевскій (опр.) и кн. Д. И. Хворостининъ (опр.) и во главѣ ертоульскаго полка кн. В. Ю. Голицынъ (зем.) и кн. А. В. Репнинъ (зем.)[277]). Однако войны не произошло. Прибывшіе въ Новгородъ шведскіе послы приняты боярской думой (смѣшаннаго состава, изъ земскихъ и опричныхъ бояръ [278]), а возглавлялъ ее царевичъ Михаилъ Кайбулинъ). Царевичъ Михаилъ и бояре челобитье пословъ (такъ сказано было посламъ) должны были донести царевичамъ Ивану и Федору, а эти послѣдніе — „помянуть" о томъ государю. 7 января государь объявилъ посламъ, что по ихъ челобитью и для дѣтей своихъ печалованія онъ утоляетъ свой гнѣвъ и рать свою унимаетъ на время, до коихъ мѣстъ передъ нимъ государь ихъ исправится [279]). 15 января царь послалъ приказъ войскамъ „о унятіи рати" и 18 января уѣхалъ изъ Новгорода, устроивъ намѣстниковъ по старинѣ — Мстиславскаго для земской стороны и Пронскаго для опричной [280]). По возвращеніи изъ Новгорода, царь вступилъ въ четвертый бракъ — съ Анной Алексѣевной Колтовской.

Въ маѣ, когда можно было ждать новаго нападенія крымскаго хана,

> „когда безопасность и Москвы и Россіи требовала царскаго присутствія въ столицѣ, возникающей изъ пепла, слабой, робкой въ ужасныхъ воспоминаніяхъ своего недавняго бѣдствія, — Іоаннъ какъ бы искалъ единственно личной безопасности въ странѣ отдаленной: послалъ въ Новгородъ 450 возовъ съ казною; взялъ туда съ собою и юную супругу, обоихъ сыновей... и войско отборное" [281]).

Съ царемъ былъ опять царевичъ Михаилъ Кайбулинъ,

---

[276]) Д. Р. В., XIII, с. 421—2 и Синб. Сб., с. 31.

[277]) Д. Р. В., XIII, с. 421—3; Синб. Сб., 31.

[278]) Изъ земскихъ — Мстиславскій, Воротынскій и меньшой Шереметевъ, изъ опричныхъ — П. Пронскій, Трубецкой, Одоевскій, Сицкій, окольничій Вас. Собакинъ и думные дворяне М. Скуратовъ и Ив. Черемисиновъ, при дьякахъ А. и В. Щелкаловыхъ. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ думы участвовалъ также кн. Петръ Тутаевичъ Шейдяковъ (изъ опричнины). Сб. И. Р. И Об., т. 129, с. 216.

[279]) Ibid.

[280]) Новг. II лѣт., с. 168.

[281]) Карамзинъ, IX, с. 126.

бояре кн. Ив. Андр. Шуйскій [282]), братья Пронскіе и Сицкій, окольничіе кн. О. М. Щербатовъ, Н. В. Борисовъ и братья Г. и В. Собакины и еще съ государемъ были Г. и А. Колтовскіе, родные царицы (не получившіе назначенія въ думу, по всей вѣроятности, вслѣдствіе неродовитости). Дворовыми воеводами при царѣ состояли кн. Ф. М. Трубецкой и Малюта Л. Скуратовъ-Бѣльскій. Войско было ввѣрено совмѣстному командованію земскихъ и опричныхъ воеводъ [283]). Оно пошло въ Ливонію, а царь оставался въ Новгородѣ. Какъ я писалъ въ одной изъ предыдущихъ статей, Грозный велъ себя въ Новгородѣ благообразно и милостиво. Лѣтописецъ записываетъ по поводу одной церемоніи: „За иконою шелъ царь православный Иванъ Васильевичъ да его сынъ Иванъ, царевичъ большій, чинно и благоговѣйно и со страхомъ"... Если порою царь опалялся и казнилъ своихъ подданныхъ, то теперь страдали отъ него не новгородскіе жители, а прибывшія съ нимъ опричныя дѣти боярскія: „Того же лѣта царь православный многихъ своихъ дѣтей боярскихъ металъ въ Волховъ рѣку съ каменіемъ, топилъ", спокойно записалъ лѣтописецъ [284]).

Къ 1572 году соблазнительно отнести опалы царя на недруговъ и клеветниковъ митрополита Филиппа, способствовавшихъ его низложенію изъ угодничества самому государю; объ этихъ опалахъ упоминаетъ житіе св. Филиппа. Грозный какъ будто раскаивается въ расправѣ надъ митрополитомъ Филиппомъ и теперь обрушивается на своихъ прежнихъ пособниковъ [285]).

Во время своего пребыванія въ Новгородѣ лѣтомъ 1572 г. Грозный составилъ свое духовное завѣщаніе. Манія преслѣдованія его обуяла и сквозитъ изъ многихъ мѣстъ завѣщанія.

„Воздаша ми злая во благая и ненависть за возлюбленіе мое", пишетъ онъ. „Изгнанъ есмь отъ бояръ, самоволства ихъ ради, отъ своего достоянія и скитаюся по странамъ"... Онъ трепещетъ за дальнѣйшую судьбу престола, можетъ быть въ связи съ предстоящимъ приходомъ Девлетъ-Гирея, и въ случаѣ своей смерти предвидитъ, что его сыновья могутъ оказаться въ изгнаніи: „аще и въ гоненіи и въ изгнаніи будете"... И далѣе: „А будетъ Богъ помилуетъ, и государство свое доступите и на немъ утвердитеся"...

Грозный еще въ двухъ мѣстахъ завѣщанія допускаетъ, что его сыновья не сразу утвердятся во власти: обращаясь къ сыну Федору, онъ ему предписываетъ не просить у старшаго брата казны и удѣла, пока они не устроятся; и тоже въ другомъ мѣстѣ онъ ему же совѣтуетъ быть за одинъ съ

---

282) Повидимому, вступившій въ составъ боярской думы опричной.
283) Д. Р. В., XIII, с. 425—9.
284) Зап. Русск. Научн. Инст., вып. 5, с. 15.
285) Ibid.

братомъ Иваномъ, пока, по грѣхамъ, Иванъ не достигнетъ государства, а Федоръ удѣла. „А что есми учинилъ я опричнину", пишетъ далѣе Грозный, „и то на волѣ дѣтей моихъ, Ивана и Федора: како имъ прибыльнѣе, (такъ) и чинятъ" [286]). Другими словами, царь Иванъ не твердо стоитъ за опричнину и не увѣренъ въ благодѣтельности этого опыта, и самимъ сыновьямъ предоставляетъ на выборъ, смотря по обстоятельствамъ, ее сохранить или ее уничтожить [287]).

Между тѣмъ царскіе воеводы стояли „на берегу" въ ожиданіи прихода татаръ. Земскіе и опричные отряды были распредѣлены по пяти корпусамъ подъ общимъ командованіемъ воеводъ изъ земщины и изъ опричнины [288]). Главнымъ воеводой былъ князь Воротынскій. Въ послѣднихъ числахъ іюля показались татары, и начались бои съ ними, длившіеся нѣсколько дней и окончившіеся торжествомъ Воротынскаго[289]): татары были разбиты, и ханъ поспѣшно ушелъ. Царь получилъ извѣстіе объ этой побѣдѣ 6 августа въ Новгородѣ, „гдѣ онъ, скрывая внутреннее безпокойство души, пировалъ въ монастыряхъ съ боярами, праздновалъ свадьбу шурина своего, Григорія Колтовскаго, и топилъ въ Волховѣ дѣтей боярскихъ [290]). Три дня звонили въ колокола и пѣли молебны.

Радостному извѣстію о побѣдѣ надъ крымцами предшествовало другое пріятное для государя извѣстіе: въ іюлѣ не стало упорнаго его противника и главнаго непріятеля — короля Сигизмунда-Августа, и съ его смертью завѣтная мечта Грознаго объ овладѣніи Ливоніей казалась близкой къ осуществленію; а затѣмъ открывались новые и еще болѣе широкіе горизонты (въ связи съ возможностью занять польско-литовскій престолъ).

Приступая къ новымъ великимъ дѣламъ, способнымъ затмить славу завоеванія казанскаго царства, надо было прежде всего ликвидировать свой домашній расколъ.

Свидѣтельство объ окончательномъ уничтоженіи опричнины мы находимъ у Штадена:

„Когда эта игра (съ татарами) была кончена, всѣ вотчины были возвращены земскимъ, такъ какъ они выходили противъ крымскаго

---

[286]) Доп. къ А. И., т. I, № 222.

[287]) Моя статья въ 5 вып. Зап. Р. Н. Инст., с. 16.

[288]) Большимъ полкомъ командовали кн. Воротынскій (зем.) и И. В. Меньшой Шереметевъ (зем.), правой рукой кн. Одоевскій (опр.) и Ф. В. Шереметевъ (зем.), передовымъ полкомъ кн. Хованскій (опр.) и кн. Д. И. Хворостининъ (опр.), сторожевымъ кн. И. П. Шуйскій (зем.) и В. И. Умный-Колычевъ (опр.), лѣвой рукой кн. Репнинъ (зем.) и кн. П. И. Хворостининъ (опр.). Д.Р. В., XIII, с. 433 и Синб. Сб., с. 34—5.

[289]) Кромѣ него отличились воеводы Одоевскій и Д. Хворостининъ.

[290]) Карамзинъ, IX, с. 128.

царя. Великій князь долѣе не могъ безъ нихъ обходиться. Опричникамъ должны были быть розданы взамѣнъ этихъ другія помѣстья [291]).

И въ другомъ мѣстѣ:

„Съ этимъ пришелъ опричнинѣ конецъ, и никто не смѣлъ поминать опричнину подъ слѣдующей угрозой: [виновнаго] обнажали по поясъ и били кнутомъ на торгу. Опричники должны были возвратить земскимъ ихъ вотчины. И всѣ земскіе, кто [только] оставался еще въ живыхъ, получили свои вотчины, ограбленныя и запустошенныя опричниками [292]).

Царь выѣхалъ изъ Новгорода въ Москву 17 августа [293]). По пріѣздѣ въ Москву онъ около начала новаго года — 1 сентября — уничтожилъ опричнину [294]).

VIII.
Что представляла собою опричнина.

О томъ, что представляла собою опричнина, свидѣтельствуютъ русскіе и иностранные современники.

Въ Дополненіяхъ къ Никоновской лѣтописи, гдѣ излагается указъ объ учрежденіи опричнины, говорится, что государь учредилъ опричнину — особый дворъ для себя и на весь свой обиходъ, со своими боярами, приказными людьми и дворянами,

„государство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякіе дѣла земскіе (т. е. государственныя) приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ".

Устанавливая новый порядокъ, государь выговорилъ себѣ право

„своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему государю дѣлали и въ чемъ ему государю были непослушны, на тѣхъ опала своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати" [295]).

Въ Псковской лѣтописи содержится краткая характе-

---

291) Стр. 152. Тогда самъ Штаденъ, бывшій опричникомъ, лишился помѣстій и вотчинъ и уѣхалъ на сѣверъ, обдумывая „какъ бы уйти изъ этой страны".

292) Стр. 110. Въ связи съ этимъ мнѣ кажется неправдоподобнымъ истолкованіе П. А. Садиковымъ („Века", I, с. 49—50) факта пожалованія В. Г. Грязного помѣстьями въ Шелонской пятинѣ 24 авг. и 3 сент. 1572 г. См. также мое примѣчаніе 2-е на стр. 18 Зап. Русск. Научн. Инст. вып. 5.

293) Изъ того, что царь оставилъ въ Новгородѣ „управу чинить безъ себя" одного лишь боярина кн. С. Д. Пронскаго (Новг. II лѣт., с. 174), нельзя ли вывести заключеніе, что Грозный уже тогда принялъ рѣшеніе окончательно уничтожить раздѣлъ между земщиной и опричниной?

294) См. мою статью въ 5 вып. Зап. Р. Н. Инст., с. 17, 18, 19 и 21 и другую мою статью въ 13 вып. Зап. Р. Н. Инст., с. 48—9.

295) П. С. Р. Л., XIII, 2, с. 394—5.

ристика того періода царствованія Грознаго, который былъ связанъ съ существованіемъ опричнины. Лѣтописецъ сперва сообщаетъ о первой благополучной половинѣ царствованія Ивана, завершившейся взятіемъ Полоцка (1563), а затѣмъ продолжаетъ:

„И потомъ, по грѣхомъ Русскія земли, возсташа мятежь великъ и ненависть во всѣхъ людехъ, и межусобная брань и бѣда велика, и государя на гнѣвъ подвигли, и за великую измѣну государь царь учинниша опричнину; и бысть мятежь во всей земли и раздѣленіе. И сбыстся Христово слово: возста сынъ на отца, и отецъ на сына, и дщи на матерь, и мать на дщерь, и врази человѣку домашніи его. И оттого бысть запустѣніе веліе Руской земли“ [296]).

У новгородскаго лѣтописца воспоминаніе объ опричнинѣ связано съ воспоминаніемъ о разгромѣ Великаго Новгорода, и отсюда его выраженіе въ заголовкѣ о новгородскомъ разгромѣ:

„еже оприщина и разгромъ именуется“ [297]).

Въ одномъ краткомъ лѣтописцѣ время опричнины опредѣлено слѣдующимъ образомъ:

„Бысть мятежъ и нестроеніе и раздѣленіе царству, и крамола, и смерть, и людемъ преселеніе, и имѣнію отъятіе, и пожары великіе по градомъ, и моръ и гладъ... [298]).

Другой лѣтописецъ прямо говоритъ:

„учинише опричнину, раздѣленіе земли и градовъ“ [299]).

О томъ, что опричнина явилась прежде всего раздѣленіемъ, видимъ изъ необычнаго оффиціальнаго акта, составленнаго при избраніи игумена Филиппа на митрополію (20 іюля 1566 г.):

„И игуменъ Филиппъ о томъ говорилъ, чтобъ царь и великій князь оставилъ опришнину... а соединилъ бы воедино, какъ преже того было... И царь... игумену Филиппу велѣлъ молвити... чтобы игуменъ Филиппъ то отложилъ, а въ опришнину и въ царскій домовой обиходъ не вступался“ [300]).

Филиппъ указываетъ на самую сущность опричнины, а царь отговаривается тѣмъ, что выдѣленіе опричнины — его частное дѣло, устройство его царскаго домового обихода, не признавая такимъ образомъ за опричниной характера государственной реформы.

Курбскаго въ опричнинѣ болѣе всего поразило, что тѣ, которые туда поступали, должны были клясться, что не будутъ впредь знаться не только съ братіей своей и друзьями, но даже съ родителями, оставшимися въ земщинѣ [301]), т. е.

---

296) Пск. лѣт. — П. С. Р. Л., IV, с. 343.
297) П. С. Р. Л., III. Новг. III лѣт., с. 254.
298) Карамзинъ, IX, прим. 485.
299) Цитируетъ Соловьевъ, изд. Обществ. Пользы, кн. II, с. 167.
300) С. Г. Г. и Д., I, № 193.
301) Ист. о вел. кн. Моск., изд. Имп. Археогр. Ком., с. 161—2.

опять таки раздѣленіе или лучше сказать, разобщеніе между земскими и опричными.

Составитель Русскаго Хронографа (второй редакціи), писавшій въ первой четверти XVII в., говоритъ о времени послѣ смерти царицы Анастасіи, что въ то время

„аки чужая буря велія припаде къ тишинѣ благосердія его, и не вѣмъ како превратися многомудренный его умъ на нравъ яръ, и нача сокрушати отъ сродства своего многихъ, такоже и отъ вельможъ синклитства своего, во истину бо сбысться еже во притчахъ реченное: яко пареніе похоти премѣняетъ умъ незлобивъ. Еще же и крамолу междоусобную возлюби, и во единомъ градѣ едины люди на другія пусти и прочая опричиненныя нарече, другія же... земщиною нарече“ [302]).

Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, писавшій (въ 1616—7 г.) о царствованіи Ивана Грознаго по личнымъ воспоминаніямъ, выразился такъ объ опричнинѣ:

„Отъ умышленія зѣлныя ярости на своя рабы подвигся толикъ, яко возненавидѣ грады земля своея вся и во гнѣвѣ своемъ раздѣленіемъ раздвоенія едины люди раздѣли и яко двоевѣрны сотвори, овы усвояя, овы же отметашася, яко чюжи отрину, не смѣющимъ отнюдь именемъ его множѣмъ градомъ нарицатися запрещаемомъ имъ, и всю землю державы своея, яко сѣкирою, наполы нѣкако разсѣче... И симъ земли всей великъ расколъ сотвори и усомнѣватися всѣмъ въ мыслѣхъ своихъ о бываемомъ; Бога самого премилостиваго ярость на себе разже симъ раздѣленіемъ... по Христову гласу, яко «всяко царство раздѣлшееся на ся не можетъ стояти» и прочее. Яко волки отъ овецъ, ненавидѣныхъ имъ, отдѣли любезныя ему“ [303]).

Писавшій въ XVII в. свою Повѣсть Сергѣй Кубасовъ (или, какъ прежде считалось — кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій), пишетъ „О раздѣленіи Московскаго государства и объ опричнинѣ“ такъ:

„И за умноженіе грѣхъ всего православнаго христіанства супротивникъ обрѣтеся и наполнися гнѣва и ярости, наченше подовластныхъ своихъ сущихъ рабъ злѣ и немилостиво гонити и кровь ихъ проліяти. И царство свое, порученное ему отъ Бога, раздѣли на двѣ части... Свою же часть московскихъ людей прозва опришнина, а другую часть... земщина. И заповѣда своей части оную часть людей насиловати и смерти предавати“ [304]).

Къ современнымъ русскимъ свидѣтельствамъ объ опричнинѣ надо отнести тѣ слова, которыя должны были говорить русскіе посланники въ иностранныя государства, въ томъ случаѣ, если ихъ тамъ объ опричнинѣ спросятъ. Въ Посольскомъ приказѣ, при отпускѣ ихъ, имъ предписывалось на вопросъ, для чего государь устроилъ опричнину, отвѣчать:

„Государю нашему отъ кого ся дѣлити, гдѣ похочетъ себѣ дворы ставити, тутъ и ставитъ; а княземъ и дѣтемъ боярскимъ ве-

[302]) Изборникъ А. Попова, с. 183.
[303]) Русск. Ист. Библ., XIII, 1, изд. 3-е, с. 271—2.
[304]) Ibid., с. 561 и 628.

лѣлъ государь близко себя жити, которымъ пригоже, а которымъ быть непригоже, и тѣмъ велѣлъ быти подалѣ, и того не зная, мужичья говорятъ, называютъ опричниною, а мужичьихъ рѣчей нечего слушати... А кто учнетъ говорити, что государь дворы ставитъ раздѣлу для и для того кладучи опалу на бояръ, — и посламъ говорити: государю нашему того для дворовъ ставити нечего для, воленъ государь въ своихъ людехъ, добрыхъ государь жалуетъ, а лихихъ казнитъ, а дѣлитца государю не съ кѣмъ" [305]).

Изъ этихъ выдержекъ видно, что московское правительство желало скрыть отъ сосѣдей установленіе опричнины съ ея главными проявленіями — раздѣломъ и терроромъ [306]).

Вспоминается еще, изъ тѣхъ же посольскихъ дѣлъ, отвѣты московскихъ бояръ въ 1567 г. на письма, присланныя имъ отъ короля Сигизмунда-Августа и отъ гетмана Григ. Ходкѣвича, съ предложеніемъ перейти на польско-литовскую службу. Изъ этихъ отвѣтовъ мы узнаемъ, что король и Ходкѣвичъ въ письмахъ своихъ упоминали о бѣдахъ, которыя претерпѣваетъ все русское населеніе („какъ великіе люди, такъ середніе и меньшіе") отъ учрежденной опричнины и связаннаго съ ней „раздѣленія людемъ единого христіанского народу и единые вѣры" и еще связаннаго съ нею „гоненья безъ правды и гнѣва непощадимаго" [307]).

Изъ иностранцевъ, Таубе и Крузе подробно описали опричнину и всѣ ужасныя проявленія сопровождавшаго ее террора, но нигдѣ не формулировали ея смысла и сущности. Можно указать въ ихъ Посланіи лишь одно мѣсто, какъ на попытку нѣкотораго обобщенія. Таубе и Крузе пишутъ, что рѣшеніе Грознаго устроить опричнину было противоестественно,

„ибо положеніе вещей не вынуждало его оставить государство, и тѣмъ менѣе подозрѣвать все населеніе въ измѣнѣ. Причина всего этого была лишь та, что онъ хотѣлъ удовлетворить своей ядовитой тиранской наклонности... и уничтожить благочестивые княжескіе и боярскіе роды, затѣмъ забрать себѣ все, принадлежащее богатымъ монастырямъ, городамъ и купцамъ" [308]).

Штаденъ, по словамъ котораго „опричные — это были люди великаго князя, земскіе же — весь остальной народъ", нарисовалъ яркую картину дѣйствій опричнины: разобщеніе между земскими и опричниками, притѣсненія

---

[305]) Отправленіе посольства къ королю Сигизмунду-Августу въ 1567 г., см. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 71, с. 461—5.

[306]) „Отъ сосѣдей, особенно отъ Литвы, Грозный старался скрыть самое существованіе опричнины, вѣрный знакъ того, что онъ самъ не вполнѣ вѣрилъ въ основательность своего шага" — Середонинъ въ статьѣ Іоаннъ IV Васильевичъ — въ Русск. Біограф. Словарѣ (стр. 261).

[307]) Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. 71, № 19.

[308]) Таубе и Крузе, с. 34.

земскихъ опричниками, терроръ Грознаго при помощи учрежденной опричнины.

Шлихтингъ описываетъ терроръ, сопровождавшій опричнину. Опричнинѣ онъ даетъ такое опредѣленіе: Грозный устроилъ опричнину,

„т. е. проворныхъ или воиновъ, стражей своего тѣла, или скорѣе покровителей своей тираніи, какъ бы убійцъ, чтобы подъ защитой ихъ охраны явиться на всеобщее избіеніе“ [309]).

Горсей почти не говоритъ объ опричнинѣ: Грозный

„раздѣлилъ города, должности и подданныхъ на двѣ части: одну часть назвалъ опричниной, другую — земщиной... Онъ оказывалъ особенную милость свирѣпой военщинѣ и разному сброду, чтобы этимъ оскорблять дворянъ и производить раздоръ“ [310]).

Флетчеръ (бывшій въ Москвѣ зимой и весной 1588—9 г.) разсматриваетъ опричнину, какъ одну изъ мѣръ Грозна[illegible] противъ „удѣльныхъ князей и другихъ дворянъ“. Онъ объ опричнинѣ пишетъ (согласно информаціямъ, которыя онъ получилъ въ Москвѣ въ высшемъ боярскомъ кругу), что царь

„раздѣлилъ своихъ подданныхъ на двѣ части или партіи, разъединивъ ихъ совершенно между собою. Одни изъ нихъ были названы имъ опричными или отборными людьми. Сюда принадлежали тѣ изъ лицъ высшаго сословія и мелкихъ дворянъ, коихъ царь взялъ себѣ на часть, чтобъ защищать и охранять ихъ, какъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Всѣхъ прочихъ онъ назвалъ земскими или общими. Земскіе были самый низкій и простой классъ людей съ тѣми изъ дворянъ, которыхъ царь думалъ истребить, какъ будто бы недовольныхъ его правленіемъ и имѣющихъ противъ него замыслы. Что касается до опричниковъ, то онъ заботился, чтобы они своимъ числомъ, знатностью, богатствомъ, вооруженіемъ и проч. далеко превосходили земскихъ, коихъ онъ, напротивъ, какъ бы лишилъ своего покровительства, такъ что, если кто изъ нихъ былъ ограбленъ или убитъ кѣмъ-нибудь изъ опричниковъ, то нельзя уже было получить никакого удовлетворенія ни судомъ, ни жалобою царю... И эта свобода, данная однимъ грабить и убивать другихъ безъ всякой защиты судебными мѣстами или закономъ (продолжавшаяся семь лѣтъ) послужила къ обогащенію первой партіи и царской казны и, кромѣ того, способствовала къ достиженію того, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду, т. е. къ истребленію дворянъ, ему ненавистныхъ... Такіе тиранскіе его поступки, съ цѣлью произвести всеобщій раздоръ и повсемѣстное раздѣленіе между подданными, произошла (какъ должно думать) отъ чрезвычайной мнительности и безнадежнаго страха, возникшихъ въ немъ ко многимъ изъ туземнаго дворянства во время войны съ поляками и крымскими татарами, когда онъ впалъ въ сильное подозрѣніе (родившееся въ немъ вслѣдствіе худого положенія дѣлъ), что они состоятъ въ заговорѣ съ поляками и крымскими татарами. На основаніи этого, нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ казнилъ, и означенное средство избралъ для того, чтобъ отдѣлаться отъ остальныхъ.

Столь низкая политика и варварскіе поступки такъ потрясли все государство и до того возбудили всеобщій ропотъ и непримири-

---

[309]) Шлихтингъ, с. 18.

[310]) Горсей (изд. Суворина), с. 30 и 34.

мую ненависть, что (повидимому) это должно окончиться не иначе, какъ всеобщимъ возстаніемъ.

Овладѣвъ всѣмъ ихъ наслѣдственнымъ имѣніемъ и землями, лишивъ ихъ почти всѣхъ правъ и проч. и оставивъ имъ одно только названіе, онъ далъ имъ другія земли на правѣ помѣстномъ, владѣніе коими зависитъ отъ произвола царя и которыя находятся на весьма дальнемъ разстояніи и въ другихъ краяхъ государства, и этимъ способомъ удалилъ ихъ въ такія области, гдѣ бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо извѣстными въ тѣхъ мѣстахъ; почему теперь знатнѣйшіе дворяне (называемые удѣльными князьями) сравнялись съ прочими, съ тою только разницею, что во мнѣніи народа и относительно привязанности его къ нимъ они стоятъ выше, и что во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ они постоянно занимаютъ свое первое мѣсто"[311]).

Я нарочно привелъ цѣликомъ все, что пишетъ объ опричнинѣ Флетчеръ, такъ какъ проф. С. Ф. Платоновъ, главный истолкователь опричнины, исходитъ въ своемъ истолкованіи изъ этого свидѣтельства, именно — изъ послѣдней части его.

Казалось бы, самое безспорное, что вытекаетъ изъ всѣхъ этихъ современныхъ свидѣтельствъ, это — раздѣленіе, расколъ, разъединеніе, произведенное Грознымъ учрежденіемъ опричнины. Но проф. Платоновъ объ этомъ умалчиваетъ и даже пытается это оспаривать. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ объ этомъ.

„Намъ теперь представляется неизбѣжною и непримиримою вражда между земскими и опричными людьми, потому что мы вѣримъ, будто бы Грозный заповѣдалъ опричникамъ насиловать и убивать земскихъ людей. А между тѣмъ не видно, чтобы правительство XVI вѣка считало дворовыхъ[312]) и земскихъ людей врагами; напротивъ, оно предписывало имъ совмѣстныя и согласныя дѣйствія. Такъ, въ 1570 году, въ маѣ «приказалъ государь о (литовскихъ) рубежахъ говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины;... и бояре обои, земскіе и изъ опришнины, о тѣхъ рубежѣхъ говорили» — и пришли къ одному общему рѣшенію... Въ томъ же 1570-мъ и въ 1571 годахъ на „берегу" и украйнѣ противъ татаръ были земскіе и «опришнинскіе» отряды, и имъ было велѣно дѣйствовать вмѣстѣ, «гдѣ случится сойтись» земскимъ воеводамъ съ опришнинскими воеводами. Въ 1570 году въ Новгородъ вмѣстѣ пріѣхали посланные подъ Колывань воеводы: земскій Ив. Петр. Яковлевъ и опричный В. И. Умный-Колычевъ; вмѣстѣ же отправились они и изъ Новгорода, а во время пребыванія въ Новгородѣ опричный воевода съ своего двора «всегда ѣздилъ изутра ко Ивану Петровичу», земскому воеводѣ, на его дворъ. Въ 1577 году «послалъ государь дворянъ изъ земского въ разные городы высылати на государеву службу дѣтей боярскихъ»; эти «дворяне изъ земского» отправлены были, между прочимъ, въ Обонежскую и Бѣжецкую пятины и въ города Суздаль, Галичъ и Кострому, которые

---

[311]) Флетчеръ, О государствѣ русскомъ, изд. Суворина, с. 30—2. Въ своей книгѣ о Флетчерѣ Середонинъ призналъ, что «Флетчеръ значительно преувеличилъ значеніе дѣятельности Іоанна» (Записки Ист.-филол. фак. Имп. СПБ. Унив., ч. 27, с. 83).

[312]) По мнѣнію проф. Платонова, „дворовый" значитъ тоже, что и „опричный".

съ уѣздами были взяты въ опричнину, а стало быть, и населены не «земскими» боярскими дѣтьми. Всѣ подобные факты наводятъ на мысль, что отношенія между двумя частями своего царства Грозный строилъ не на принципѣ взаимной вражды, и если отъ опричнины, по словамъ Ив. Тимоѳеева, произошелъ «земли всей великъ расколъ», то причины этого лежали не въ намѣреніяхъ Грознаго, а въ способахъ ихъ осуществленія" [313]).

Изъ моей предыдущей главы ясна ошибочность этихъ доводовъ и этого вывода: проф. Платоновъ беретъ примѣры изъ 1570 и 1571 годовъ, когда (начиная съ мая 1570 г.) происходила реакція противъ опричнины и сглаживался расколъ, существовавшій между земщиной и опричниной, (и еще одинъ примѣръ изъ 1577 года, когда опричнины не было), и изъ подобныхъ примѣровъ дѣлаетъ неосновательный выводъ, находящійся въ противорѣчіи съ показаніями ряда современныхъ свидѣтелей [314]).

Въ своей послѣдней работѣ (Иванъ Грозный) Платоновъ совсѣмъ не останавливается на расколѣ, произведенномъ опричниной.

Проф. Платоновъ обходитъ молчаніемъ и терроръ, вызванный учрежденіемъ опричнины. Изъ 17 печатныхъ страницъ, посвященныхъ опричнинѣ въ Очеркахъ по исторіи Смуты, къ вопросу о террорѣ относится одно это мѣсто:

„Мы совсѣмъ не отрицаемъ тѣхъ отвратительно-жестокихъ гоненій, которымъ подвергалъ въ опричнинѣ Грозный царь своихъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ враговъ. И. Курбскій, и иностранцы говорятъ о нихъ много и вѣроподобно. Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязною пѣною, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ" [315]).

Такимъ образомъ Платоновъ, затушевывая раздѣленіе

---

[313]) Очерки по исторіи Смуты, изд. 2-е с. 118—9. См. еще на стр. 106: „Показная цѣль учрежденія (опричнины) заключалась вовсе не въ томъ, чтобы насиловать и избивать подданныхъ государя, а въ томъ, чтобы «дворъ ему (государю) себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной»". Платонову вторитъ новый изслѣдователь опричнины П. А. Садиковъ, который находитъ, что „сотрудничество опричных и земских властей... прекрасно обрисовано С. Ф. Платоновым". „Можно думать, пишетъ онъ, что по местам это противопоставление (земских и опричных органов власти) не удержалось в равновесии, повлекло за собой неравенство в фактическом отношении с возможностью резких и грубых эксцессов, и, может быть, повлияло на то представление об опричнине, каковое вынесли ее современники и ближайшие их потомки: царь разделил свое государство нелепым образом на две части и одной из них заповедал грабить и насиловать другую". (Дела и дни, кн. II, с. 20 и 19).

[314]) См. мою статью въ 13 вып. Зап. Р. Н. Инст., с. 62—3.

[315]) Стр. 116. Что это за будичная работа, о которой нѣтъ и помина въ источникахъ?

или расколъ, а также и терроръ — самыя яркія проявленія опричнины Грознаго — затемняетъ главное ея содержаніе.

За то Платоновъ, идя по стопамъ своихъ предшественниковъ (Кавелина и Соловьева; Бестужева-Рюмина, Бѣлова, а отчасти и Середонина), развивая и обосновывая ихъ предположенія, останавливается на раскрытіи государственнаго смысла опричнины. Кромѣ одинокаго свидѣтельства Флетчера (который страдаетъ однимъ недостаткомъ — „наклонностью къ схематизаціи и исканію смысла, системы, даже и тамъ, гдѣ не было ни системы, ни смысла“ [316]), источники не даютъ никакихъ основаній понимать въ этомъ смыслѣ опричнину. Платоновъ сознаетъ недостаточность своей опоры въ источникахъ и, чтобы оправдать свое выступленіе съ гипотезой, онъ заявляетъ, что надежныхъ источниковъ для сужденія объ опричнинѣ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ — „остается широкое поле для догадокъ и домысловъ“ [317]).

Платоновъ разсматриваетъ территорію опричнины. Со взятіемъ этой территоріи въ опричнину былъ связанъ обмѣнъ помѣстій и вотчинъ: помѣщиковъ и вотчинниковъ, которыхъ не брали въ опричники, выселяли изъ этой территоріи, а на ихъ мѣста устраивали опричниковъ. И вотъ Платоновъ утверждаетъ, будто

„для опричнины были отдѣлены как ъ разъ (курсивъ мой) тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ землевладѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричнина дѣйствовала среди родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ и Ростовскихъ (отъ Ростова до Чаронды), князей Стародубскихъ и Суздальскихъ (отъ Суздаля до Юрьева и Балахны), князей Черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ... Въ 1572 году въ вѣдѣніи „земскаго“ правительства остались только (курсивъ мой) вотчины Ярославскія и Ростовскія, Оболенскія и Московскія, Тверскія и Рязанскія... Такимъ образомъ мало-помалу почти сполна (курсивъ мой) собрались въ опричномъ управленіи старыя удѣльныя земли, исконные владѣльцы которыхъ возбуждали гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго“ [318]).

Разсматривая эту цитату, надо отмѣтить, что выраженія „какъ разъ“, „только“ и „почти сполна“ едва ли оправданы. Среди мѣстностей, взятыхъ въ опричнину, дѣйствительно были такія, гдѣ сохранились старинныя гнѣзда

---

[316]) Моя статья „Еще къ вопросу объ опричнинѣ“ въ юбилейномъ сборникѣ Русск. Археол. Общ. въ Югославіи, Бѣлгр. 1936 г., с. 289. „Къ сожалѣнію, Флетчеръ не простой, безхитростный и безпристрастный наблюдатель и регистраторъ того, что довелось ему видѣть и слышать, а претендуетъ на большее — на освѣщеніе добытаго имъ матеріала. Онъ даетъ освѣщеніе фактамъ и ретушируетъ ихъ или въ духѣ собственныхъ воззрѣній его или же въ духѣ того направленія, какое было въ Москвѣ воспринято имъ отъ главныхъ его информаторовъ — княжатъ и другихъ великородныхъ бояръ“.

[317]) Очерки, с. 106.

[318]) Очерки, с. 110.

княжатъ, но на ряду съ ними были взяты другія мѣстности, гдѣ такихъ гнѣздъ не имѣлось; точно то же можно сказать и о мѣстностяхъ, оставленныхъ въ земщинѣ: и тамъ на ряду съ мѣстностями, гдѣ княжатъ не имѣлось, остались мѣстности, гдѣ сохранились гнѣзда княжатъ. Поэтому едва ли выраженіе „какъ разъ" здѣсь умѣстно. Столь же неумѣстны дальнѣйшія выраженія „только" и „почти сполна". Въ самомъ дѣлѣ, Платоновъ говоритъ о переходѣ въ опричнину родовыхъ вотчинъ князей Бѣлозерскихъ, Стародубскихъ, Черниговскихъ и „иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ", а также нѣкоторыхъ Ростовскихъ и Ярославскихъ; а въ земщинѣ, по его подсчету, остались остальныя вотчины князей Ростовскихъ и Ярославскихъ, а также вотчины Тверскія, Рязанскія, Мосальскія и Оболенскія. Уже изъ этого одного подсчета видно, что выраженія „только" и „почти сполна" — натяжка. А кромѣ того нельзя согласиться съ точностью этого подсчета. Напримѣръ, намъ извѣстно, что изъ Черниговскихъ вотчинъ въ опричнину не попали вотчины главнѣйшаго представителя князей черниговской отрасли, боярина кн. М. И. Воротынскаго [319]), а также Одоевскія вотчины [319]). Еще не попали въ опричнину вотчины Трубецкія [319]) часть Стародубскихъ вотчинъ [320]) и, повидимому, часть Суздальскихъ вотчинъ [321]). Оказывается, вопреки утвержденію проф. Платонова, что въ опричнину попала, по всей вѣроятности, меньшая часть княжескихъ вотчинъ, а большая часть осталась въ земщинѣ. Поскольку же опричнина лишила н ѣ к о т о р ы х ъ князей ихъ старинныхъ вотчинъ, Грозный шелъ по стопамъ Ивана III и Василія III, которые дѣйствовали въ этомъ же направленіи безо всякой опричнины [322]). Утвержденіе Платонова, будто

„опричнина была п е р в о ю попыткою разрѣшить одно изъ

---

[319]) См. Духовное завѣщаніе Грознаго въ Доп. къ А. И. т. I, № 222.

[320]) С. В. Р о ж д е с т в е н с к і й, Служилое землевлад. въ Моск. г-вѣ XVI в., с. 172—180.

[321]) И к о н н и к о в ъ полагалъ, что суздальскія вотчины Шуйскихъ (самыхъ значительныхъ суздальскихъ вотчинниковъ) остались незатронутыми опричниной (Рецензія на Очерки по ист. Смуты П л а т о н о в а въ Ж. М. Н. П. 1900, II, с. 390). Еще любопытно отмѣтить, что въ разрядной книгѣ 1578 г. при перечнѣ служилыхъ людей, которымъ надлежало быть съ государемъ въ походѣ, перечисляются въ видѣ особыхъ группъ: князья Оболенскіе, С у з д а л ь с к і е, Ярославскіе, С т а р о д у б с к і е и Мосальскіе (Д. Р. В., XIV, с. 350—1). Значитъ, опричнина этихъ гнѣздъ не разбила.

[322]) См. Р о ж д е с т в е н с к а г о, op. cit., с. 197, 205 и пр. и П а в л о в а - С и л ь в а н с к а г о, Государевы служилые люди, ч. II, гл. II. К и з е в е т т е р ъ, Первый курсъ Ключевскаго, Зап. Р. Н. Инст., III, с. 300—2. Вѣрно и замѣчаніе М. Н. П о к р о в с к а г о: „Когда пришла опричнина Грозного с ее массовыми конфискациями удельных земель, ей пришлось в сущности только доделывать то, что давным давно

противорѣчій московскаго государственнаго строя: она сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ старины“ [323])

— преувеличеніе, какъ многое въ его главѣ объ опричнинѣ.

Такимъ же преувеличеніемъ надо признать, напримѣръ, мнѣніе Платонова, что

„с развитием дела“ опричнина „охватила добрую половину государства, все его центральные и северные области, и оставила в старом порядке управления, «в земском», только окраинные уезды“ [324]). Или еще: „Учрежденный въ 1565 году новый дворъ московскаго государя въ десять лѣтъ охватилъ всѣ внутреннія области государства, произвелъ существенныя перемѣны въ служиломъ землевладѣніи этихъ областей, завладѣлъ путями внѣшнихъ сообщеній и почти всѣми важнѣйшими рынками страны и количественно сравнялся съ земщиною, если только не переросъ ее... Въ учрежденіи опричнины вовсе не было «удаленія главы государства отъ государства», какъ выражался С. М. Соловьевъ; напротивъ, опричнина забирала въ свои руки все государство въ его коренной части, оставивъ «земскому» управленію рубежи“ [325]).

За отсутствіемъ подъ рукой нѣкоторыхъ источниковъ (на которые ссылался Платоновъ), я не могъ предпринять тщательной провѣрки работы, произведенной имъ по опредѣленію территоріи, на которую распространилась опричнина, но имѣю основаніе думать, что размѣры ея Платоновымъ сильно преувеличены, и что территорія опричнины не составляла сплошной территоріи, а находилась въ черезполосицѣ съ землями, бывшими въ земщинѣ. Я полагаю, что правъ былъ Иконниковъ въ своей рецензіи на диссертацію Платонова, когда писалъ, что

„придется, конечно, значительно ограничить территорію «опричнаго двора», намѣченную авторомъ, и допустить въ ней такую же черезполосицу, какая встрѣчалась и въ удѣлахъ, учрежденныхъ по духовнымъ грамотамъ предками Грознаго своимъ дѣтямъ“ [326]).

Далѣе Платоновъ признавалъ правильность мнѣнія Флетчера, что опричнина „направлялась противъ потомства удѣльныхъ князей“ [327]). Онъ считалъ, что она этой цѣли достигла:

„Въ опричнинѣ Грознаго произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи... Политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено“ [328]).

тихо и скромно, без казней и опал было начато смиренными иноками“. — Очерк истории русской культуры, т. I, с. 96 (изд. 3-е).

[323]) Очерки, с. 119—120.

[324]) Иван Грозный, изд. Обелиск 1924 г., с. 103.

[325]) Очерки, с. 115 и 116.

[326]) Иконниковъ, op. cit., с. 392.

[327]) Очерки, с. 106 и 111.

[328]) Ibid., с. 120.

И даже болѣе того. Платоновъ считалъ, что опричнина сокрушила не только бояръ-княжатъ, но и все боярство вообще:

„Боярство, старый правительственный и землевладѣльческій классъ, было раздавлено опричниною и потеряло свое прежнее положеніе у власти. Въ государевой думѣ его замѣнили новые люди" [329]).

Эти люди, ставшіе сподвижниками Грознаго въ послѣдніе годы его царствованія, представляли собою, по мнѣнію Платонова

„новый слой московской знати, возникшій именно въ эпоху опричнины, какъ первый образчикъ служилой и дворцовой аристократіи. Ихъ положеніе у дѣлъ создано не ихъ «отечествомъ», а личною службою и выслугою, или же отношеніями родства и свойства" [330]).

На все это я имѣю сдѣлать два возраженія. Во первыхъ, дѣйствительность мѣръ, предпринятыхъ Грознымъ при учрежденіи опричнины противъ боярства и, въ частности, противъ княжатъ, была подорвана тѣмъ, что Грозный при отмѣнѣ опричнины (въ 1572 г.) сталъ возвращать прежнимъ владѣльцамъ помѣстья и вотчины, которыя были у нихъ взяты въ опричнину. Объ этомъ имѣемъ свидѣтельство Штадена [331]) и рядъ отдѣльныхъ примѣровъ, разсѣянныхъ въ доступномъ намъ актовомъ матеріалѣ. Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній Платоновъ принужденъ былъ сознаться, что не умѣетъ

„истолковать, что значитъ возвратъ въ земщину и старымъ владѣльцамъ нѣкоторыхъ земель, взятыхъ въ опричнину" [332]).

Такимъ образомъ Грозный самъ приступилъ къ ликвидаціи того, что въ затѣѣ опричнины какъ будто имѣло государственный смыслъ.

А, во вторыхъ, сужденія Платонова о томъ, что боярство было опричниною раздавлено, и въ думѣ боярской его замѣнили новые люди, не подтверждается фактами. Въ одной изъ предыдущихъ статей [333]) я разсмотрѣлъ составъ думы боярской, дѣйствовавшей въ послѣдніе годы правленія Грознаго и показалъ, что „аристократичность состава думы опричниной ничуть не была поколеблена", и что среди бояръ, дѣйствовавшихъ въ послѣдніе годы правленія Грознаго, не замѣтно „новыхъ людей".

Мнѣ уже приходилось писать [334]), что эти взгляды Платонова, оказавшіе сильное вліяніе на нѣкоторыхъ русскихъ

---

[329]) Ibid., с. 147.
[330]) Ibid., с. 148. и Иван Грозный, с. 111.
[331]) Стр. 110.
[332]) 29-е примѣчаніе къ Очеркамъ.
[333]) 13 вып. Зап. Р. Н. И., с. 65—6.
[334]) Еще къ вопросу объ опричнинѣ, въ Юбил. сборн. Русск. Археол. Общ. въ Югославіи, с. 272 и слѣд.

историковъ, самимъ Платоновымъ были впослѣдствіи подвергнуты частичному пересмотру и измѣненію. Въ послѣднихъ своихъ книжкахъ о Борисѣ Годуновѣ и Грозномъ Платоновъ не говоритъ объ опричнинѣ, какъ о широкой реформѣ землевладѣнія, а говоритъ о ней, какъ о выводѣ, „испытанномъ пріемѣ ассимиляціи", который самъ Грозный и дѣдъ его Иванъ III примѣняли обычно при покореніи новыхъ земель. На мой взглядъ, это сопоставленіе едва ли удачно. Оно было бы умѣстно въ томъ случаѣ, еслибъ имѣлась возможность какъ-нибудь доказать, что Грозный испомѣщалъ опричниковъ на тѣхъ земляхъ, населеніе коихъ предназначалось имъ къ выводу или, другими словами, еслибъ удалось доказать, что главной задачей былъ выводъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ происходило какъ будто обратное: Грозному надо было испомѣстить тысячу (а затѣмъ и еще нѣсколько тысячъ) опричниковъ; для этого отводились уѣзды, напр., Можайскъ, Малоярославецъ, Медынь и другіе недалеко отъ Москвы, пока еще царь не предполагалъ обосноваться въ Александровской слободѣ, а затѣмъ — Суздаль, Юрьевъ Польскій и др., недалеко отъ Александровской слободы, и оттуда вотчинниковъ и помѣщиковъ, которые не принимались въ опричнину, выселяли въ другіе уѣзды. Если это было именно такъ, то приходится опричнину сравнивать не съ прежними выводами, напримѣръ, выводомъ коренныхъ жителей изъ В. Новгорода или выводомъ татаръ изъ Казани, а скорѣе съ испомѣщеніемъ тысячи „помѣщиковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ" въ Московскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ въ 1550 году. Я не отрицаю, что при выборѣ нѣкоторыхъ территорій, которыя отбирались въ опричнину, наприм. Ярославля царь могъ руководиться соображеніемъ оторвать большія группы князей отъ ихъ вотчинъ и насиженныхъ мѣстъ; но едва ли при выборѣ территорій это было основною идеей царя; самый подборъ ихъ говоритъ противъ этого.

Взгляды Платонова (въ ихъ первой редакціи) были усвоены рядомъ историковъ (Валишевскій, Довнаръ-Запольскій, Покровскій [335]), отчасти Шмурло и др.), популяризированы ими и получили широкое распространеніе среди читающей публики, русской и иностранной [336]).

335) Вслѣдъ за Покровскимъ взгляды Платонова усвоены совѣтской наукой. М. Нечкина въ своей статьѣ „Иван IV" въ большой совѣтской энциклопедіи пишетъ: „Социальным смыслом опричнины является ликвидация боярства и смешение его с дворянской служилой помещичьей массой. Эту политику ликвидации Грозный провел с величайшей последовательностью и несокрушимым упорством".

336) И въ иностранную литературу проникло воззрѣніе на Ивана Грознаго, какъ на великаго государственнаго дѣятеля. Укажу для

Проф. Р. Ю. Випперъ въ своей книжкѣ объ Иванѣ Грозномъ занятъ болѣе вопросами внѣшней политики и опричнины нѣсколько разъ касается вскользь. Онъ считаетъ опричнину „военной реформой, вызванной опытом труднейшей войны".

„Если смотреть на опричнину 1564 г., как на меру военно-организационного характера, она составляет продолжение реформы 1550 г." (имѣется въ виду испомѣщеніе вокругъ Москвы тьсячи отборныхъ слугъ). „Преобразователь пошел, однако, гораздо дальше в развитии военной техники". „Дарования организаторския (Ивана IV) особенно видны на реформах, начатых в 1564 г. Разделение земли и людей на опричнину и земщину, как выяснил С. Ф Платонов, было произведено по очень обдуманному плану. В земской половине остались старые сословные порядки и прежние счеты службы; в опричнину царь отбирал пригодные ему элементы, не считаясь с родовитостью, с местничеством, с классовыми предрассудками и притязаниями, свободно передвигая людей в чинах и соображаясь только с их военной пригодностью, их талантами и их заслугой. Шаг за шагом он выделял в свое личное, чисто военное управление центральную группу земель, занял опричниной важнейшие государственные дороги, которые вели от центра к границам. Земщину отодвинули на окраинные области, где она продолжала служить как бы под надзором центрального военного управления". „Под влиянием новгородской «измены» и крымского нашествия произошла новая реформа в виде расширения опричнины: преобразование началось также с разгрома старой силы, поскольку она еще сохраняла следы самостоятельности. Царь втянул в круг военного управления новые территории, отодвинул земщину на окраины"[337]).

Всѣ эти свои утвержденія, не имѣющія опоры въ источникахъ, проф. Випперъ заканчиваетъ любопытнѣйшимъ замѣчаніемъ:

„Никому из них (изъ свидѣтелей) не приходит и в голову сказать хотя бы одно слово о военном значении опричнины"[338]).

Конечно, въ голову не приходитъ, потому что это — измышленіе самого проф. Виппера. Цитируя фразы проф. Виппера, все время хочется поставить въ скобкахъ восклицательный знакъ. Вспомнимъ хотя бы: „Преобразователь пошел (при учрежденіи опричнины) гораздо дальше в развитии **военной техники**". И въ чемъ организаторскія дарованія и что за обдуманный планъ? А дальше прямо невѣрно: будто бы Грозный въ опричнинѣ, „передвигая лю-

---

примѣра на **Шпенглера**, который считаетъ Ивана IV „творческой натурой въ родѣ Петра Великаго, однимъ изъ наиболѣе крупныхъ правителей всѣхъ временъ". Въ другомъ мѣстѣ своей статьи о двоякомъ лицѣ Россіи и о восточной проблемѣ Германіи онъ говоритъ объ Иванѣ IV на ряду съ Чингисъ-ханомъ, Петромъ Великимъ и Ленинымъ, и еще въ одномъ мѣстѣ — на ряду съ Петромъ Великимъ съ одной стороны, о. Іоанномъ Кронштадтскимъ и Распутинымъ съ другой стороны (**Oswald Spengler**, Politische Schriften, s. 111, 122. München, 1933.

337) Стр. 53, 59, 60 и 71.

338) Стр. 109.

дей в чинах", „не считался с родовитостью, с местничеством", а „только с их **военной** пригодностью, их талантом и заслугой". А кто же, хочется спросить, эти военные таланты, которые опричнина выдвинула? И не земскому ли воеводѣ Воротынскому пришлось спасать Россію отъ нашествія татаръ? Невѣрна совершенно картина отодвинутой на окраины земщины, которая „продолжаетъ служить какъ бы подъ надзоромъ центральнаго **военнаго** управленія". И что за новая реформа опричники, **въ видѣ ея расширенія**, начатая съ разгрома „старой силы", т. е. погрома В. Новгорода въ 1570 г.? Въ дѣйствительности, было обратное: не расширеніе опричнины, а ея сокращеніе, причемъ сокращенію этому подверглась опричнина какъ разъ въ отношеніи своихъ функцій военныхъ. Стоитъ прочесть мою предыдущую статью, гдѣ я строго держался тѣхъ фактовъ, которые содержатъ источники, чтобы увидѣть, что утвержденія проф. Виппера въ источникахъ не имѣютъ опоры.

Теперь попытаемся подвести итоги разысканіямъ нашимъ.

Разойдясь окончательно въ 1560 году со своими сотрудниками, съ которыми онъ правилъ 12 лѣтъ, царь Иванъ Грозный жалуетъ новыхъ людей въ боярскую думу и формируетъ новый составъ ближней государевой думы. Уже въ январѣ 1562 года онъ имѣетъ возможность провести въ думѣ указъ объ ограниченіи права князей распоряжаться своими старинными вотчинами, наперекоръ той политикѣ, которой держалась „избранная дума" въ предыдущіе годы. Съ этого же времени идетъ рядъ опалъ на отдѣльныхъ представителей знати. Одни изъ нихъ сосланы, другіе въ монахи пострижены, третьи казнены или просто убиты.

Эти опалы и казни побуждали митрополита и высшее духовенство печаловаться предъ государемъ о пострадавшихъ и раздражали и тревожили московскую знать.

Въ началѣ 1564 года русская армія сильно пострадала близъ Орши, весной пришло извѣстіе о побѣгѣ Курбскаго, очень поразившее Грознаго, а осенью двѣ вѣсти одновременно поразили царя — о пожарѣ Троице-Сергіева монастыря и о одновременномъ нападеніи на предѣлы Московскаго государства двухъ непріятелей: польско-литовское войско подступило къ Полоцку, а крымцы неожиданно появились въ рязанской украйнѣ. Чувство страха, которому царь Иванъ всегда легко поддавался, должно было имъ овладѣть. Нервы его до крайности были напряжены. Въ такой обстановкѣ онъ рѣшился на мѣру, о которой и раньше быть можетъ подумывалъ и совѣтовался со своими бли-

жайшими „злыми“ совѣтниками. Грознаго къ этой новой мѣрѣ — опричнинѣ подвигъ страхъ прежде всего или инстинктъ самосохраненія отъ измѣнъ и предательства, которыми, какъ казалось ему, знать ему угрожаетъ, особенно въ моменты внѣшней опасности, а съ другой стороны имъ руководило желаніе освободиться отъ стѣсненій со стороны духовенства и суда думы боярской въ его расправахъ съ этой предательской знатью.

Для этого онъ прибѣгъ къ средству, къ которому всегда и вездѣ прибѣгали тираны, стремившіеся къ безраздѣльному властвованію.

„Сущность этого средства состоитъ въ томъ, что власть изъ среды управляемой громады выдѣляетъ для себя толпу слугъ, которыхъ привязываетъ къ себѣ особыми милостями и выгодами и дѣлаетъ изъ нихъ орудіе для подчиненія остальной громады народа и для насильственнаго задушенія въ немъ противнаго себѣ духа“ [339]).

Говоря языкомъ нашего времени, опричнину можно считать

„осуществленіемъ политической диктатуры — своеобразнымъ московскимъ фашизмомъ XVI вѣка“ [340]).

Форму же для своей диктатуры Грозный нашелъ въ старомъ удѣльномъ порядкѣ. Ключевскій давно указалъ, что вся философія самодержавія Грознаго сводилась къ одному простому заключенію: „жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольны же“. И при этомъ писалъ:

„Но это заключеніе вовсе не отличалось новизною: оно такъ легко давалось уже князьямъ удѣльнаго времени безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія, безъ той начитанности и тѣхъ усилій мысли, какія потрачены были царемъ Иваномъ въ полемикѣ съ бѣглымъ бояриномъ. Въ актахъ удѣльнаго времени оно и выражалось почти тѣми же словами: „я, князь великій Борисъ Александровичъ (тверской),воленъ, кого жалую, кого казню“, а другому въ то не вступаться, читаемъ мы въ договорной грамотѣ одного изъ этихъ князей, писанной лѣтъ за 170 до полемики Грознаго съ Курбскимъ. Такое простое пониманіе самодержавія выработано удѣльнымъ порядкомъ, который зналъ не государство съ его подданными, а хозяина-вотчинника съ его холопами, въ которомъ вольные люди были политическою случайностью, временными обывателями на наемной землѣ или службѣ. На такомъ основаніи можно было построить не государственный порядокъ въ объединенной Великой Руси, а запоздалую пародію удѣла, на что и была похожа опричнина царя Ивана“ [341]).

Грозный выдѣлилъ себѣ изъ Московскаго государства удѣлъ или опричнину. Но такъ какъ этотъ удѣлъ онъ выдѣлилъ себѣ самому, государю, онъ устанавливалъ этимъ

---

[339]) Костомаровъ, „Начало единодержавія въ древней Руси“, Историч. моногр. и изслѣдов., т. XII, с. 131.

[340]) Н. Н. Алексѣевъ, Русскій народъ и государство, журн. Путь, № 8, с. 41.

[341]) Боярская дума (изд. 4), с. 344—5.

разницу между своею личною и государственной собственностью. Съ самаго начала онъ выдѣлилъ себѣ крупный и богатый удѣлъ, а затѣмъ, въ послѣдующіе годы, постарался его еще увеличить и какъ можно лучше обставить. Здѣсь, въ своемъ дворцовомъ хозяйствѣ, Грозный былъ полновластнымъ хозяиномъ и могъ дѣлать все, что хотѣлъ, помимо боярской думы, дѣлившей съ нимъ власть въ управленіи государствомъ. Онъ озаботился тѣмъ, чтобы предоставить всѣ преимущества жителямъ своего удѣла или опричнины, привязать ихъ къ себѣ всевозможными милостями, разсчитывая съ помощью ихъ выводить ту „измѣну", которая, какъ ему чудилось, гнѣздилась въ нѣдрахъ Московскаго государства и, главнымъ образомъ, среди знати московской. Такимъ образомъ Грозный не смотрѣлъ на свой удѣлъ, какъ на область вполнѣ обособленную отъ жизни всего государства, а намѣревался съ помощью этого удѣла укрѣпить свою власть надъ остальною землею. Гоненіе на московскую знать, безъ обращенія къ обычному суду думы боярской и безъ выслушиванія обычнаго печалованія со стороны духовенства, — было ближайшею цѣлью установленья опричнины. Для того, чтобы не было пощады гонимымъ со стороны ихъ гонителей, Грозный набиралъ въ свою опричнину людей не только способныхъ къ жестокости, но ничѣмъ не связанныхъ съ тѣми, кого онъ гнать собирался, и заставлялъ ихъ клясться, что они съ земскими и впредь знаться не будутъ. Утвержденіе одного изъ русскихъ древнихъ авторовъ, описавшихъ опричнину, будто царь „заповѣда своей части оную часть людей насиловати и смерти предавати" находится въ согласіи съ рядомъ другихъ показаній и, очевидно, отвѣчало дѣйствительности. Но не реальная обстановка, а манія преслѣдованія, которой Грозный страдалъ, вызвала учрежденіе опричнины съ подобною цѣлью. Московская знать, какъ и все населеніе русское, было необычайно предано своимъ государямъ. Гейденшейнъ, польскій историкъ XVI вѣка, съ удивленіемъ пишетъ о томъ, что русскіе (онъ имѣетъ въ виду военныхъ по преимуществу)

„считаютъ вѣрность къ государю въ той же степени обязательной, какъ и вѣрность къ Богу" [342]).

Костомаровъ вѣрно замѣтилъ:

„Мы видимъ, какъ при дворѣ одни бояре противъ другихъ враждуютъ, строятъ одни другимъ козни, роютъ одни подъ другими ямы, но по отношенію къ верховной власти всѣ они покорные холопы" [343]).

---

[342]) Гейденштейнъ, Записки о Московской войнѣ, стр. 27.

[343]) „Кто виноватъ въ Смутномъ времени", Ист. моногр. и изслѣд., т. XIII, с. 414—5.

Намъ только остается неяснымъ, какъ это опричнина, созданная для борьбы противъ знати, стала вскорѣ орудіемъ для насилій надо всѣмъ населеніемъ, оставшимся внѣ границъ государева удѣла или опричнины. Произошло это, повидимому, въ силу тѣхъ же особенностей въ психологіи больного царя, въ силу которыхъ расправа съ измѣнниками (мнимыми), яко бы подготовлявшими передачу Литвѣ Великаго Новгорода, выродилась въ карательную экспедицію не только противъ всего населенія Новгорода и пятинъ новгородскихъ, но и противъ ряда другихъ городовъ, по пути.

Итакъ, въ опричнинѣ самымъ существеннымъ было, во первыхъ, раздѣленіе всей Россіи на два противные лагеря — земщину (или все государство) и опричнину (или удѣлъ), и, во вторыхъ, организованный длительный терроръ надъ земщиной.

Впрочемъ, и самый терроръ, направленный на первыхъ порахъ противъ знати, носилъ какой то случайный характеръ, не былъ мѣрой, послѣдовательно и систематически проводимой. Организаторскихъ способностей Грозный не проявилъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ почему то щадилъ трехъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ земскихъ бояръ — князей Бѣльскаго, Мстиславскаго и Воротынскаго. Далѣе Грозный, рѣшившій начать гоненіе противъ знати, не только власть надъ земщиной предоставилъ боярской думѣ, органу знати, и эту власть противъ прежняго даже усилилъ, но и въ опричнинѣ создалъ новую боярску думу изъ представителей тѣхъ же перворазрядныхъ фамилій, а когда разочаровался въ опричнинѣ и переказнилъ многихъ опричныхъ бояръ, онъ все же и въ послѣдующіе годы правленія назначалъ новыхъ членовъ боярской думы изъ того же верхняго слоя заподозрѣнной знати и оставилъ своему сыну въ наслѣдство боярскую думу весьма аристократическаго состава. „Принципіально онъ даже рѣзче, чѣмъ его предшественники, подчеркнулъ политическое значеніе боярскаго класса“ [344]).

Здѣсь будетъ кстати подчеркнуть и другую непослѣдовательность въ мѣропріятіяхъ Грознаго: служилый классъ онъ заподозрѣлъ въ неблагонадежности, признавъ благонадежными тяглыхъ людей, между тѣмъ свой корпусъ опричниковъ составилъ не изъ тяглыхъ, а изъ служилыхъ людей.

Сравнительно съ главными проявленіями опричнины, дѣйствовавшими постоянно на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, — раздѣленіемъ страны и народа и терроромъ, — меньшее

---

344) М. Любавскій. Древняя русская исторія до конца XVI в., стр. 251.

значеніе имѣло примѣненіе системы вывода при формированіи опричныхъ территорій. Самъ выводъ былъ по тѣмъ временамъ довольно обычнымъ явленіемъ на Руси, но въ эпоху опричнины онъ производился въ ужасныхъ условіяхъ общаго террора.

Послѣдствія опричнины, этой нелѣпой затѣи царя, были очень печальныя. По этому вопросу ограничусь цитатами мнѣній нашихъ историковъ. Такъ Костомаровъ писалъ:

„Учрежденіе опричнины очевидно было такимъ чудовищнымъ орудіемъ деморализаціи народа русскаго, съ которымъ едва ли что-нибудь другое въ его исторіи могло сравниться, и глядѣвшіе на это иноземцы справедливо замѣчаютъ: — «если бы сатана хотѣлъ выдумать что-нибудь для порчи человѣческой, то и тотъ не могъ бы выдумать ничего удачнѣе»“ [345]).

А вотъ слова историка Иловайскаго, идеолога русскаго самодержавія:

„Татарское вліяніе несомнѣнно выразилось и въ тѣхъ суровыхъ чертахъ, съ которыми царская власть относилась къ своимъ подданнымъ; особенно ярко эти черты выступили наружу при Иванѣ Грозномъ въ эпоху опричнины... Его ничѣмъ необузданный произволъ и общій терроръ... доказали только великую силу терпѣнія и глубокую покорность Провидѣнію со стороны Русскаго народа... Но истинное, государственное самодержавіе основывается не на общемъ страхѣ, а на потребности народной въ сильной правительственной власти и на уваженіи народа къ своимъ государямъ. Съ этой стороны Иванъ IV едва ли не нанесъ нравственный ударъ русскому самодержавію“ [346]).

Всѣмъ памятны разсужденія Ключевскаго о безцѣльности опричнины. Напомню его знаменитую фразу:

„Опричнина, выводя крамолу, вводила анархію, оберегая государя, колебала самыя основы государства; направленная противъ воображаемой крамолы, она подготовляла дѣйствительную“ [347]).

Въ Очеркахъ по исторіи Смуты Платоновъ свою главу объ опричнинѣ заключилъ между прочимъ такими словами:

„Создавая политическое гоненіе противъ немногихъ и врядъ ли очень опасныхъ враговъ государственнаго порядка, опричнина создавала этому порядку дѣйствительныхъ враговъ въ массѣ лицъ, терпѣвшихъ не за измѣну свою государству, а неизвѣстно за какую вину передъ жестокимъ и распутнымъ властителемъ“ [348]).

А въ своей послѣдней книжкѣ о Грозномъ, которая въ общемъ свидѣтельствуетъ о значительномъ сдвигѣ во взглядахъ его на опричнину [349]), Платоновъ писалъ:

---

345) Русск. ист. въ жизнеопис., т. I, с. 282.
346) Исторія Россіи, III, с. 409—410.
347) Курсъ русской исторіи, II, изд. 4-е, с. 239.
348) Стр. 141.
349) Объ этомъ въ моей статьѣ „Еще къ вопросу объ опричнинѣ“, с. 274—6.

„С развитием опричнины государство вступило в условия внутренней войны, для которой однако не было причины. Царь преследовал своих врагов, которые с ним не сражались... Результатом этого безумного и вовсе не нужного террора было полное расстройство внутренних отношений в стране... По меткому замечанию англичанина Дж. Флетчера, бывшего в Москве вскоре после смерти Грозного, низкая политика и варварские поступки Грозного так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что повидимому это должно было окончиться не иначе, как всеобщим восстанием. Сделанное до смуты, это замечание вполне было оправдано последующими московскими событиями“ [350]).

Эти сужденія нашихъ историковъ (даже Платонова!) о результатахъ опричнины находятся въ большемъ согласіи съ тѣмъ, какъ я понимаю опричнину по нашимъ источникамъ, нежели съ попытками, достаточно произвольными, ея осмысленія и оправданія.

---

[350]) Иван Грозный, с. 114—6.

Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Русскаго Научнаго Института
въ Бѣлградѣ.

Выпускъ 17.